

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции

Краснодар
2017

УДК 81'1
ББК 81
А 437

Редакционная коллегия:

З.И. Гурьева (отв. редактор), Л.Г. Аксютенкова, Ю.В. Баклагова

А 437 Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З.И. Гурьевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – 235 с. – 500 экз. ISBN 978-5-8209-1317-4

Предлагаемое издание содержит статьи специалистов вузов, посвященные актуальным современным проблемам в области лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Адресуется широкому кругу специалистов в теории языка, аспирантам, студентам лингвистических факультетов.

УДК 81'1
ББК 81

ISBN 978-5-8209-1317-4

© Кубанский государственный
университет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации», организованная кафедрой английского языка в профессиональной сфере КубГУ, состоялась 31 марта 2017 г. Специалисты в различных областях теории языка и межкультурной коммуникации получили возможность обменяться мнениями по предложенной тематике, которая требует дальнейшего научно-теоретического обоснования и практического развития.

Широкомасштабный процесс интеграции России в мировую экономику с каждым годом набирает обороты. Он диктует национальному рынку труда свои условия. Не секрет, что успешное функционирование субъекта (физического или юридического лица) в современных условиях невозможно без свободного владения иностранным языком, в первую очередь английским – общепризнанным языком международного общения.

Профессиональная компетенция студента предполагает наложение на крепкий базовый общий уровень владения иностранным языком языка специальности, т.е. профессионально ориентированного языка. Искусство межкультурного общения для современных выпускников вузов – важная профессиональная черта, так как основным средством реализации производственных задач является деловая коммуникация. В условиях модернизации системы образования требования к уровню владения иностранным языком постоянно возрастают, ведь молодые специалисты должны уметь овладевать научными методами хозяйствования в условиях интеграции России в мировую рыночную экономику, творчески использовать интенсивные факторы развития производства, научно-технического прогресса.

Переосмысление некоторых положений с позиций недавних достижений лингвистики и лингводидактики и межкультурной коммуникации способствует формированию особой коммуникативной компетенции.

В ходе конференции были также затронуты вопросы профессионально ориентированного обучения иностранным языкам, развития навыков говорения и чтения, использования информационных и интерактивных технологий в образовательном процессе.

Предлагаемое издание содержит статьи специалистов вузов, аспирантов, посвященные актуальным проблемам и современным направлениям лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Организаторы конференции надеются, что опубликованные материалы послужат стимулом для успешного сотрудничества специалистов в данной области.

Редакционная коллегия

К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНОМ ПОЛЕ КОНЦЕПТА: ДЕРИВАЦИОННОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «КРЕДИТ»

Л.Г. Аксютенкова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена дальнейшему построению номинативного поля концепта «Кредит», который является одним из основных в экономической картине мира. В статье сделан акцент на построение деривационного поля путем анализа деривационных компонентов исследуемого концепта. Выявлены семантические компоненты, описывающие концепт, и его когнитивный признак.

Ключевые слова: концепт, концепт «Кредит», номинативное поле, деривационное поле, экономическая картина мира, деривационный компонент, семантический компонент, когнитивный признак.

Номинативное поле концепта представляет собой «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [5, с. 66].

Для построения номинативного поля концепта необходимо произвести следующие исследовательские действия:

- 1) установить ключевое слово-репрезентант, объективирующее концепт (ключевое слово);
- 2) установить ядро номинативного поля;
- 3) установить периферию номинативного поля;
- 4) проанализировать художественные и публицистические тексты;
- 5) построить лексико-фразеологическое поле ключевого слова;
- 6) построить деривационное поле концепта;
- 7) построить паремиологическое поле концепта;

8) проанализировать устойчивые сравнения с номинантами концепта;

9) проанализировать фразеологические номинации концепта;

10) проанализировать ассоциативное поле концепта [там же].

Внутреннюю форму языка может репрезентировать номинативное поле, составной частью которого является деривационное поле. Описание номинативного поля позволяет внутреннюю смысловую структуру языка, изменение значения единиц языка и уровни их взаимодействия.

Для построения и описания номинативного поля концепта «Кредит» нами в процессе исследования было установлено ключевое слово-репрезентант, объективирующее концепт (ключевое слово) – кредит; установлено ядро и периферия номинативного поля; проанализированы соответствующие специальные и публицистические тексты; построены лексико-фразеологическое и паремиологическое поля данного ключевого слова; проанализированы устойчивые сравнения с номинантами концепта и его фразеологические номинации, а также проанализировать ассоциативное поле исследуемого концепта «Кредит». Полученные в результате исследования данные были отражены в следующих работах: «К вопросу о психолингвистическом анализе: концепт «Кредит»» [1], «К вопросу о номинативном поле концепта: концепт «Кредит»» [2], «К вопросу о номинативном поле концепта: паремиологическое поле концепта «Кредит»» [3].

Таким образом, для получения полной картины и характеристики номинативного поля изучаемого концепта следует построить деривационное поле концепта «Кредит», так как оно является непосредственной составляющей номинативного поля. Оно включает в себя «как лексемы-производные от номинаций концепта, так и языковые единицы разного уровня сложности (сложные слова и словосочетания), содержащие в своем составе ключевые репрезентанты концепта» [4].

Понятие **кредит** и концепт, его объективирующий, как уже отмечалось, стало активно функционировать в языке рынка / экономической картине мира не так давно и определяется как «(от лат. credit – он верит) – ссуда в денежной или товарной форме, предоставляемая кредитором заемщику на условиях возвратности, чаще всего с выплатой заемщиком процента за пользование ссудой. Различают следующие основные формы кредита:

- краткосрочный;
- долгосрочный;
- гарантированный;
- государственный;
- банковский;
- потребительский;
- коммерческий;
- международный (иностраный);
- ипотечный» [7, с.172].

В.А. Калашников дефинирует кредит следующим образом: «1) временная передача денежной суммы, товаров и других ценностей другому лицу на условиях срочности, возврата и платы процента за пользование. Основные формы кредита – банковский и коммерческий; 2) название правой страницы счетоводных книг (расход); 3) название экономической дисциплины» [4, с.162].

Кредит авальный, автоматически возобновляемый, кредит акцептно-рамбурсный, кредит акцептный, кредит амортизационный, кредит безотзывный, кредит безотзывной документарный акцептный, кредит безотзывной и подтвержденный, кредит без рассрочки, беспроцентный, бессрочный, кредит бланковый, блокированный, кредит бюджетный, кредит валютный, кредит в валюте, свободно конвертируемой, кредит вексельный, кредит «вечнозеленый», кредит вещный, кредит в наличной форме, кредит в форме тратты, кредит возобновляемый, кредит гарантированный, государственный, кредит дилерский, кредит дешевый, дисконтный, длительный, для импорта, кредит доверия, долгосрочный, кредит замороженный, значительный, кредит

импортера, импортеру, инвестиционный, иностранный, использованный, используемый в случае необходимости, исчерпанный, кредит компенсационный, кредит контокоррентный, кредит кооперативный, кредит краткосрочный, кредит купеческий, кредит ломбардный, кредит льготный, максимальный, кредит международный, кредит мелкий, кредит наличный, на временные нужды, на льготных условиях, кредит необеспеченный, необеспеченный банковскими гарантиями, кредит неограниченный, кредит-нота, кредит обеспеченный, кредит овердрафтный, кредит онкольный, кредит отзывной, кредит открытый, кредит партнерский, кредит платежный, под залог, подтоварный, под ценные бумаги, по операциям с маржей, по пониженной ставке, по усредненной ставке, кредит покупателю, кредит потребительский, кредит правительственный, предельный, кредит пролонгируемый, промышленный, просроченный, прямой, разовый, рамбурсный, кредит револьверный, резервный, кредит ростовщический, кредит самоликвидирующийся, сверх установленного лимита, свинговый, «связанный», с единовременным погашением, с погашением в рассрочку, кредит смешанный, кредит срочный, кредит «стэнд-бай», кредит технический, кредит товарный, кредит экспортный, эмиссионного банка. Кредиты, в свою очередь, могут быть взаимными, рефинансируемыми, и синдицированными (консорциальными).

Различают также кредитную блокаду, кредитную войну, кредитную дискриминацию, кредитную историю, кредитную карту, кредитную линию, кредитную реформу, кредитную систему, кредитную ставку, кредитное страхование, кредитную экспансию, кредитную эмиссию, кредитное соглашение, кредитные билеты, кредитные деньги, кредитные ограничения, кредитный банк, кредитный договор, кредитный контроль, кредитный магазин, кредитный мультипликатор, кредитный риск, кредитный союз, кредитный счет, кредитование, кредитора и кредитоспособность.

Можно также выделить валюту кредита, возвращение (возмещение) кредита, выдачу кредита, выплаты по кредитам, гарантию кредита, задолженность по кредиту(ам), задолженность

по краткосрочным кредитам, закрытие кредита, заявку на кредит, злоупотребление кредитом, информацию о кредите, использование кредита, источник кредита, комиссионные за открытие кредита, компенсацию кредита поставками продукции, лишение кредита, механизм выдачи кредита, назначение кредита, недостаток (нехватка) кредита, остаток кредита, плата за кредит, погашение кредита, предоставление льгот по кредиту, программу кредитов, продажу кредитов, процент за пользование кредитом, покупку кредита, размер кредита, разрешение на кредит, распределение банковских кредитов, расширение кредита, расходы на оформление кредита, расчеты по кредиту, рационализирование кредита, риск неплатежа при предоставлении кредита, риск при продаже кредита, рынок кредита, соглашение о кредите, сокращение кредита, спрос на кредит, срок кредита, ставки по кредитам процентные, стеснение кредитов, стоимость кредита, страхование кредита.

Кредит возможно блокировать, брать, возобновлять, гарантировать, закрывать, использовать, открывать, открывать в банке, открывать в пользу, погашать, погашать ежегодными долями, погашать поставками готовых изделий, погашать равными долями, получать, потерять, превышать, предлагать, предоставлять, продавать, продлевать, разрешать, распределять, расширять, регулировать, удорожать; брать в кредит, давать в кредит, выполнять условия кредита, выставять тратты на основании кредита, договориться о кредите, договориться с банком о предоставлении кредита, обращаться за кредитом, отказаться от кредита, отказывать в кредите, поддерживать кредитом, покупать в кредит, пользоваться кредитом, поставлять товары в кредит, поставляться на условиях кредита, потребовать погашения кредита, сдерживать рост кредитов, сокращать предельный размер кредита.

В этом смысле *кредит* как форма передачи опыта является определенным комплексом, который находит свое употребление у конкретной части общества. Он, соответственно, закреплён в форме концепта.

Принцип деривации является универсальным принципом устройства и функционирования языка. Под деривационным

полем концепта «Кредит» мы понимаем комплекс производных и простых и составных лексических образований, вербализующих исследуемый экономический концепт в русском языке, языке рынка. Основу данного поля составляют производные лексические единицы и словосочетания, непосредственно связанные с основными значениями исследуемого концепта.

Построение деривационного поля концепта проводится с использованием словообразовательных словарей, таких как, например, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова. Понятие *кредит* и объективирующий его концепт, как уже отмечалось, закрепились в русском языке не так давно. В связи с этим, деривационная парадигма в нем отсутствует, и в данной работе мы предпримем попытку построить и описать его деривационное поле.

В деривационном гнезде все однокоренные слова и выражения связаны между собой системными деривационными отношениями. Они и образуют лексико-деривационную систему концепта.

Для построения деривационного поля концепта «Кредит» использовались данные Современных экономических словарей.

Кредит

Кредит-ор-ск-ий

Кредит-н-ый (ая) (ое) (ые)

Кредит-ова-н-ие

Кредит-ова-ть

Кредит-ов-ый

Кредит-ор

Кредит-о-способ-н-ость

Кредит-о-способ-н-ый

Результаты исследования показали, что деривационное поле концепта составляют 317 лексем и лексемных образований, словосочетаний и выражений, в которых одним из компонентов является лексема *кредит* 231 (72,9%) *кредиторский* 4 (1,3%), *кредитный(ая)(ое)(ые)* 18 (5,7%), *кредитование* 27 (8,5%), *кредитовать* 3 (0,9%), *кредитовый* 1 (0,3%), *кредитор* 25 (7,9%), *кредитоспособность* 7 (2,2%), *кредитоспособный* 1 (0,3%).

Таким образом, анализ лексических единиц, составляющих деривационное поле концепта «Кредит», показал, что у каждой прослеживается связь с основным значением слова. Однако степень этой связи различная.

А анализ лексических и семантических компонентов позволил выделить важнейшие семантические компоненты, описывающие данный концепт: «давать в долг», «организация/человек», «дающие в долг», «документ, закрепляющий отношения между займодателем и заемщиком», «процесс передачи денег в долг на определенных условиях» и «способность давать денежные средства в долг».

При дальнейшей интерпретации компонентов, указанных выше, удалось выделить и когнитивный признак исследуемого концепта «Кредит» – «ссуда, заем», что относит его к экономической концептосфере, экономической картине мира.

Библиографический список

1. Аксютенкова Л.Г. К вопросу о психолингвистическом анализе концепта: концепт «Кредит» // Путь науки. Волгоград: Научное обозрение, 2014. Вып. VIII. С. 120-133.

2. Аксютенкова Л.Г. К вопросу о номинативном поле концепта: концепт «Кредит» // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. Кн. 9. С. 6-13.

3. Аксютенкова Л.Г. К вопросу о номинативном поле концепта: паремиологическое поле концепта «Кредит» // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. Кн. 10. С. 5-11.

4. Калашников В.А. Рынок: Бизнес. Коммерция. Экономика. Толковый терминологический словарь. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998. 404 с.

5. Плахова О.А. Деривационное поле концепта «Фейри» (на материале английской народной сказки [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/449> (дата обращения 07.03.2017)

6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.

7. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

TO THE QUESTION OF THE NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT: DERIVATIONAL FIELD OF THE CONCEPT “CREDIT”

L.G. Aksyutenkova

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the further creation of the nominative field of the concept “Credit”, which is one of the main notions in the economic worldview. This article is focused on the creation of the derivational field by analyzing the investigated concept derivational components. The semantic components describing the concept and its cognitive feature are determined.

Index terms: concept, concept “Credit”, nominative field, far periphery, derivational field, economic worldview, derivational component, semantic component, cognitive feature

Об авторе:

Аксютенкова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: ludmila100@mail.ru

О ТИПИЧНОМ В ТЕОРИИ И НЕТИПИЧНОМ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

О.В. Бабак, А.А. Писаренков

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются взаимоотношение между теорией и практическими аспектами перевода, ставится под вопрос универсальность теоретических положений в практике перевода.

Ключевые слова: лингвистика, теория перевода, практика перевода, художественный перевод, текст, эквивалентность.

Перевод – одна из древнейших интеллектуальных практик в гуманитарной сфере, однако переводоведение – молодая наука, которая стала активно развиваться лишь после второй мировой войны. Расширение международных контактов, развитие науки и техники, увеличение потока печатной продукции привело к осознанию необходимости подготовки переводческих кадров, а также выступило стимулом разработки соответствующей теоретической базы. Нельзя сказать, что эта сфера деятельности не подвергалась теоретическому осмыслению, достаточно большое количество мыслителей занимались этой проблемой, начиная от Цицерона и заканчивая Ортегой-и-Гассетом, однако основная часть дискуссии в рамках этого теоретического поиска разворачивались вокруг проблемы принципиальной возможности адекватности перевода, а также к какой сфере отнести перевод к науке или искусству. Поскольку переводоведение возникло на стыке многих научных дисциплин, таких как лингвистика, филология, философия, логика, психология, то становится очевидным, что теория перевода по определению является сложной многоаспектной и дискуссионной дисциплиной. Сложность создания подобной дисциплины осознавалась многими лингвистами. А. А. Реформатский, в этой связи, вообще

сомневался в возможности создания теории перевода, поскольку полагал, что практика перевода пользуется услугами слишком большого количества научных дисциплин, которые сложно свести воедино, а многообразие литературных жанров и авторских стилей до бесконечности умножает трудности создания собственно науки о переводе.

На данный момент существует достаточно большое количество взглядов на то, какой должна быть теория перевода. Было бы уместным предположить, что теория перевода, как и положено теории, должна быть более или менее всеобъемлющей, последовательной и логичной, однако на практике мы видим, что каждому направлению в теории языка соответствует определенная теория перевода. Дж. Стайнер, в этой связи, указывает, что теория перевода – если она вообще существует и чем-то отличается от набора рецептов, которым в идеале должен придерживаться переводчик, однообразно «обсасывает одни и те нестрогие понятия: «букву» и «дух», «слово» и «смысл», словно это осмысленное противопоставление, поддающееся анализу» [8, с. 290]. Бархударов считает, что теория перевода отражает лишь наиболее существенные, закономерные черты описываемого явления. Однако существует достаточно большое количество соответствий, «единичных, нерегулярных, устанавливаемых только для данного конкретного случая ... а поскольку такие единичные соответствия не поддаются обобщению, лингвистическая теория перевода не может учитывать их в своих построениях» [2, с. 7] При этом он отмечает, что эти «незакономерные» случаи как раз и представляют собой наибольшую трудность для практики перевода. Умберто Эко в своей книге «Сказать почти то же самое», посвященной в первую очередь практическим аспектам перевода, приводит впечатляющее количество «частных случаев», которые проблематично описать, если вообще возможно, в терминах общей теории перевода. Тот обширный иллюстративный материал, который он приводит, служит ярким примером того, что перевод художественных текстов в большинстве случаев как раз и состоит из нетипичных случаев. В этой связи интересна позиция К. Чуковского, которую он озвучил

в начале 20-х годов по поводу применимости теоретических правил в переводе: «По-моему, таких правил нет. Какие в литературе правила – один переводчик сочиняет, и выходит отлично, а другой и ритм дает и все, – а нет, не шевелит. Какие же правила?» [1, с. 21] Резонно предположить, что наибольшее количество нетипичных случаев, наблюдается в художественных текстах, где переводчику приходится проявлять подлинное искусство для создания эквивалентного текста. П. Ньюмарк, в этой связи, полагает, что соотношение искусства и науки в практике перевода зависит от жанровой принадлежности текста. Так, перевод поэзии на 60 или даже на 80 процентов – творческий, креативный процесс, перевод художественной прозы лишь на 20-30 процентов представляет собой творчество, а перевод научных и технических текстов, в лучшем случае, лишь на 15 процентов относится к творческой деятельности. Разница в этих соотношениях, согласно его мысли, напрямую связана со сложностью этих текстов, т.е., обилие «нетипичных случаев» делает перевод художественной литературы в значительной степени творческим процессом. Для решения практической задачи перевода художественных текстов – достижения адекватности, по мысли автора, требуется привлекать творческое воображение. Творческое воображение базируется на определенных техниках, необходимых в рамках переводческой практики:

1) соноризация (sonorization) – внутреннее мысленное воспроизведение звуков, слышимых или когда-либо слышанных. Эта часть воображения – важный элемент перевода всех художественных текстов, которая объединяет письменное слово и внутренний человеческий голос;

2) визуализация (visualization) – создание мысленных визуальных образов – важный процесс перевода практически всех видов текстов, «Если вы не можете мысленно представить, о чем повествуется в этом абзаце, то он не имеет смысла, а вы, должно быть, совершили ошибку» [6, с. 108]. Данный процесс фокусируется на мысленном создании четкого содержания повествования;

3) доризация (odorization) – чувственное восприятие, которое можно встретить в некоторых видах текстов, например, текстах с описанием запахов цветов, парфюмерии или отвратительных запахов смерти, тлена или разложения. Ньюмарк полагает, что создание образа таких ощущений является очень важным моментом в текстах, которые создают чувственный ряд образов связанных, например, со смертью, войной и т.п.;

4) густация (gustation) – прием, которым следует пользоваться при переводе популярных в наши дни кулинарных текстах;

5) тактилизация (tactilization) – чувства при прикосновении к человеку, животному или какой-либо материальной поверхности.

Последние три мысленных восприятия, по мысли Ньюмарка, играют вспомогательную роль в переводе. Возможно, вышеперечисленные техники хороши для нетипичных случаев, но крайне сложно представить возможность их научной институализации, инкорпорирование их в теоретический корпус общей теории перевода.

Не вызывает сомнения тот факт, что в процессе описания перевода, в первую очередь, необходимо использовать инструментарий наук о языке. Как справедливо отмечал Дж. Кэтфорд: «Поскольку перевод непосредственно сопрягается с языком, то анализ и описание процесса перевода должны в значительной степени использовать тот категориальный аппарат, который применяется для описания языка. Он должен привлекать теорию языка и общую теорию лингвистики» [7, с. 211] другими словами это те научные дисциплины, которыми должен владеть переводчик-профессионал, однако сложно отрицать тот факт, что, хотя знание теории – это важный элемент подготовки переводчика, но не самый значимый.

Ю. Найда приобрел известность, работая над переводами библейских текстов. На основании своего опыта он пришел к выводу, что перевод не является отдельной наукой, а скорее представляет собой особые навыки и требует определенной эстетической чувствительности. Опытный переводчик должен иметь особое чутье, позволяющее ему находить ближайший естественный эквивалент текста на языке перевода. Таким

образом, перевод в значительной степени является искусством и находится в тесной зависимости от таких дисциплин как лингвистика, культурная антропология, филология, психология и теория коммуникации. Как указывает Найда, практически все билингвы могут создавать эквивалентные тексты, не только не зная теории, но и не имея специального образования. Он говорит о том, что некоторые люди имеют замечательные способности в манипуляции словом, фразами и предложениями, а лучшие переводчики не тратят годы на заучивание выражений, имеющих схожие значения, а скорее обладают особой чувствительностью в подборе соответствующих значений в 2х и более языках. Найда подчеркивает, что язык – это набор вербальных знаков, которые представляют собой аспекты культуры. Человек, который желает пользоваться языком другой языковой общности должен научиться пользоваться словами в культурно приемлемой манере, знать реалии данной культуры и уметь воспроизводить их с такой же смысловой и эмоциональной насыщенностью на другой язык.

Найда полагает, что для подготовки переводчика требуются определенные навыки, которые могут явиться подспорьем в решении типичных переводческих проблем. Например: доскональное знание различных референциальных классов, фактов окружающей реальности: людей, гор, рек, растений; умение находить правильные эквиваленты при описании уникальных реалий; определять состояния и процессы, характеристики и связи. Еще одним важным моментом является навык владения дискурсивными практиками: повествование, описание, аргументация и беседа. Главным же показателем успеха переводческой деятельности, Ю. Найда считает адекватную «реакцию рецептора», то есть применительно к его деятельности как переводчика Библии, приобщение «рецептора» к вере.

Умберто Эко, посвятивший значительную часть своего многогранного таланта переводу, подчеркивает, что переводить это всегда означает «счищать» часть последствий, предполагавшихся словом оригинала [4, с. 85] и то, какая часть последствий должна быть «счищена» зависит лишь от искусства переводчика и его умения решать частные проблемы перевода,

которые, как правило, составляют основную сложность в любом художественном переводе.

Библиографический список:

1. *Азов А.* Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960г. М.: ВШЭ, 2013. 308 с.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
4. *Эко У.* Сказать почти то же самое. М., АСТ, 2015. 736 с.
5. *Catford J.* A Linguistic Theory of Translation. London, 1965.
6. *Newmark P.* Approaches to Translation. Oxford, 1981.
7. *Nida E.* Contexts in Translating. Amsterdam/Philadelphia. 2001.
8. *Steiner J.* After Babel: Aspects of Language and Translation, N.Y., 1998.
9. *Venuti L.* The Translator's Invisibility. New York, 2008.

ON TYPICAL AND NON-TYPICAL IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

The article considers interrelations of theoretical and practical aspects in the sphere of translation and questions universal applicability of theoretical approaches to the goals of translation practices.

Index terms: linguistics, theory of translation, translation practice, text, equivalency of translation.

Об авторах:

Бабак Олег Валентинович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: obabak@mail.ru

Писаренков Александр Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка в

профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: Alpisarenkov@mail.ru

УДК 004.9: 378: 811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОДКАСТИНГА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ю.В. Баклагова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы использования инновационной технологии подкастинга в обучении английскому языку, обусловленной модификацией содержания обучения иностранному языку в вузе. Рассматриваются возможные интерактивные формы обучения с применением подкастов.

Ключевые слова: английский язык, подкастинг, подкаст, компетентностный подход, интерактивные формы обучения.

Слово *подкаст* произошло от слияния английского слова *broadcasting* (повсеместное вещание, широковещание) и названия *mp3*-плеера от *Apple – iPod*. Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение подкаста: «A digital audio file made available on the Internet for downloading to a computer or mobile device, typically available as a series, new instalments of which can be received by subscribers automatically» *Цифровой аудиофайл, доступный в Интернете для загрузки в компьютер или мобильное устройство, обычно доступный в виде ряда серий, новые выпуски которых подписчики могут получать автоматически* [5].

Подкаст – это способ публикации медиа-поток в сети, при котором они анонсируются особым образом, позволяющим автоматизировать загрузку новых выпусков на устройство воспроизведения. Эти потоки могут представлять собой не

только аудио файлы, но также видеофайлы. Файлы обычно доступны в формате MP3 или Ogg/Vorbis для звуковых записей, Flash Video и других – для видео-передач. Как правило, в каждом выпуске ведущие подкаста придерживаются определённой тематики. Итоговый файл распространяется путём выкладывания на сайте проекта, откуда можно скачать файл, прослушать онлайн (через встроенные флэш-плееры) или же выкладывается на специализированных ресурсах или подкаст-терминалах. Обычно каждый выпуск подкаста записан в одном формате аудио или видео, чтобы подписчики могли воспроизводить весь подкаст одним и тем же способом.

Подкастинг как разновидность информационного вещания в Интернете предоставляет бесплатный доступ к оригинальному контенту со всего мира. Очевидно, что аутентичный характер подкастов представляет огромный интерес с точки зрения методики преподавания иностранного языка. В данной статье мы ставим цель рассмотреть возможности использования технологии подкастинга в обучении английскому языку.

В рамках компетентностного подхода компетенции рассматриваются как сквозные, вне- над- и метапредметные образования, интегрирующие как традиционные знания, так и разного рода обобщенные интеллектуальные, коммуникативные, креативные, методологические, мировоззренческие и иные умения. Категориальная база компетентностного подхода непосредственно связана с идеей целенаправленности и целезаданности образовательного процесса, при котором компетенции задают высший, обобщенный уровень умений и навыков [1].

Обязательным условием реализации компетентностного подхода в процессе преподавания учебных дисциплин в высшем учебном заведении является применение интерактивных форм обучения.

Понятие «интерактивность» базируется на погружении в процесс взаимодействия, то есть на обмене деятельности между участниками коммуникации. Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый в форме совместной

деятельности студентов, при которой все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы.

Интерактивное педагогическое взаимодействие характеризуется высокой степенью интенсивности общения его участников, их коммуникации, сменой и разнообразием видов, форм и приемов деятельности, целенаправленной рефлексией участниками своей деятельности и состоявшегося взаимодействия. Интерактивное взаимодействие, реализация интерактивных педагогических методов направлены на изменение, совершенствование моделей поведения и деятельности участников всего педагогического процесса.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования четко определена высокая значимость применения интерактивных методов в процессе обучения.

Использование технологии подкастинга может считаться формой интерактивного обучения, поскольку интерактивное обучение подразумевает диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие не только преподавателя и студента, либо взаимодействие студента и студента, но и взаимодействие студента и компьютера. Кроме того, технология подкастинга полностью отвечает требованиям интерактивных форм обучения, применение которых ставит во главу угла многостороннюю коммуникацию: обеспечивает полную вовлеченность всех студентов в учебную деятельность, дает возможность создать комфортную, дружелюбную атмосферу и обеспечивает социализацию.

Самыми, пожалуй, популярными сайтами, которые предлагают подкасты для изучающих английский язык, являются сайт BBC, сайт Британского Совета и сайт *Audio English* [2, 3, 4]. Кроме текстовых скриптов аудио или видео подкастов на сайтах можно найти упражнения, направленные на закрепление лексического материала к каждому конкретному подкасту.

Подкасты могут быть разбиты по тематике. Далее мы кратко расскажем о сайте *Audio English*.

Сайт *Audio English* содержит разделы – *English for Beginners*, *Practical English*, *Travel English*, *Telephone English*, *Banking English*, *Accounting English*. В каждом разделе также существует собственное разделение на темы. Так, в разделе *Practical English* предложены темы *Air Travel*, *Railway Travel*, *Car Travel*, *Hotel*, *Restaurant*, *Health problems*, *Shopping*, *Banking* и т.д. [2].

В каждой теме выбор подкастов варьируется в зависимости от типа подкаста (это может быть живой диалог или задание «role-play exercise», когда в подкасте проигрывается только одна роль, а слушающий исполняет вторую роль в диалоге, в котором преднамеренно даны длинные паузы вместо фраз) или уровня языкового материала (каждый подкаст снабжен информацией о языковом уровне – *Elementary*, *Pre-Intermediate*, *Intermediate* и т.д.). Многие подкасты снабжены упражнениями для тренировки памяти (таким образом проверяется усвоение пройденного материала).

На этом сайте есть подкасты, доступные по платной подписке, а также огромное количество бесплатных материалов. Главное преимущество этого сайта заключается в том, что авторы выбрали самые актуальные темы и оптимальную лексику, а стиль изложения материала – в меру формальный и современный.

Специалисты в области методики преподавания английского языка признают, что аутентичные аудио- и видеоматериалы являются в высшей степени эффективным средством обучения языку. Они объясняют это большой информативностью и выразительностью зрительно-слухового ряда, а также ситуативным и динамичным характером этих материалов. Использование подкастов – не исключение. Работа с подкастами требует высокого уровня вербального взаимодействия, который предполагает наличие у коммуникантов умений и навыков выбора адекватной стратегии ведения дискурса. Аудио- и видеоподкасты незаменимы в обучении речевому общению, так как сильное эмоциональное воздействие и эффект соучастия,

отсутствующие в обычных текстовых материалах, способствуют повышению результативности интеракции.

С точки зрения компетентностного подхода технология подкастинга полностью соответствует основным методическим принципам обучения, направленным на формирование и развитие умений и навыков, как общего характера, так и узкоспециализированного. Работа с подкастами задействует все основные виды речевой деятельности – говорение, аудирование, чтение и письмо. Это способствует формированию речевой компетенции. Умение выстроить целостные, связные и логичные высказывания, выбрать лингвистические средства в зависимости от типа высказывания и способность анализировать ситуацию речевого общения способствуют развитию дискурсивной компетенции. Аутентичный характер подкастов обуславливает возможность усилить социокультурную компетенцию и компенсаторную компетенцию, которая подразумевает умение выходить из положения в условиях дефицита языковых средств при получении и передаче иноязычной информации. Если говорить о компетенциях общего характера, то применение подкастинга способствует развитию учебно-познавательной компетенции.

Работа с подкастами может осуществляться двумя способами: первый подразумевает использование исключительно материалов портала, который предоставляет учебные подкасты; второй предполагает разработку собственных стратегий.

Если с первым способом все предельно просто и понятно – Вы используете на занятиях подкасты и комплекс заданий, доступных на сайте. То второй способ требует творческого подхода и тщательно продуманного плана действий. Далее мы представим некоторые идеи относительно того, какие формы обучения можно включить в работу с подкастами.

Итак, если подкаст тематический, например, в форме диалога или полилога, то можно разработать упражнения на закрепление лексического материала. Это могут быть упражнения на соответствие слов дефинициям, на парные синонимы или антонимы и т.д.

Если подкаст посвящен какой-либо проблеме, то формы обучения могут быть задействованы самые разные. Допустим, Вы решили использовать на занятии подкаст из раздела «6 минут английского» сайта BBC. Вы выбрали подкаст с актуальной темой «Why do cities make us rude?». После того, как студенты прослушали подкаст, в котором ведущие обсуждают обозначенную проблему, целесообразно использовать такие интерактивные формы, как дискуссия, диспут, дебаты.

Для проведения дискуссии все студенты разбиваются на небольшие подгруппы, которые обсуждают те или иные вопросы, входящие в тему «Why do cities make us rude?». Результатом дискуссии может быть составление списка интересных мыслей, выступление представителя от каждой подгруппы с докладом, отражающим взаимоприемлемую точку зрения всей полгруппы, составление плана действий для решения обозначенной проблемы.

В силу того, что тема «Why do cities make us rude?» поднимает проблему, которая не имеет общепринятого, однозначного решения, возможно проведение дебатов или диспутов по теме. Дебаты являются одной из самых популярных интерактивных методов обучения. Дебаты – форма учебного занятия, в рамках которого осуществляется формализованный обмен информацией, отражающей полярные точки зрения по одной и той же проблеме, с целью углубления или получения новых знаний, развития аналитико-синтетических и коммуникативных умений. Дебаты способствуют повышению культуры ведения коллективного диалога.

Диспут представляет собой коллективное обсуждение проблемы нравственного, политического, литературного, научного, профессионального характера. Это чётко структурированный и специально организованный публичный обмен мыслями между двумя (и более) сторонами по теме. В процессе диспута участники высказывают различные суждения, точки зрения, оценки.

Применение названных интерактивных форм в работе с подкастами способствует не только закреплению и актуализации полученных знаний в области английского языка, но и развитию

творческой активности личности, умения представлять свою позицию и вести толерантный диалог, навыков ораторского мастерства. Выбор конкретной формы зависит от количества студентов в группе, их индивидуальных особенностей и от целевой установки урока.

Подведем итог. Положительный эффект от применения технологии подкастинга на занятиях по английскому языку заключается в том, что применение подкастов повышает мотивацию студентов к изучению английского языка, поскольку поощряется активное участие каждого студента в учебном процессе, развиваются умения и навыки владения современными техническими средствами. Через моделирование ситуаций студенты оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы. Как следствие, это способствует более эффективному усвоению учебного материала, установлению обратной связи. И, наконец, на более глобальном уровне технология обеспечивает переход от статической модели знаний к динамической системе умственных действий.

Библиографический список

1. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Интернет-журнал «Эйдос». [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm> (дата обращения 01.03.2017).
2. Audio English. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.audioenglish.org> (дата обращения 01.03.2017).
3. BBC. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.bbc.co.uk/learningenglish/english/features/6-minute-english/ep-170302> (дата обращения 01.03.2017).
4. British Council. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://learnenglish.britishcouncil.org/en/apps/learnenglish-podcasts> (дата обращения 05.03.2017).
5. English Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения 03.03.2017).

USING THE PODCASTING TECHNOLOGY FOR ENGLISH LANGUAGE TEACHING

J.V. Baklagova

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the urgent problem of using the podcasting technology for foreign language teaching. This problem is caused by the modification of the content of foreign language teaching in higher educational institutions. The author considers feasible interactive teaching forms with the use of podcasts.

Index terms: English language, podcasting, podcast, competence-based approach, interactive teaching forms.

Об авторе:

Баклагова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: liliann@mail.ru

УДК 372.881.111.1

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОСНОВА ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КОНТРОЛЯ

М.А. Бодоньи

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена изучению подходов к контролю письменной речи. На основе исследования текстоцентрированного, процессного и жанрово-ориентированного подходов нами были выделены группы объектов контроля, отличающиеся как содержательной стороной,

так и вниманием к различным сторонам письма. Исследуемые подходы к контролю письменной речи становятся основой для моделирования объектов контроля продуктов письма.

Ключевые слова: письменная речь, объекты контроля и оценки письма, текстоцентрированный, процессный подход к контролю письменной речи, жанрово-ориентированный подход к контролю письменной речи

Аспекты письменной речи, подлежащие контролю, могут варьироваться в зависимости от опоры определенным методический подход. Широкий круг объектов контроля делает возможным оценку письма с разных позиций в соответствии с выдвигаемыми целями и условиями.

Непосредственно в учебном процессе выделяемые объекты контроля письма дифференцируются в зависимости от стратегий обучения, различия между которыми обусловлены точками зрения на сущность письма [1]. В данном контексте релевантными оказываются подходы к пониманию иноязычной письменной речи, расхождения между которыми проявляются уже на этапе определения письма:

- письмо рассматривается как форма речи, что предполагает особое внимание к механическим умениям, правильности использования грамматических и лексических средств, орфографии и т.п., в свою очередь письменные умения определяются на изолированной основе;

- письмо трактуется как процесс выражения мыслей, т.е. на первый план выдвигается содержательный аспект, практические умения трактуются как средство текстопорождения;

- письмо позиционируется как социально и культурно ориентированная коммуникативная деятельность, что требует учета социальных и культурных условий ее реализации [6, с. 192-193].

Различия в понимании письма, определяющие становление и развитие глобальных методических систем/ подходов к обучению письменной речи, являются концептуальными для разграничения объектов контроля. Моделирование объектов

контроля письменной речи учитывает основополагающие характеристики подходов, а именно

- эмпирический объект, который выдвигается в качестве объекта контроля (текст, практика, мыслительные процессы и т.п.);

- характеристики, аспекты и т.п. языковых средств, на которых сосредоточено внимание в процессе контроля;

- определение природы порождения высказывания и как это отражается в процедурах контроля;

- включение или нет взаимоотношений пишущего и читательской аудитории в предмет контроля;

- научные концепции, которые влияют на определение объекта контроля и процедур оценки письменной речи [12, с. 57].

На основе анализа подходов к обучению и контролю письменной речи нами были выделены основные группы оцениваемых объектов письма:

- характеристики текста как продукта речи: когерентность, языковая правильность, строгое соответствие заданной структуре;

- процесс письма, в котором разграничиваются этапы, предполагающие строгую последовательность действий, использования когнитивных умений и т.п.;

- жанровые формы речи как комплексное владение схематической структурой дискурса, риторическими приемами и языковыми средствами, коррелирующими с конкретными жанрами.

Рассмотрим данные группы объектов контроля письменной речи более подробно.

Текстоцентрированный подход к обучению письменной речи позиционирует контроль как процедуру оценки формальных признаков текста [17]. Требования к уровню сформированности письменной речи сформулированы относительно конечного продукта, объекта контроля, – когерентного, лишённого ошибок текста, основанного на предлагаемых к освоению типах письменных высказываний [20]. Внимание экспертов фокусируется на таких параметрах текста, как длина и деление на абзацы, в основе чего лежат тексты-модели, осваиваемые в

процессе обучения. Особую роль в процедурах контроля приобретают риторические модели [14]. Согласно Т. Barnett, описание, повествование, классификация и оценка выступают элементами в структуре текста, анализ применения данных риторических моделей при развертывании высказывания становится одной из целей контроля [4]. Часто в рамках текстоцентрированного подхода объектом контроля выступают грамматические явления, актуализация которых происходит в процессе порождения письменного текста [18], а также правильно сформулированные предложения [13, с. 11]. Очевидно, что подобный подход к контролю письменной речи сужает понимание письма, в результате чего в область оценки не попадают такие важнейшие аспекты письменной речи как коммуникативный, содержательный, творческий и т.п.

Объекты контроля письменной речи, определяемые в соответствии с *процессным подходом*, имеют широкий диапазон, что объясняется концептуальным положением о сложной организации письма, вниманием не к продуктам письменной речи, а собственно к пишущему как носителю когнитивных свойств, коммуникативной способности и творческой активности. Отсутствие единства в отборе аспектов оценки в рамках процессного подхода может быть объяснено интеграцией различных областей знаний – когнитивной психологии, социолингвистики, теории коммуникации, которые позиционируют письмо как

- реализацию мыслительных процессов, актуализируемых в соответствии с языковыми правилами [12, с. 102];
- координацию когнитивных процессов и лингвистических ресурсов [16];
- комплексную актуализацию эвристических, когнитивных стратегий и метакогнитивных процессов [10];
- процесс актуализации субъективных переживаний учащегося, воплощающихся в письменной форме [22].

Рассмотрение письменной речи на иностранном языке как сложноорганизованного феномена противопоставляется мнению о продуктах письма на иностранном языке как упрощенных и неполноценных. Подобное восприятие не отражает комплекса

когнитивных, психологических, социолингвистических, индивидуальных и т.п. факторов, влияющих на создание продукта письменной речи. Это позволяет говорить об уникальности каждого текста, написанного учащимся. Безусловно, контроль должен учитывать данный факт. S. Canagarajah отмечает, что основная цель письменной речи не построение текстов, строго подчиненных правилам, а выражение личностного смысла, индивидуальных идей, для достижения социальных функций [9, с. 602].

Контроль продуктов письменной речи, позиционируемый в процессном подходе, прежде всего, направлен на достижение планируемой/ ожидаемой читательской реакции. Если в текстоориентированном подходе учитель/ эксперт выступает как «судья» языка, то в данном случае он становится читателем, реагирующим на написанный текст.

Вместе с тем, помимо общего первого впечатления, объектами контроля письменной речи становятся когнитивные умения обучающегося

- экспрессивные умения, которые обеспечивают порождение текста;
- рецептивные умения как база самоконтроля и переработки;
- рефлексивные умения, влияющие на стратегии планирования и самооценки [11, с. 6].

Актуализация данных умений реализуется в тексте как комплекс разноуровневых элементов. Таким образом, в фокусе оценки может находиться характер репрезентации:

- социальных и риторических элементов текста как наиболее сложных в области письменной речи, включающих владение моделями межличностного взаимодействия (между автором и читательской аудиторией) и стратегическими моделями, предполагающими соответствие социальным или институциональным ожиданиям;
- концептуальных, выступающих в качестве знаниевой составляющей письменной речи и отвечающих, собственно, за представление содержание продукта письма;

- текстуальных, определяющих структуру и логичность текста;
- речевых, проявляющихся на уровне синтаксиса как способность построения предложений;
- языковых, включающих владение лексикой и орфографией [11, с. 7].

Таким образом, сложность организации письменной речи отражается в более детализированном представлении объектов контроля по сравнению с текстоцентрированным подходом. Оцениваемые аспекты охватывают комплекс условий, детерминирующих появление продукта речи, их учет выводит на первый план творческую речевую активность пишущего.

Основное требование к продуктам письменной речи *в рамках жанрово-ориентированного или центрированного на читателе подхода* – отражение в них специфики контекста чтения и конкретных целей создания текстов [21]. Жанровая ориентированность объединяет ключевые характеристики письменной речи:

- социально обусловленный характер письма,
- его функциональное и формальное разнообразие,
- смыслопорождение как проявление широкого кругозора обучающихся, их самостоятельности в представлении мыслей в текстовой форме.

С точки зрения языковой составляющей в основе контроля письменной речи лежит неразрывная связь между жанровой отнесенностью порождаемого текста и используемыми языковыми средствами, риторическими приемами, схематической структурой дискурса. В качестве основного объекта контроля выступает текстовая структура (texture), которая проявляется через лингвистические характеристики и влияет на создание общего единства формы и содержания [15, с. 2]. Репрезентация текстовой структуры в продуктах письма основана на взаимообусловленности лингвистических и ситуационных знаков.

Очевидно, что текстовая структура как объект контроля характеризуется сложным неоднородным составом. Она включает регистры, жанры, интертекстуальность и

репрезентацию авторской позиции и целевой аудитории в порождаемом тексте. Рассматривая их в качестве объектов контроля письма, мы считаем целесообразным уточнить некоторые характеристики.

Контроль регистра продуктов письменной речи основан на понимании

ситуативных переменных, которые определяют использование языка в социальных условиях, что отражается посредством использования соответствующих языковых средств. К ситуативным переменным относятся постоянно меняющиеся и определяемые внешними условиями характеристики, зависящие от контекста коммуникативной ситуации, как, например, сферы деятельности, социальные характеристики участников коммуникации, их статусно-ролевые отношения.

Контроль жанровой отнесенности письменной речи предполагает оценку характера репрезентации «конвенционализированной структуры, отображающей опыт, накопленный членами дискурсивного сообщества и использующийся в выборе стратегий для достижения коммуникативных целей» [7, с. 199]. Жанры письменной речи являются культурно обусловленными: это узнаваемые, самоподкрепляющиеся формы коммуникации [5, с. 316], схематизированные в рамках социального и исторического контекста как средство реализации социальных функций. В зависимости от уровня владения иностранным языком объектами контроля письма выступают открытки, формуляры, регистрационные формы, записки, сообщения, письма личного характера, деловые письма, эссе, доклады, сочинения, отчеты, резюме, рецензии [2, с. 26-27].

Интертекстуальность, основанная на положении о невозможности независимой передачи смысла [19, с. 223], охватывает «те элементы иного текста, которые присутствуют в смысловой структуре рассматриваемого текста как неотъемлемая ее часть, возникающие не непосредственно из самого текста-источника, а опосредованно – через представление о тексте-источнике в культурном тезаурусе читателя» [3, с. 61]. В качестве

объекта контроля интертекстуальность оценивается в соответствии со следующими аспектами:

- как опора на разнообразные семиотические ресурсы, а также на собственные впечатления и опыт, что обогащает содержание текста, делает его более интересным, ярким;
- как опора на внутренние и внешние связи между разнообразными текстами.

Вместе с тем, в качестве объекта контроля, основанного на феномене интертекстуальности, может выступать оригинальность текста, что затрагивает проблемы плагиата и присвоения первичного текстового материала при порождении высказываний на иностранном языке [8]. Сложность контроля интертекстуальности, таким образом, проявляется в необходимости разграничения плагиата от цитирования, упоминания и т.п.

Авторская позиция и целевая аудитория как объекты контроля письменной речи проявляются посредством разработки содержания и отбора языковых средств, ориентированных на потенциального читателя. Продукты письменной речи отражают общий культурный контекст, который включается в ситуативный контекст конкретного высказывания, и который разделяется в силу общей культурной принадлежности как автором высказывания, так и читателем / читателями. Порождение письменных высказываний отражает культурный и социальный опыт субъектов письменной речи, что определяет личностную направленность. Безусловно, осознание ими целевой аудитории читателей также оказывает влияние на характер представления идей. В качестве аспекта высказывания, отражающего авторскую позицию, подлежащую контролю, может быть выделена демонстрация собственного мнения, что касается аудитории, в фокусе контроля может, например, находиться стиль высказывания в соответствии с читательской аудиторией.

Таким образом, анализ и сопоставление объектов контроля, позиционируемых в рамках текстоцентрированного, процессного и жанрово-ориентированного подходов, позволяет нам сделать вывод о постепенной трансформации фокуса оценки продуктов письменной речи от формализованных языковых структур и

текстовой правильности, к коммуникативному и творческому, концентрирующемуся на содержательных аспектах и реализации социальных функций письменной речи.

Библиографический список

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка.* Страсбург: Cambridge University Press, МГЛУ, 2003. 256 с.
3. *Толочин И.В.* Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект. СПб., 1996. 96 с.
4. *Barnett T.* Teaching argument in the composition course: Background readings. Boston: Bedford/St. Martin's, 2002. 469 p.
5. *Bazerman C.* Speech acts, genres, and activity systems: How texts organize activity and people //What writing does and how it does it: An introduction to analyzing texts and textual practices. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2004. Pp. 309-339.
6. *Behizadeh N., Engelhard G. Jr.* Historical view of the influences of measurement and writing theories on the practice of writing assessment in the United States //Assessing Writing. 2011. No. 16. Pp. 189-211.
7. *Bhatia V. K.* Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman House, 1993. 246 p.
8. *Bloch J.* Plagiarism and the ESL student: From printed to electronic texts // Linking literacies: Perspectives on L2 reading-writing connections. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. Pp. 209-228.
9. *Canagarajah S.* Toward a writing pedagogy of shuttling between languages: Learning from multilingual writers. // College English 2006. Vol. 68. Pp. 589-604.
10. *Cumming A.* Learning to write in a second language: Two decades of research // International Journal of English Studies. 2001. 1(2). Pp. 1-23.
11. *Deane P.* Writing Assessment and Cognition // Educational Testing Service. 2011. April. 68 p.

12. *Donahue Ch., Lillis Th.* Models of writing and text production // Handbook of Writing and Text Production. Berlin, Boston: DE GRUYTER, 2014. Pp. 32-89.

13. Ferris D. R. Teaching ESL composition: purpose, process, and practice. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum associates, 2005. 446 p.

14. *Grabe W., Kaplan R.* Theory and practice of writing. London: Longman, 1996. 504 p.

15. *Halliday M. A. K., Hasan R.* Cohesion in English. London: Longman, 1976. 400 p.

16. *Hayes J. R.* A new framework for understanding cognition and affect in writing // The science of writing: Theories, methods, individual differences and applications. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996. Pp. 1-27.

17. *Hyland K.* Teaching and researching writing. New York: Pearson, Education, 2002. 264 p.

18. *Kroll B.* Considerations for teaching an ESL/EFL writing course. [Text]/ B. Kroll // Teaching English as a second or foreign language. – Boston: Heinle, 2001. – Pp. 219-232.

19. *Mahiri J.* New teachers for new times: The dialogical principle in teaching and learning electronically // Bakhtinian perspectives on language, literacy, and learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 213-231.

20. *Nunan D.* Second Language Teaching and Learning. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 400 p.

21. *Santoso A.* Scaffolding an EFL effective writing class in a hybrid learning community. Queensland: Queensland University of Technology, New York, 2010. 231 p.

22. *Tribble C.* Writing. Oxford: Oxford University Press. 1996. 172 p.

23. *White R., Arndt V.* Process Writing. London Harlow: Longman, 1991. 186 p.

WRITING ASSESSMENT APPROACHES AS THE BASIS FOR MODELING CONTROL OBJECTS

M.A. Bodony

Kuban State University, Krasnodar

The article examines writing assessment approaches. On the basis of studies of text-centered, process and genre-oriented approaches, groups of objects of control are identified. They differ both in content and in focuses on different aspects of writing. The examining approaches are considered the basis for control object modeling.

Index terms: written speech, objects of control and evaluation of letters, text-centered, process approach to control of written language, genre-oriented approach to control of written language

Об авторе:

Бодоньи Марина Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: m.bodony@mail.ru

УДК 8 11.111

МЕСТО ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Большак

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье дается характеристика таких понятий, как политкорректная лексика, эвфемизм и политкорректный эвфемизм. На примерах конкретных ситуаций рассматриваются причины использования последних в современной речи.

Ключевые слова: политкорректность, эвфемизм, дискриминация, языковая действительность, эвфемистическая замена.

В современном обществе назрел ряд проблем, для поиска решения которых необходимо учитывать различные точки зрения, придерживаясь той позиции, что именно многообразие мнений может поспособствовать выработке конструктивного подхода к преодолению сложностей в той или иной ситуации. При этом важным аспектом донесения информации до реципиента является языковая компетенция лица, высказывающего свою мысль, его умение оформить ее так, чтобы предоставляемые им доводы звучали убедительно и в то же время правдиво отражали все стороны обсуждаемого случая.

Как показывают наши наблюдения, участвующие в дискуссии стороны прибегают к различным методам подачи информации, начиная от прямого высказывания своего мнения (и неважно, является ли оно объективным или субъективным) и, заканчивая формулировками более обтекаемого характера, которые, скорее, нацелены на то, чтобы смягчить, а то и вовсе завуалировать неприглядные факты. Высказывания такого плана называются политкорректными эвфемизмами.

Чтобы понять суть данного языкового явления, необходимо сначала ознакомиться с наиболее распространенными подходами к определению самих понятий «эвфемизм» и «политкорректность».

Так, в лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой эвфемизмы определяются как «эмоционально-нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих человеку неприличными, грубыми или нетактичными» [1, с. 590]. Т.Ф. Ефремова считает, что «эвфемизм – это «слово или выражение, заменяющее другое, которое по каким-либо причинам нежелательно или неудобно употребить в определенной ситуации» [3, с. 286]. Составители словаря Oxford Concise Dictionary of Linguistics также характеризуют эвфемизм как «слово и т.д., используемое вместо того, которое может

показаться оскорбительным, непристойным или вызывающим ощущение встревоженности» [10, с. 128]. В лингвистическом словаре Longman Dictionary of Language Teaching & Applied Linguistics говорится, что «эвфемистическая замена предполагает «использование слова, которое считается менее оскорбительным или неприятным, чем другое слово» [8, с. 188].

Таким образом, учитывая вышеприведенные высказывания, а также информацию, представленную в ряде других источников, посвященных изучению эвфемизмов, можно отметить, что мнения исследователей данной языковой категории практически полностью совпадают.

Что же касается политкорректности, то здесь среди ученых единодушие по поводу уместности и целесообразности использования этого приема не наблюдается.

Например, Д.В. Герасименко считает, что употребление политкорректной лексики «базируется на принципе вежливости и желании обеспечить эффективное взаимодействие между участниками коммуникативного акта, что также является основным побуждающим мотивом при эвфемизации языковой действительности» [2, с. 20]. Согласно А.Г. Стихину «...политическая корректность подразумевает комплекс проблем не только лингвистического, но и этического и философского характера», поэтому в отношении языковых явлений, возможно, целесообразно использовать термин «коммуникативная корректность» [6, с. 138]. М.Ю. Палажченко придерживается мнения о том, что «... в отдельных контекстах политическая корректность интерпретируется как стремление (в основном со стороны властных структур) скрыть, завуалировать негативные факторы в политической и социальной сферах» [5, с. 83].

В словаре Longman Dictionary of English Language and Culture говорится, что «политически корректный – значит корректный в соответствии с определенными установками либеральных взглядов ...». (Здесь и далее пер. наш). Другой, не менее известный словарь The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles определяет политкорректность как «систему либеральных или радикальных взглядов, особенно по социальным вопросам, в основе которой лежит идея о том, что

следует избегать всего, что может быть истолковано как дискриминирующее или уничижительное. Это касается даже устоявшегося словарного состава языка». [9, с. 275].

С точки зрения Г. Лоусона и Д. Гэррода «политическая корректность ... скорее мифическое, чем реальное явление, выражающееся в стремлении исключить какое бы то ни было проявление дискриминации людей по признаку пола, этнической принадлежности, физических способностей или сексуальной ориентации» [4, с. 120].

В контексте рассматриваемой проблемы отметим, что в последнее время использование так называемых политкорректных эвфемизмов стало наиболее заметным, прежде всего, по причине нестабильности социально-экономической и политической ситуации как в отдельно взятом регионе, так и во всем мире, вследствие чего уязвимым может стать абсолютно любой член общества. И не важно, является ли он бедным или богатым, здоровым или больным, молодым или пожилым, поскольку никто из нас не застрахован от тех негативных событий, которые сейчас часто случаются.

Так, например, неприкрытый бунт, или даже бесчинства, которые то и дело происходят в различных уголках мира, и которые зачастую сопровождаются сжиганием автомобилей, битьем витрин магазинов, избиением прохожих и т.п., называют просто *уличными беспорядками (unrest)*. А о нападении участников данных выступлений на представителей правоохранительных органов, которые пытаются взять под контроль столь неблагоприятную ситуацию, теперь заявляют как о *жестком противостоянии с полицией (clashes between the opposition and the police)*. Попытки и унижения заключенных в тюрьмах теперь часто называют *незаконными методами дознания (illegal methods of interrogation)*.

Языковой аспект сферы международных отношений также характеризуется рядом примеров эвфемизации некоторых острых моментов. Например, если одно государство (как, правило, экономически развитое) аннулирует долговое обязательство другого государства (соответственно, экономически менее развитого), которое последнее по той или иной причине не в

состоянии погасить в соответствии с имеющимся между ними соглашением, то в подавляющем большинстве случаев в официальных сообщениях используется более обтекаемое выражение *реструктуризация долга*. Но, собственно говоря, это означает, что одна страна просто простила долг другой (возможно, на основе определенных стратегических решений).

В сообщениях об авиакатастрофах, которые сопровождаются многочисленными жертвами, сегодня чаще всего употребляется словосочетание *жесткая посадка (hard landing)*.

Резкие изменения климатических условий в последние несколько лет становятся причиной серьезных наводнений, масштабы которых потрясают весь мир. Однако в СМИ вместо существительного *наводнение* предпочитают использовать относительно нейтральное выражение – *большая вода (high water)*. Нынешние же природные катаклизмы, такие как ледяной дождь, нетипичные для определенных регионов заморозки и многое другое сейчас принято называть *сезонным ненастьем*.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что особенностью современной тенденции к использованию политкорректных эвфемизмов все же является стремление сгладить ту негативную реакцию, которую у получателя информации может вызвать не вполне приятное сообщение.

Библиографический список

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
2. Герасименко Д. В. Политическая корректность как социокультурное явление и её отражение в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. фиол. наук. М., 2013.
3. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Т. 2. М., 2000.
4. Лоусон Г., Гэррод Д. Социология. А-Я: Словарь-справочник. М., 2000.
5. Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов. // Вестник МГУ.

6. *Стихин А.Г.* Лингвистические аспекты коммуникативной корректности. // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture, Longman, 1992.

8. Longman Dictionary of Language Teaching & Applied Linguistics. Longman, 2002.

9. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. 2000.

10. Oxford Concise Dictionary of Linguistics. Oxford, 2002.

POLITICALLY CORRECT EUPHEMISMS IN MODERN COMMUNICATION

A.V. Bolshak

Kuban State University, Krasnodar

The article describes such concepts as politically correct lexis, euphemisms, and politically correct euphemisms. The reasons for using the latter ones in modern speech are considered in the light of different situations typical of our society.

Index terms: political correctness, euphemism, discrimination, language reality, euphemistic replacement.

Об авторе:

Большак Алла Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: al.bolshak@mail.ru

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ВНЕШНИХ И МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА: ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

К.С. Волошина, О.Г. Савельева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья исследует прилагательные русского языка, характеризующие особенности физических и моральных качеств человека с точки зрения их оценочности. Авторы рассматривают использование таких прилагательных в речи, их эмотивность и экспрессивность. Было выявлено, что данные квалификативные (оценочные) структуры тесно взаимосвязаны с другими речевыми фрагментами и эта связь определяется как общими речевыми элементами, так и отдельными особенностями денотативной и коннотативной структуры, что в свою очередь предопределяет роль контекстуальных связей имен прилагательных в речи.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, экспрессивность, оценка, оценочный компонент, оценочная квалификация, квалификативная структура, оценочные определители, субъективно-оценочное значение, семантические аспекты высказывания.

Эмоции и чувства окрашивают речевую деятельность, корректируя её в соответствии или несоответствии с предлагаемым конечным результатом. Для практических целей исследования языковых средств эмоциональной экспрессии означает, что эмоции и чувства находят своё отражение в целом тексте, понимаемом как последовательность высказываний, объединённых и ограниченных единой целью коммуникации [5, с. 21]. Оценка, будучи специфическим компонентом познания, также играет значительную роль в процессе коммуникации.

Связь эмоции и оценки является одной из основных проблем при анализе эмоциональных состояний. Наши чувства

по отношению к людям, вещам и событиям показывают, как мы их оцениваем.

Соотношение эмоции и оценки отражает основные аспекты философских концепций, трактующих природу эмоций: собственно ощущение, сенсорное восприятие, когнитивность [3, с. 34]. Эмоции можно рассматривать как приятные и неприятные ощущения, иными словами, оценка входит в состав ощущений: поскольку мы восхищаемся характером кого-либо, мы считаем, что этот человек хороший. Эмоции – это ощущения, а не восприятия, а оценка – это способность человека иметь ощущения и на их основе делать заключения о моральных и эстетических ценностях. Все эмоции сами по себе содержат положительный или отрицательный оценочный компонент. Но при этом ценностные характеристики, вносимые эмоциями, могут не совпадать с моральными ценностями.

Оценочный аспект играет важную роль в классификации эмоций. Во многих концепциях, как философских и психологических, так и собственно лингвистических, оценочный компонент лежит в основе разделения предикатов эмоционального состояния на две основные группы – положительные и отрицательные.

Оценка объектов действительности получает отражение в языке, в частности в слове.

По мнению Н.Д. Арутюновой, оценочный компонент лексического значения слова или лексико-семантического варианта обычно воспринимается как компонент, выражающий положительную или отрицательную оценку [1, с. 16]. Однако оценки «хорошо» или «плохо» как маркированные члены сравнения воспринимаются каждый раз в сопоставлении с чем-то, что не обладает такой оценочной квалификацией, а не в сопоставлении друг с другом.

В качестве критериев наличия отрицательной или положительной оценки в лексическом значении прилагательных выступают:

а) система словарных помет, представленная пометами отрицательной оценки: пренебрежительно / уничижительно, оскорбительно, иронически, с порицанием, осуждением и т. д.;

пометами положительной оценки: с одобрением, ласковое обращение или прозвище и т. д.;

б) показатели оценки, заключенные в самом лексикографическом толковании значения слова. В качестве таких показателей предлагаются качественные прилагательные, которые сочетают обозначение собственно признака и обозначение отрицательной или положительной оценки, например: ненормальный, грубый, деспотичный, жадный, невежественный и т. д. – индикаторы отрицательной оценки; честный, добрый, отличный, приятный, умный и т. д. – индикаторы положительной оценки [6, с. 23-35].

Качественные прилагательные, выступающие как показатели оценки, образуют несколько группировок, указывающих на различный тип оценочной квалификации. Так, показатели отрицательной оценки образуют две группы:

А – качественные прилагательные, обозначающие такие признаки лица, которые вызывают неодобрительное к ним отношение, суждение о нежелательности, вредности, несоответствии этическим, эстетическим и другим нормам, принятым в данном языковом коллективе: неуклюжий, неповоротливый, бесстыдный, неопрятный, грязный, неряшливый, нечестный, непорядочный, глупый, тупой, бестолковый и т. д.;

Б – прилагательные, обозначающие не признаки лица, а только отрицательные эмоции и переживания, связанные с ним, – чувство презрения, унижения, пренебрежения, возмущения, ненависти и т. п.: презренный, низкий, ничтожный, жалкий, отвратительный, омерзительный, противный, ненавистный, отталкивающий и т. д.

Различная группировка описанных способов словарной подачи оценочного компонента значения позволяет предложить следующие лексикографические критерии для разграничения трёх типов оценки: для интеллектуально-логической оценки – толкование с включением показателей группы А – выскочка, неумелый, никчёмный человек, хвастун; для эмоциональной оценки – толкования с включением показателей группы Б или использование словарных оценочных помет – жалкая, презренная

личность, презренный ничтожный человек; для эмоционально-интеллектуальной оценки – оценочную помету и показатель интеллектуально-логического характера (группы А) или соединение показателей групп А и Б: презренный трус, уродливая старуха.

Таким образом, языковая оценка в зависимости от её природы (основания) и характера может быть трёх видов и трёх типов [2, с. 64]. Выделение трёх видов оценки (нейтральной, положительной и отрицательной) обусловлено характером отношения субъекта оценки к познаваемому объекту и, следовательно, познанием оценки обязательным компонентом структур значения слова. Типы оценки могут быть интеллектуально-логическими, эмоциональными и эмоционально-интеллектуальными. По мнению Н.Д. Артюновой, эмоции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности, они тесно связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности [1, с. 107].

Проблема того, какими качествами может наделяться тот или иной предмет, обнаруживает теснейшую связь со значение прилагательных и их употреблением. Как мы рассмотрим ниже, роль прилагательного в высказывании, его обязательность или факультативность зависят в первую очередь от того, в каком именном сочетании оно выступает.

По своей семантике прилагательные чрезвычайно многоплановы. Пожалуй, нет другой части речи, которая вторгалась бы практически во все семантические аспекты высказывания.

Однако при всём разнообразии своих значений и употреблений прилагательные обладают одной общей семантической характеристикой, которая позволяет объединить их в единый класс. Основное свойство прилагательных – их предикатный характер – определяет и их значение, и их употребление.

Прилагательные – чистые предикаты, обладают целым рядом специфических свойств, отражающих их семантику. Так, в частности, классические предикаты сочетают в себе два аспекта –

обозначение собственно признака и обозначение оценки, которые обычно реализуются вместе, в пределах одного высказывания.

Ещё одна особенность значения и употребления прилагательных заключается в том, что прилагательные совмещают в своей структуре семантический и прагматический аспекты языка, что отражается как в значении лексических единиц, относящихся к классу прилагательных, так и в их употреблении.

Итак, для прилагательных как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике прилагательных оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания, следовательно, взаимодействие этих двух аспектов и является отражением в самих их значениях.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 210с.
2. Коростова С.В. Эмотивность как функциональная семантическая категория: к вопросу о терминоргии. //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2009. 124с.
3. Крепкогорская Е.В. Эмотивный компонент коннотации. //Гуманитарные научные исследования 2013, №4. 145с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. 848с.
5. Солодилова И.А., Шепеля И.В. Оценочность и эмотивность в семантике слова. //Вестник Оренбургского государственного университета 2015 №11. 186с.
6. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2003. 623с.

ADJECTIVES CHARACTERISING PHYSICAL AND MORAL FEATURES: EVALUATIVE COMPONENT

K.S. Voloshina, O.G. Savelieva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines Russian adjectives denoting positive and negative evaluation of physical and moral human qualities. The author explores the usage of such adjectives in speech, their emotiveness, intensiveness and expressiveness. The author arrives at the conclusion that qualificatory structures are closely interconnected with other speech fragments and this interrelation is determined by speech elements as well as by general peculiarities of both denotation and qualification. Thus, the interrelation of denotative and qualificatory structures presupposes the roles and contextual links of adjectives in speech.

Index terms: emotions, emotiveness, expressiveness, assessment component, assessment qualification, qualificatory structure, evaluative determinant, subjective-evaluated meaning, utterance semantic aspects.

Об авторах:

Волошина Карина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: ksvoloshina@gmail.com

Савельева Ольга Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: savelieva13.05@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА**
(на материале финансовой терминологии)

З.И. Гурьева, Е.В. Петрушова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена дальнейшему построению концептосферы экономики и бизнеса. Делается акцент на коммуникативно-когнитивной концепции языка как основного способа коммуникации во всех сферах деятельности человека. В статье рассматриваются факторы, влияющие на становление и развитие финансовой терминологии.

Ключевые слова: концепт, термин, сфера бизнеса, языковая концептуализация, деривация, заимствования, коммуникативно-когнитивная концепция, коммуникативная компетенция.

Язык, будучи творением человека, воплотил его представление об окружающем мире, предметах, свойствах, отношениях и связях человека с этими предметами. Однако искусство речевого общения требует разнообразных знаний и умений. Поэтому специалисты различных областей (психологи, социологи, создатели искусственного интеллекта) интересуются речевой коммуникацией именно с этих позиций – как средством достижения определенных целей. Что касается лингвистики, то здесь важны поиски надлежащей формы для выражения необходимого смысла, установление принципов общего согласования ставящейся практической цели и способов ее осуществления в соответствующих языковых формах [4].

Связь языка, действительности и мышления подчеркивается в настоящее время многими учеными: наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием называющих его языковых единиц, так как концепты (понятия – в том числе) возникают как результат отражения действительности

сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка [1].

Факторы, относящиеся к истории того или иного языка, делятся на внешние (экстралингвистические) и внутренние (лингвистические). На первом уровне экстралингвистические факторы включают исторические события, относящиеся к развитию языка, политическое и экономическое единство или разобщенность, контакты с другими народами, структуру общества, миграцию, прогресс культуры и науки. Подобные стороны внешней истории определяют лингвистическую ситуацию и оказывают существенное влияние на развитие любого языка.

Будучи одной из форм проявления человеческого бытия, предметная сфера экономики и бизнеса относится сегодня к числу наиболее значимых областей общественной жизни человека. Она занимает одно из центральных мест в синоптической сфере «Человек» Халлига-Вартбурга, объединяя обозначение существенно важных в жизни человека понятий. Общий набор номинаций в этой сфере обладает определенной спецификой, которая находит непосредственное отражение в мышлении и выражение в языке.

Социально-политические и экономико-правовые изменения в жизни общества наиболее быстро отражаются в лексическом составе языка, что характерно и для языковой ситуации в предметной области бизнеса, особенно в русском языке.

Так, конец XX-начало XXI века в России знаменуется принципиальной переориентацией и сменой финансово-экономической стратегии и модели развития в целом: на смену экономике, основанной на общественной собственности на средства производства и плановости, пришла модель рыночной экономики, основанная на частной собственности на средства производства, на ликвидации государственной монополии на все процессы и явления, связанные с денежными, финансово-кредитными и иными отношениями и аспектами.

В этом плане специфика понятийно-семантической организации деривационного потенциала сферы экономики и бизнеса обусловлена как интралингвистическими факторами, так

и экстралингвистическими, связанными с особенностями этноисторического, социального, культурно-профессионального развития как страны-источника миграции многих специальных лексем и терминов рыночной экономики (США, Англия), так и страны, язык которой воспринял и актуализировал всю лингвопонятийную сферу, в рамках которой функционируют специализированные лексические единицы и термины, создающие особую картину мира, основанную на принципах и приоритетах свободного предпринимательства и бизнеса.

Важнейшим фактором, влияющим на формирование и развитие языковой области экономики и бизнеса, является менталитет – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты разномасштабных лингвокультурных общностей.

Понятие менталитета тесно связано с понятием ментальности, под которой понимается мировидение, концептуализация мира в категориях и формах родного языка, соединяющих, по мнению ученых, духовные и волевые качества национального характера, во многом обусловленное социально-историческими и культурными (внеязыковыми) факторами.

В рамках проводимых в нашей стране реформ в финансовой сфере возрастает роль финансовых ресурсов субъекта Федерации как источника финансирования социально-экономической инфраструктуры территории, с одной стороны, с другой – как важного структурного звена системы государственных финансов. В связи со сложным положением экономики России, новой моделью ее развития, возрастает острота вопросов межбюджетных отношений, несбалансированности минимально необходимых расходов бюджетов большинства территорий, перестройки организационной схемы формирования и исполнения финансовых ресурсов территорий [3, с. 3].

При исследовании языковой концептуализации сферы экономики и бизнеса следует, на наш взгляд, коротко рассмотреть исторические предпосылки, с которыми связана проблема формирования и эволюции многих понятий, терминов, лексических единиц и концептов данной сферы.

Важнейшими экстралингвистическими факторами, повлиявшими на формирование современной языковой экономической картины мира, явились:

1) система оплаты труда, впервые в масштабном виде разработанная в Римской империи;

2) появление бухгалтерского учета в Италии в XV в.;

3) появление страхования в Голландии в XVI в.;

4) образование резервной банковской системы в Лондоне в середине XVII в.;

5) развитие операций с акциями, биржевая деятельность – XVIII в.;

6) глобализация мировой экономики – XX-XI вв.

Особого внимания заслуживают выводы российских ученых о социально-исторической и культурной роли финансовой глобализации в эволюции социально-экономических реформ в Российской Федерации: «Доминантой, определяющей вектор трансформационных процессов в финансовых системах государств, является финансовая глобализация, существенно влияющая на их стабильность и, зачастую, не учитывающая национальных особенностей» [2, с. 3].

Глобализация представляет собой базовый тренд развития мировой финансовой системы и является органическим элементом внутригосударственных трансформаций, что свидетельствует о потребностях мировой и национальных финансовых систем в новых институциональных решениях проблем экономического развития. Опыт мирового финансового развития подтверждает, что финансовая глобализация способствует широкому использованию ранее недоступных возможностей сочетания рисков и прибылей, а также предоставлению большего количества высококачественных финансовых услуг, что особенно актуально для России.

Все эти этапы нашли свое языковое воплощение (вербальную актуализацию) во множестве созданных или мигрировавших слов и словосочетаний, которые, обозначая новые реалии, стали служить лексико-семантическим средством языковой концептуализации сферы экономики и бизнеса в русском языке: **банк, банкир, кредит, акцепт, баланс,**

инвестор, инвестиции, биржа, акция, депозит, менеджмент, менеджер, шомаж, фьючерс, лизинг, дилер, авераж.

Эти и подобные лексемы представляют собой не что иное как заимствования, преимущественно англицизмы, отражающие социальную значимость деловых, культурных и языковых контактов. Они входят в русский язык обычно синхронно, образуя понятийно-деривационные блоки, группируясь в различные тематические микросистемы со своими внутренними связями. Наиболее продуктивны такие способы заимствований, как трансплантация, транслитерация, трансфонирование, суффиксация.

Деривационный механизм языка характеризуется функциональной неоднородностью: в функции деривации отражаются разнообразные коммуникативно-прагматические установки. Когнитивная функция обуславливает направление деривационных связей в номинациях **предметов, процессов, действий, явлений, лиц** в экономической и деловой жизни людей.

Проблема языковой концептуализации действительности и ее фрагментов затрагивает и аспекты **концептуальной организации производного слова**. Концептуальная организация производного слова (аффиксального, сложного, конверсионного) рассматривается нами в рамках процесса концептуализации, который определяется в когнитивных исследованиях как «некоторый сквозной для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц [5, с. 21].

Анализируя дериваты экономического языка, мы высказываем предположения о характере концептуализации, а появление новых слов, образованных по этому правилу, позволяет уточнять исследуемую концептуальную структуру.

Например, высокую частотность демонстрирует суффикс -**ор/-ер**, реализующий деривационное значение **деятеля** в словах: **менеджер, ликвидатор, маклер, брокер, аукционер, дилер, аджастер** и т.д.; так же частотен формант **-ант** с аналогичным значением: **адресант, акцепант, жирант** и т.д. Растет количество

слов, образованных по аналогии с английскими словами, оканчивающимися на суффикс **-инг**: **маркетинг, мониторинг, франчайзинг, лизинг, кастинг, клиринг, консалтинг** и т.д.

Таким образом, как показывают наши наблюдения над языковым континуумом финансовых текстов, деривация может рассматриваться как глобальный фактор вербализации особой картины мира – экономической, под которой нами понимается структурированная определенным образом вся совокупность когнитивно-смысловых образований, концептов, вербализованных средствами языка, относящихся к сфере экономики (термины, профессионализмы, жаргонизмы и понятия смежных и узкоспециализированных экономических дисциплин, профессиональных областей деятельности и научных направлений).

Библиографический список

1. *Буянова Л.Ю.* Термин как единица логоса: Монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 185 с.

2. *Вовченко Н.Г.* Влияние процессов финансовой глобализации на трансформацию финансовой системы России. Автореф. дис. докт. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 47 с.

3. *Глуценко И.Б.* Региональная бюджетная политика в условиях развития бюджетного федерализма. Автореф. дис. канд. экон. наук. Волгоград, 2006. 28 с.

4. *Гурьева З.И.* Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. Монография. Краснодар, 2003, Кубан. гос. ун-т. 250 с.

5. *Жандарова А.В.* Языковая концептуализация сферы предпринимательства и бизнеса. Автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 23 с.

TO THE PROBLEM OF THE CREATION OF ECONOMY AND BUSINESS CONCEPTOSPHERE (based on financial terminology)

Z.I. Guryeva, E.V. Petrushova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the further creation of conceptosphere of economy and business. The focused is made on the communicative-cognitive notion of language as the main way of communication in all spheres of human activities. The article considers the factors influencing the foundation and development of financial terminology.

Index terms: concept, term, business sphere, language conceptualization, derivation, borrowings, communicative-cognitive conception, communicative competence.

Об авторах:

Гурьева Зинаида Ивановна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: ziguryeva@mail.ru

Петрушова Елена Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: lena_gur@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ-ТЕРМИНОВ В ПОДЪЯЗЫКАХ COMPUTER SCIENCE

О.П. Демьянова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье обобщаются результаты наблюдений над английскими словосочетаниями-терминами в области Computer Science, которые представляют собой составные номинативные единицы, обозначающие сложные понятия. Проводится классификация терминосочетаний на основе их лексико-семантических особенностей.

Ключевые слова: составные номинативные единицы, сложные понятия, английские словосочетания-термины, терминологическая фразеология.

Словосочетание, как явление природы человеческого мышления и языка в теоретическом и в прикладном значении, привлекает внимание исследователей ввиду своей комплексности и многоаспектности. Теория словосочетания, создание которой по праву считается заслугой отечественных лингвистов, неуклонно обогащается как у нас в стране, так и за рубежом. Менее изучено словосочетание в научной и технической сфере, что еще раз подтверждает необходимость изучения его использования в различных подъязыках. Целью данной статьи является обобщение результатов наблюдений над составными номинативными единицами, которые обозначают сложные понятия, представляющие собой английские словосочетания-термины в области Computer science.

Лексико-семантический, структурный, функционально-стилистический анализ словосочетаний в подъязыках специализированной области Computer Science (Computers, Telecommunications, Information and Communication Technology

and Systems) показывает, что простыми элементами системы номинаций являются слова (простые, производные, сложные, сложнопроизводные) разных частей речи, которые группируются по характеру выражаемого понятия в соответствии с лингвистическими закономерностями. При терминообразовании для обозначения новых предметов, явлений и их уточнении, детализации широко применяется словосочетаемый способ номинации. Терминологические словосочетания в техническом подязыке составляют больший процент по сравнению с однословными терминами. Очевидно, это связано с тем, что область Computer Science получила бурное развитие в последние 30-40 лет и её терминология создавалась на базе уже существующих общих и специальных понятий других наук. В процессе непрерывной когнитивной деятельности появляется новое знание о предмете, явлении или их видовых признаках, а простые элементы системы номинаций, вступая друг с другом во взаимную связь и отношения, группируются по характеру выражаемого понятия и в соответствии с лингвистическими закономерностями.

Составные номинативные единицы, обозначающие сложные понятия в подязыках Computer Science, представляют собой словосочетания трёх видов: свободные, фразеологические, переходные.

Свободные (переменные, продуктивные) терминологические словосочетания каждый раз создаются в речи заново по семантико-синтаксическим моделям, свойственным словам в конкретном значении, которые сочетаются друг с другом в пределах, ограниченных предметно-логическими связями.

Проиллюстрируем это положение на конкретных примерах. Такие терминологические словосочетания, как optical disk, optical equipment, optical filter, передают понятия аналитически. Связи, возникающие между компонентами этих сочетаний, обусловлены отношениями и связями внеязыковой действительности, т.е. понятийной сочетаемостью. Значение каждого из этих сочетаний представляет собой простую совокупность значений компонентов, которые передают родо-видовые (гиперо-

гипонимические) отношения соответствующего понятия. Каждый компонент словосочетания является самостоятельным термином в подязыке, имеет своё самостоятельное лексическое значение, которое остаётся неизменным в другом окружении при соотнесении его с другими единицами языка и подязыка. Термин *optical* во всех вышеуказанных терминосочетаниях имеет одно и то же значение «оптический», а вторые компоненты – *disk*, *equipment*, *filter* – в сочетаниях с другими лексемами также сохраняют неизменными присущие им значения: «диск», «оборудование», «фильтр». Это очевидно из следующих примеров: *removable disk*, *multisession disk*, *floppy disk*, *to format / make a disk*, *to copy onto a disk*; *high-performance equipment*, *advanced equipment*, *office equipment*, *to renew the equipment*; *graphics filter*, *data filter*, *digital filter*, *bandpass filter*, *traffic filter* и многих других. Все эти терминологические словосочетания передают сложные понятия как комбинации простых понятий, элементарных частиц смысла. Идея рассматривать сложные понятия как комбинации простых элементарных частиц смысла, принадлежащая Лейбницу [1, с. 11], имеет большое прикладное значение, в частности для лексикографии. Семантический анализ словосочетаний подтверждает, что значение целого складывается непосредственно из значений компонентов, соединённых по модели, свойственной им в общеязыковом употреблении.

Словосочетания свободного типа превалируют среди многокомпонентных (более чем трёхкомпонентных) номинативных единиц английской терминологии *Computer Science*, как и в терминологиях других подязыков. Вследствие сравнительной незакреплённости межкомпонентных связей они легко разлагаются на ряд однословных терминов (и фразеологических словосочетаний, функционирующих эквивалентно слову). При этом каждый из них является носителем элементарной научной (технической) информации, выраженной отдельным научным (техническим) понятием. Так, пословно, без ущерба для общего смысла расчленяется пятикомпонентное терминологическое в ономаσιологическом плане сочетание: *intra-site automatic tunnel addressing protocol* – протокол автоматической внутрисайтовой адресации туннелей.

Целостное в ономасиологическом плане терминосочетание *erbium-doped fiber amplifier*, функционирующее в подязыке и в аббревиатурной форме EDFA – оптический усилитель на волокне, легированном эрбием, состоит из лексем, имеющих элементарное терминологическое значение. Последние свободно вступают в акт синтаксического словообразования сообразно понятийной и лексико-грамматической системе языка, образуя словосочетания-термины. Вот несколько примеров: *lithium-doped* – легированный литием, *doped layer* – легированный слой, *doped film* – легированная плёнка, *doped-core fiber* – волокно с легированной сердцевиной, *fiber amplifier* – волоконный / оптический усилитель, *waveguide amplifier* – волноводный усилитель, *erbium-doped waveguide amplifier* – планарный / оптический эрбиевый усилитель.

Для фразеологических (устойчивых) терминосочетаний, также как для аналогичных образований в языке в целом, характерны семантическая цельность, идиоматичность значения, переосмысление целого сочетания либо его части. Им свойственна ограниченность или невозможность синтаксического распространения или замены компонентов, наличие застывших, лишь в некоторых случаях варьирующихся форм компонентов. Фразеологическая единица, представляющая собой грамматически отдельно оформленное словосочетание, обладает прямой и непосредственной направленностью на понятие (предмет). Она функционально эквивалентна слову и вносится в речь подобно слову, как нечто заранее построенное и предоставленное в распоряжение говорящего на равных со словом правах.

В акте номинации, в научно-технической сфере в том числе, лексические единицы не всегда употребляются в своих прямых, ближайших значениях. Они часто употребляются в переносных, дальнейших значениях, развитых от исходных на основе метафорического, метонимического переноса, сужения или расширения основных значений. При сочетании лексических единиц друг с другом для обозначения сложного понятия номинативный сдвиг хотя бы одной из них «приводит к нарушению ономасиологической нормы словосочетаний» [2,

с. 72]. В дальнейшем образность, имевшая место в акте номинации, стирается, а возникший в результате непрямого способа наименования термин-словосочетание прямо соотносится с научно-техническим понятием: *dogleg router* – трассировка ломаными линиями; *fiber pigtail* – отрезок оптоволокна в монтажной оболочке; *fiber pigtail collimator* – фиксирующее устройство отрезков волокна.

На уровне связей внутри сложных терминологических единиц (словосочетаний) также, как на уровне синтагматических связей целого текста, прослеживается функционально-стилистическое расслоение лексики [3, с. 211-216]. В составе словосочетаний-терминов выделяется лексика общеупотребительная (межстилевая, нейтральная), общенаучная (обслуживающая несколько областей научно-технического знания) и специальная (передающая информацию отдельной области). При этом в составе термина-словосочетания полнозначная лексика всех слоев приобретает научное, строго фиксированное смысловое содержание в конкретной области знания. Межстилевая лексика, попадая в конкретный подъязык, реализует в нем ограниченное число своих значений (ЛСВ) и так же, как общенаучная лексика, обладающая довольно высокой частотностью в текстах подъязыка, выполняя «особую функцию» [4, с. 6], может наполняться особым смысловым содержанием, приобретать специфические значения. Весьма показательны в этом отношении атрибутивные группы, образованные двумя существительными, в которых значение целого сочетания зависит от комбинации смыслового содержания элементов, т.е. от того ЛСВ значения слова, которое реализуется при образовании словосочетания: *bus transport* – автобусный транспорт; *bus terminal* – автостанция, автовокзал, но *bus termination* – шинное окончание; *bus transfer* – передача по шине; *bus traffic* – трафик шины (количество данных, передаваемых по шине компьютера).

Вместе с тем значение целого сочетания зависит не только от комбинации смыслового содержания элементов, но и от их позиции по отношению друг к другу. Сравним: *system code* – шифр системы и *code system* – кодовая система; *command system*

– система команд и *system command* – системная команда: 1) команда, входящая в набор команд системы; 2) команда, выполняющая какую-либо операцию над системой.

Как бы ни были просты и знакомы «элементарные носители смысла» в составе словосочетания-термина, семантика последнего не составляет простой суммы их значений. Проведём небольшой анализ словосочетания *computer science*, которым вовсе не обозначается наука о компьютерах или изучение самих компьютеров. Известный учёный в области *Computer Science* Эдсгер Вибе Дейкстра (Нидерланды) утверждал, что «*Computer Science is no more about computers than astronomy is about telescopes*». Чтобы точнее определить область нового научного знания и деятельности, были предложены её альтернативные названия: *computing science*, *datalogy* (термин преимущественно используется в скандинавских странах), *computics*. В континентальной Европе эта область называется *informatique* (French), *Informatik* (German) or *informatica* (Dutch), образованные, вероятно, от лексем *information* и *mathematics* или *automatic(s)*. Тем не менее, то, что по-русски именуется однословным термином «информатика» или англоязычным термином-словосочетанием «*computer science*», для специалистов означает определённую научную область. Семантика словосочетания при сохранении основных значений составляющих его слов не является их простой суммой: общее значение словосочетания содержит нечто новое по сравнению со значением каждого составляющего элемента. *Computer Science* – общее название для совокупности дисциплин, связанных с конструированием компьютеров и их использованием в обработке информации, объединяет теоретические и практические аспекты многих наук, таких как электроника, программирование, математика, искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, конструирование ЭВМ и имеет много направлений.

Словосочетания, подобные *computer science*, «отличающиеся от фразеологических отсутствием цельности номинации, но, с другой стороны, вследствие регулярного употребления, многократного воспроизведения, ставшие

устойчивыми «формулами», не создающимися в речи, а вносящимися в неё» [5, с. 74], относятся к словосочетаниям переходного типа. В подязыке науки и техники они называются «терминологической фразеологией» [6, с. 133-134] и составляют большинство словосочетаний подязыка. Здесь преобладают двухкомпонентные образования: *desktop software* – программное обеспечение для настольного компьютера, *network software* – сетевое программное обеспечение, *computer language* – язык программирования, *network hardware* – сетевое оборудование, *hardware acceleration* – аппаратное ускорение, *gaming apps* – игровые приложения, *data channel* – канал связи, информационный канал; канал (передачи) данных, *data communication* – 1) информационная связь 2) передача данных.

В качестве заключения отметим, что ономаσιологически целостные составные номинативные единицы, обозначающие сложные понятия в области *Computer Science*, представляют собой многокомпонентные словосочетания свободного типа, в которых прослеживается движение от денотата к наиболее точному и полному обозначению (описанию) всех его видовых признаков. Свободные терминологические словосочетания, в структурном плане являющиеся четырёх- и более компонентными номинативными единицами, которые передают сложные понятия как комбинации простых, чаще всего представляют собой различные сочетания однокомпонентных лексем и двух- трёхкомпонентных словосочетаний. Они являются носителями элементарной специализированной информации, т.е. терминами не только в ономаσιологическом, но и функционально-семасиологическом аспектах. Словосочетания переходного типа, занимающие промежуточную позицию между свободными словосочетаниями и фразеологизмами, вследствие регулярного употребления в подязыке в строго определённом значении, их воспроизводимости в неизменном терминологическом значении, выполняя особую функцию, приобретают статус терминологических фразеологизмов.

Библиографический список

1. Бархударов С.Г. Актуальные проблемы лексикографии в области терминов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 11.

2. Коротких Г.И. Сложные единицы номинации и проблемы нормы (на материале английских словосочетаний) // Номинация и контекст. Кемерово, 1985. С. 68-76.

3. Демьянова О.П. Функционально-стилистическая стратификация лексики в английских технических текстах. // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. С. 211-216.

4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. Т.5. М., 1939. С. 3-55.

5. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, 202 с.

6. Береснев С.Д. О терминологической фразеологии // Труды Свердловского гос. мед. ин-та, 1960. Вып. 29. Вопросы частной лингвистики, с. 133-134.

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF THE ENGLISH TERMINOLOGICAL WORD GROUPS IN THE DOMAIN OF COMPUTER SCIENCE

O.P. Demyanova

Kuban State University, Krasnodar

The article is focused on the study of the English terminological word groups which signify integral nominative units denoting complex notions in the domain of Computer Science. The findings have been generalized. Terminological word groups have been classified according to shared lexical and semantic characteristics.

Index terms: integral nominative units, complex notions, English terminological word groups, terminological phraseology.

Об авторе:

Демьянова Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: odemyanova@mail.ru

УДК 81:33

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

А.В. Жандарова, С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена изучению экономической картины мира. Лингвистическое представление понятий сферы предпринимательства и бизнеса предполагает доступность для других членов социума (обучающихся иностранным языкам). Понимание сущности бизнес-языка как динамической лингвосоциальной системы деятельности людей заключается в параметризации данной сферы как актуального и развивающегося звена познания в науке.

Ключевые слова: деривация, понимание, вербализация, термин, словоизменение, словообразование, предметная область.

В последнее время активно развиваются направления лингвистики, изучающие проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Как показывают наши наблюдения, есть все основания полагать, что в языковом континууме научной и научно-профессиональной сферы деривация может рассматриваться как глобальный фактор вербализации особой, еще не изученной в теории языка, картины мира – *экономической*. Сфера предпринимательства и бизнеса образует ядро экономического профессионального терминопостранства.

Под экономической картиной мира нами понимается структурированная определённым образом вся совокупность когнитивно-смысловых образований, концептов, вербализованных средствами языка, относящихся к сфере экономики (термины, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и понятия всех смежных и узкоспециальных экономических дисциплин, профессиональных областей деятельности и научных направлений).

Словообразование, как известно, изучает слова, между которыми существует двойная связь – общность предметного содержания и фонетического оформления. При этом недостаточно наличия какой-либо одной связи между словами, как, например, в лексикологии, изучающей в основном семантические отношения между словами.

Деривация (от лат. *derivatio* – отведение; образование) – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения» *корня* за счет аффиксации или *словосложения*, в связи с чем, деривация приравнивается иногда к словопроизводству или даже *словообразованию* [10; с. 129].

Согласно более широкой точке зрения, деривация понимается либо как обобщенный термин для обозначения словоизменения (*inflection*) и словообразования (*word-formation*) вместе взятых, либо как название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т.ч. предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций, процедур.

В актах деривации происходит изменение структуры и семантики единиц. В смысловом отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении, либо на создание нового знака путем преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка.

Процессы деривации завершаются не только созданием вторичной, или результативной единицы, но и возникновением особых деривационных отношений между исходными и производными знаками языка (частный случай таких отношений

– наиболее хорошо изученные отношения словообразовательной производности). Отношения эти обнаруживаются как между единицами одного и того же уровня, так и между единицами разных уровней (для деривации *слова* нужны морфемы, для деривации *предложения* – слова, для деривации *текста* – высказывания и т.п.).

В этом смысле термин «деривация» отражает как межуровневый подход, позволяющий выявить закономерности образования более сложных единиц «верхнего» уровня из менее сложных единиц «нижнего» уровня, так и, напротив, подход внутриуровневый, объясняющий механизмы синтагматической сочетаемости единиц. Особый статус приобретает так называемая деривационная морфология, описывающая средства и способы организации морфологических структур слова в языках разного типа.

Операционное описание языковых единиц через восстановление их синхронной деривационной истории, начатое первоначально в рамках трансформационной грамматики, вышло далеко за ее пределы и способствовало уточнению теории синтаксиса и словообразования в их динамическом аспекте. Такой подход является доминирующим и при исследовании деривации экономической сферы, связанной с предпринимательством и бизнесом.

Понятие деривации, по нашим наблюдениям, несколько шире понятия и термина «словообразование», хотя в определенных контекстах они могут интерпретироваться как синонимичные [4, с. 7], [5, с. 63].

Термин «словообразование» в современной лингвистике является полисемичным, реализуя несколько значений. В микросистеме словообразовательной терминологии полисемия терминов создает определенную трудность при описании и анализе словообразовательного материала.

В целом, многие вопросы теории и практики словообразования остаются: «спорными и противоречивыми... до сих пор нет единой системы понятий и терминов, не определены четкие границы... между синхронным и диахронным, морфемным и словообразовательным анализом; нет единого

мнения об основных словообразовательных единицах и их иерархии, о методах и принципах подхода к описанию словообразовательной системы» [8, с. 5]. Например, словообразование рассматривалось как: «основное средство обогащения словарного состава языка...» [7, с. 5]; как «образование новых слов путем комбинации уже существующих слов или путем переосмысления их форм...» [2, с. 144]; как «совокупность слов в их стандартно-индивидуальных отношениях друг к другу...» [3, с. 29].

Терминологическая деривация (терминообразование) представляет собой регулируемый процесс, в отличие от процесса возникновения слов общелитературного языка (слов общего употребления), которое происходит в результате коммуникации людей в обществе в целом [1, с. 52].

Внутри понятийно-категориальной сетки любого деривационного пространства существует семантико-структурная дистрибуция, определяющая дифференциацию различных типов означаемого. В основу понятия каждого типа положены специфические признаки, что отражено на деривационном уровне в плане специализации не только деривационных элементов разных статусов, но и в плане специфичности выбора того или иного деривационного «оформления» соответствующего понятийного сегмента.

Актуальна связь учения о термине с семиотикой, так как любое профессиональное, специальное или узкоспециальное слово-термин является в специальном научно-профессиональном контексте не просто словом (грамматический аспект), а единицей специализированной знаковой, кодовой системы, выполняющей двойную функцию: номинации и «кодирования» номинируемого понятия.

Концептуальный анализ производного слова представляет собой один из возможных способов изучения концептуальной организации мыслительной деятельности человека и его ментального лексикона.

Деривационный механизм языка характеризуется функциональной неоднородностью: в функциях деривации отражаются разнообразные коммуникативно-прагматические

установки. Когнитивная функция обуславливает направление деривационных связей в номинациях предметов, процессов, действий, явлений, лиц в сфере предпринимательства и бизнеса. Постепенно увеличивается продуктивность дериватов на -инг.

Особым фактором деривации являются заимствования, преимущественно англицизмы, отражающие социальную значимость деловых, культурных и языковых контактов. Они входят в русский язык обычно синхронно, образуя понятийно-деривационные блоки, группируясь в различные тематические микросистемы со своими внутренними связями. Наиболее продуктивны такие способы заимствований, как трансплантация, транслитерация, трансфонирование, суффиксация.

Сфера предпринимательства и бизнеса (СПБ) в русском и английском языках концептуализируется совокупностью деривационных, лексических / терминологических, фразеологических, синтаксических единиц, отражающих социальные и культурные аспекты бизнеса и предпринимательства.

Как показало проведённое исследование аспектов лингвистической концептуализации СПБ на материале русского и английского языков, существуют определенные общие и отличительные механизмы и закономерности реализации данного процесса в этих языках.

Установлено, что проблема определения и характеристики лингвистической концептуализации действительности (мира, его фрагментов) до настоящего времени не нашла своего однозначного решения, что объясняется сложностью этого лингвистического явления.

В теории языка признаётся, что необходимо искать и определять когнитивные механизмы, которые при всех вариациях функционирования в отличающихся формах познавательной деятельности сохраняют нечто общее и важное для понимания природы и сущности человеческого познания.

Как отмечается, в последние годы все чаще при рассмотрении самых разных по своим характеристикам структур знания и связанных с ними процессов познания начинает звучать термин «концептуализация». Так, достаточно сказать, что он

используется и при исследовании естественного языка, и при исследовании философского знания.

Как показывает анализ научной литературы, понятие языковой концептуализации многими учёными трактуется по-разному. «Порождение концептов» в культуре вообще и в человеческом сознании, отражающем действительность, можно считать по своей сущности единым процессом. Итак, с этой точки зрения концептуализация может быть представлена через два толкования:

1. «Концептуализацию можно конкретнее понимать как переход от эмпирического описания к связному объяснению (целостности знания)» [9, с. 165–167].

2. Концептуализация (conceptualization)... – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [6, с. 93].

Концептуальный анализ может усложниться за счет аналитического осмысления авторской интерпретации того или иного значения слова, которое подверглось процессу концептуализации в сознании языковой личности.

Мы полагаем, что концептуализация (как метод концептологии) – это множество аналитических приемов, операций и процедур, используемых при исследовании и описании процессов познавательной деятельности человека, заключающихся в осмыслении и интерпретации поступающей к нему информации о том или ином фрагменте мира / познания и приводящей к образованию концептов и концептуальных систем с помощью языковых единиц разных системных уровней.

Лексико-семантическая и словообразовательная близость, генетическое родство терминов и понятий «концепт» и «концептуализация» обуславливают при анализе языковой сферы предпринимательства и бизнеса необходимость исследования их соотношений, взаимовлияния, роли и функций относительно друг друга.

Концепты «Предпринимательство» и «Бизнес» в вербализованном виде выступают как мыслительные социокультурные образования человеческого сознания, с точки зрения языка классифицирующиеся на центральные и периферийные фрагменты (компоненты), включающие идиолект, текст, социолект бизнесменов и предпринимателей, терминологический аппарат СПБ.

Национально-культурные особенности и различия в восприятии и определении данных концептов в русском и английском языках отражаются как на ментальном, так и на вербальном уровне отдельной языковой личности и целого народа.

Концепт может создавать своё поле, что свидетельствует и о возможности *полевого* подхода при исследовании концепта как фактора языковой концептуализации мира.

Выявлена корреляция концепт – *термин*, что, по нашему мнению, наиболее чётко передаёт модель языковой концептуализации и специфику концептов в сфере предпринимательства и бизнеса, особенно в русском языке.

Лингвистическая концептуализация СПБ в русском и английском языках связана с реализацией этими концептами сущностных потенциальных смыслов в сфере конкретного контекста (бизнес-документация, речь бизнесменов и предпринимателей, энциклопедическая словарная статья, толковые словари, научные статьи, монографии и т.д.).

Результаты исследования лингвистической концептуализации СПБ в русском и английском языках дают основания присоединиться к мнению о том, что между различными культурами существуют черты сходства и различия. Выделяются смысловые области, в большей мере подверженные универсализации, и смысловые области, в большей мере проявляющие самобытность.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке в русских текстах в силу и экстралингвистических, и языковых причин, термин «**предпринимательство**» является максимально частотным в научно-профессиональном подязыке, побеждающим в этом плане конкурирующий термин «бизнес». В

то же время в переводах с английского языка на русский в текстах доминирует лексема «бизнес», что обусловлено её особой семантической окраской в родном – английском – языке, а также исторической традиционностью функционирования этого термина в английской рыночно-экономической области.

Особым фактором деривации в СПБ являются заимствования, преимущественно англицизмы, отражающие социальную значимость деловых, культурных и языковых контактов. Они входят в русский язык обычно синхронно, образуя понятийно-деривационные блоки, группируясь в различные тематические микросистемы со своими внутренними связями. Наиболее продуктивны такие способы заимствований, как трансплантация, транслитерация, трансфонирование, суффиксация.

Деривационный механизм профессионально-делового языка в сфере предпринимательства и бизнеса в русском и английском языках характеризуется функциональной неоднородностью: в функциях деривации отражаются разнообразные коммуникативно-прагматические установки, характерные для построения экономической картины мира.

Особую роль в процессах языковой концептуализации СПБ играет деривационное гнездование, посредством которого также отражаются различия в механизмах и направлениях лингвистической концептуализации сферы предпринимательства и бизнеса в русском и английском языках.

Библиографический список

1. Аксютенкова Л.Г. Деривация как фактор эволюции терминосистемы (на материале терминологии «Рыночная экономика»): Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 150 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972. с. 144.
3. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вест. МГУ. Филология, 1972. № 5. С. 28–29.
4. Жандарова А.В. Языковая концептуализация сферы предпринимательства и бизнеса (на материале русского и

английского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 172 с.

5. Жандарова А.В., Семенова С.Н. Лингвистическая концептуализация сферы предпринимательства и бизнеса (на материале русского и английского языков). Краснодар: Экоинвест, 2017. 124 с.

6. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН РФ. Серия литературы и языка, 1999. Том 58. № 5–6. С. 3–12.

7. Левковская К.А. О словообразовании и его отношении к грамматике // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 3–16.

8. Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. Свердловск, 1988. с. 5.

9. Разумовский О.С. Логика концептуализации и теоретизации в контексте развития теории // Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1990. С. 163–174.

10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. М., 1998. 685 с.

DERIVATIONAL PROCESSES OF VERBALIZATION OF ECONOMICAL WORLD PICTURE

A.V. Zhandarova, S.N. Semenova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of economical world picture. Linguistic representation of notions of business undertakings and business area suppose the accessibility to other members of society (foreign language learners). The researchers justify the thesis that the generalized understanding of the business-language essence as the dynamic linguistic and social system of people's activity supposes the parameterization of the given area as the modern and developing cognition stage in present-day science.

Index Terms: derivation, understanding, verbalization, term, inflection, word-formation, subject area.

Об авторах:

Жандарова Анна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: vi_rî@mail.ru

Семенова София Новиковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: simonyan.gretta@yandex.ru

УДК 81'25

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ КОМИЧЕСКОГО

Е.Е. Жук

Кубанский государственный университет, Краснодар

В работе рассматриваются грамматические приемы перевода языковых средств комического, используемые в условиях сходства грамматических форм английского и русского языков. Описываются приемы полного перевода, нулевого перевода, частичного перевода, функциональной замены, уподобления, конверсии и антонимического перевода. Приводятся примеры, которые иллюстрируют описанные приемы перевода на примерах произведений О. Генри и П.Г. Вудхауса.

Ключевые слова: грамматические приемы перевода, языковые средства комического, полный перевод, нулевой перевод, частичный перевод, функциональная замена, уподобление, конверсия, антонимический перевод.

Грамматические приемы применяются, когда объектом трансформации является та или иная грамматическая структура исходного текста, от морфемы до сверхфразового единства. По сравнению с лексическими проблемами этот вид проблем

представляет собой меньшую сложность для переводчиков, однако имеет свою специфику и требует определенных приемов.

Отличие грамматического строя английского и русского языков выражается в проблемах двух категорий: проблемы передачи в условиях сходства грамматических свойств языковых единиц и проблемы передачи в условиях различия грамматических свойств языковых единиц в исходном и передающем языках.

Грамматические свойства языковых единиц состоят из целого ряда языковых явлений: форма слова, словосочетания, предложения, порядок элементов, грамматические значения форм, контекстуальные функции форм и значений. Переводчик, оценивая информативность той или иной языковой единицы, принимает во внимание не только лексико-семантическое значение слов и их сочетаний, но и их грамматические свойства, которые могут существенно влиять на меру упорядоченности трансформируемого сообщения.

Общность между грамматическими свойствами русского и английского языков задается их общей принадлежностью к индоевропейской семье и проявляется в наличии общих грамматических значений, категорий и функций, например: категории числа у существительных, категории степеней сравнения у прилагательных, категории времени у глагола, функциональной значимости порядка слов и т. п. [1, с. 154]

В то же время различие принципов грамматического строя, выражающееся в принадлежности этих языков к разным грамматическим группам, отражается в существенных различиях между грамматическими свойствами, например, в существовании несходных грамматических категорий: артикли в английском языке, падежные формы в русском языке; герундий в английском языке, деепричастие в русском языке; полнозначное согласование в русском языке, фиксированный порядок слов в английском языке; и т.д.

Итак, рассмотрим грамматические приемы, используемые в условиях сходства грамматических форм английского и русского языков.

Полный перевод текста применим при условии полного сходства как грамматических форм, так и их значений и функций в исходном и передающем языках. Полное сходство, как правило, встречается сравнительно редко, так же как и полное, некомпенсируемое различие.

One dollar and eighty-seven cents. That was all. «The Gift of the Magi» by O. Henry [2, с. 1]. Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. «Дары волхвов» О. Генри, пер. Е. Калашниковой

We Woosters are not very strong in the head, particularly at breakfast time; and I was conscious of a dull ache between the eyebrows. «Jeeves and the Impending Doom» by P. G. Wodehouse [5, с. 16] У нас, Вустеров, голова не самое сильное место, тем более за завтраком. Я ощутил тупую боль в переносице. «Дживс и неумолимый рок» П. Г. Вудхаус, пер. Яна Шапиро.

Данные примеры можно назвать полным преобразованием, поскольку в русском варианте наблюдается сходство как грамматических форм, так и их значений и функций.

Нулевой перевод текста применяется в тех случаях, когда в исходном и передающем языках совпадает грамматическая форма, но не совпадает традиция экспликации тех или иных элементов содержания в рамках данной формы. Решающим в этом вопросе оказывается исходный контекст, однако иногда приходится принимать во внимание и такие факторы, как традиции в грамматическом оформлении того или иного типа текстов, например, требования стандартизации грамматических форм и оборотов, стилистическая закреплённость тех или иных грамматических форм, традиционное соотношение эксплицированности / имплицитованности сообщаемого в тексте и многое другое. Так, традиционно в английском тексте эксплицируется принадлежность как определитель существительного, в то время как для русского сообщения эта экспликация во многих случаях избыточна:

How magnificent was Billy McMahan, with his great, smooth, laughing face; his grey eye, shrewd as a chicken hawk; his diamond ring, his voice like a bugle call, his prince's air, his plump and active roll of money, his clarion call to friend ... Как хорош был Билли Мак-Мэхан – веселое, открытое лицо с гладкой кожей и

крупными чертами; острые, как у молодого сокола, серые глаза; брильянтовое кольцо; трубный голос; как царственно он держится, как лихо готов растрясти пухлую

«The Social Triangle» by O. Henry [2, с. 159] пачку денег, как сзывает друзей и товарищей... «Социальный треугольник» О. Генри, пер. Е. Коротковой.

Передача притяжательных местоимений отягощает множество текстов, хотя является, по существу, результатом неверного грамматического преобразования, когда внешнее межъязыковое сходство вступает в противоречие с различием традиций грамматического оформления высказывания.

Применение упомянутого выше нулевого преобразования текста достаточно эффективно в случаях традиционно-функционального несовпадения при условии сходства самих форм. Помимо уже приведенного примера, можно говорить о применимости нулевого преобразования при несовпадении функций различных видов местоимений, например: they say – говорят, you see – понимаешь, before one can say a word – не успев и слова сказать, say it – скажи.

Some time before, you see, he had married the celebrated authoress, Rosie Banks «Jeeves and the Impending Doom» by P.G.Wodehouse [5, с. 19]. Дело в том, что недавно он женился на Розе М. Бэнкс, прославленной писательнице,... . «Дживс и неумолимый рок» П.Г.Вудхаус, пер. Ян Шапиро.

Следующий пример интересен тем, что притяжательное местоимение встречается дважды, но передано только один раз, что соответствует замыслу автора. Подобный пример является частичным переводом:

He who would quell with his eye the sonorous youth whom the claret punch made loquacious, ...or hurl gutterward the cantankerous without a wrinkle coming to his white lawn tie, when he Кон, умевший усмирить взглядом шумного юношу, разошедшегося под влиянием пунша из красного вина, ...или выставить за дверь скандалиста, даже не помяв своего stood before woman he was voiceless... «The Lost Blend» by O.Henry [2, с. 163] белого галстука, – этот самый Кон стоял перед женщиной безгласный... «Утеранный рецепт» О. Генри, пер. В. Азова

Частичный перевод употребляется в условиях, когда одна и та же грамматическая форма может иметь несколько содержательных функций, при этом различающихся по составу и количеству в исходном и передающем языках. Например, возвратные местоимения в русском языке могут иметь собственно местоименную форму (полный перевод – сам, себя), а могут передаваться частицей -ся. Соответственно, применяется либо полная передача, либо частичная:

‘I am a fisherman myself, and I have never told a lie in my life’
«The Truth about George» by P.G.Wodehouse [4, с. 11] Я сам рыболов и не солгал ни разу в жизни. «Вся правда о Джордже» П.Г.Вудхаус, пер. И. Гуровой.

Наиболее часто переводчикам приходится прибегать к такому приему как функциональная замена. Функциональная замена применяется, когда функции или значения сходных грамматических форм не совпадают в исходном и передающем языках: в таких случаях исходная форма может замещаться другой по типу формой в передающем языке на основе сходства функций.

В следующем примере сочетание глагола и прилагательного -to be dependent on (быть зависимым от) было при трансформации заменено на глагол полагаться на, а временную форму Present Perfect заменило настоящее время без каких-либо ссылок на совершенность:

Lots of people think I’m much too dependent on him. My Aunt Agatha, in fact, has even gone so far as to call him my keeper. «Jeeves takes charge» P.G.Wodehouse Многие считают, что я чересчур на него полагаюсь, тетя Агата – та даже вообще называет его «твоя няня». «Командует парадом Дживс» [3, с. 11] П.Г. Вудхаус, пер. И. Бернштейн.

Уподобление используется при передаче грамматических форм в условиях составных конструкций, комбинаторика которых не совпадает в исходном и передающем языках, а также в условиях несовпадения требований эксплицитности / имплицитности выражения. В частности, уподобление применяется при передаче английских оборотов с инфинитивом. Особенности употребления инфинитива в английском языке

нередко затрудняют определение его функций и прагматическую адаптацию. Особое внимание следует обращать на употребление инфинитива в обороте for-phrase, употребление инфинитива в качестве элемента вторичного сказуемого (оборот Nominative with the Infinitive), на инфинитив последующего действия:

‘The next morning at eleven o’clock, when I was sitting there alone, an Uncle Tom shuffles into the hotel and asked for the doctor to come and see Judge Banks, ... «Jeff Peters as a Personal Magnet» by O. Henry [2, с. 196] На следующее утро в одиннадцать, когда я сидел в номере один-одинешенек, является ко мне какой-то дядя Том и просит, чтобы доктор пожаловал на квартиру к судье Бэнксу... «Джефф Питерс как персональный магнит» О. Генри, пер. К. Чуковского.

Конверсия используется в условиях различных требований, применяемых к эксплицитности выражения в исходном и передающем языках, а также при различии комбинаторных правил сочетаемости грамматических форм. Использование этого приема ведет к морфологическому преобразованию исходного слова.

It’s entirely due to that mechanic who calls herself a cook. «Clustering round young Bingo» by P.G.Wodehouse [3, с. 229] Наша кухарка – ей бы сталь варить, а не суп. П.Г. Вудхаус, пер. В. Гусева А все из-за этой мымры, которая называет себя поварихой. П.Г. Вудхаус, пер. М.И. Гилинского.

Существительное mechanic (досл. механик), которое хозяйка использует, отзываясь о своей кухарке, было заменено переводчиком В. Гусевым на сочетание глагола и существительного сталь варить, а переводчик М.И. Гилинский вообще избежал каких-либо ассоциаций с работниками станций техобслуживания, заменив его на существительное мымра.

Антонимический перевод применяется в целях снятия возможного конфликта между лексической и грамматической сочетаемостью языковых единиц в исходном и передающем языках. Данная трансформация позволяет создать более естественную грамматическую структуру на передающем языке в тех случаях, когда грамматическая форма приходит в

противоречие с правилами лексической сочетаемости и лишает передающий текст выразительности, утяжеляя его.

She was small and slender and clothed in black. But you would have noticed her eyes. «One thousand dollars» by O. Henry [2, с. 618]
Она была миниатюрной, стройной, одетой во все черное. От ее глаз было невозможно оторваться. «Тысяча долларов» О. Генри, пер. А. Кабалкина Она была невысокого роста, но очень стройна и одета во все черное. Мимо ее глаз никто не мог равнодушно пройти. «Тысяча долларов» О. Генри, пер. З. Львовского.

Утвердительное предложение But you would have noticed her eyes в двух вариантах трансформации приобретает отрицательные элементы «невозможно оторваться, никто не мог равнодушно пройти», которые помогли переводчикам сделать текст более выразительным и естественным в его русском варианте.

Библиографический список

1. Романова С.П., Коралова А.Л. Пособие по переводу с английского на русский. М.: КДУ, 2004.
2. Henry O. 100 Selected Stories. London, 1995. 735 p.
3. Wodehouse P.G. Carry On, Jeeves. Arrow Book. London, 2008. 273 p.
4. Wodehouse P.G. Meet Mr..Mulliner. Arrow Book. London, 2008. 203 p.
5. Wodehouse P.G. Very Good, Jeeves. Arrow Books. London, 2008. 297 p.

GRAMMAR METHODS OF TRANSLATION OF LINGUISTIC COMIC MEANS

E.E. Zhuk

Kuban State University, Krasnodar

The paper focuses on grammar methods of translation of linguistic comic means, which are used in conditions of similar grammatical forms of Russian and English languages. The author

describes the methods of full translation, zero translation, part translation, functional substitution, assimilation, conversion, antonymic translation. The examples are given which illustrate the described methods of translation with the examples from the works of O. Henry and P.G. Wodenhouse.

Index terms: grammar methods, linguistic comic means, full translation, zero translation, part translation, functional substitution, assimilation, conversion, antonymic translation.

Об авторе:

Жук Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: katya_serdyuk07@mail.ru

Д7 070

МАСС-МЕДИЙНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Б.А. Кайзер

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются связи между системными и функциональными аспектами масс-медийных коммуникаций. Автор анализирует структуру массовой коммуникации и системную связь средств воздействия, а также правила построения обычного публицистического или журналистского текста.

Ключевые слова: массовые коммуникации, интент, ивент, интегративность, лингвистические аспекты, категория контента, семантический материал.

Анализ масс-медийных коммуникаций предполагает следующие пять этапов, отражающих целочастную динамику и

функциональную направленность объекта: а) выявление в дискурсе определенной интегративной целостности; б) первичное вычленение интегрирующих комплексов с его обоснованием (почему выделены именно такие части, границы, а не иные); в) многомерную характеристику исходного комплекса с учетом его составных частей: журналистской и пиаровской; г) соотнесение данного комплекса с другими в составе интегративного целого; д) рассмотрение функциональной стороны: с учетом достигаемого аксиологического усиления, углубления доминант контента и т.п.

Обратимся к примеру – материалу Elizabeth Orfin «New Kind of Beauty Contest», опубликованный в The Financial Times. (Wednesday Feb 15. 2012),

«What would be your reaction: satisfaction, anger, or both?».
[5]

Как пишет The Financial Times, этим вопросом озадачился Казахстан благодаря новому фильму «Борат! Культурное исследование Америки во благо славного народа Казахстана».

В материале органично переплетается жесткая аналитика и многомерный пиар.

Лента неожиданно побила рекорды сборов в Америке. Это пародия на документальный фильм о приехавшем в Америку казахе Борате (его играет британский комик), носителе ряда негативных черт. Казахские зрители в США этим фильмом оказались недовольны. В медийном материале Уолли Олинс (Wally Olins), консультирующий правительства разных стран по вопросу улучшения имиджа, полагает, что казахи должны «замолчать и подождать, пока утихнут страсти».

Жесткая характеристика главного героя фильма интегрируется, во-первых, со специфическим пиаром ленты и, во-вторых, с рассуждениями, демонстрирующими значимость имиджа как феномена и его системную сложность. Так, в материале Олинс отмечает, что странам, в отличие от компаний, желающих сформировать свой имидж, трудно сохранить выбранную стратегию, создать ясное послание или измерить успех.

Пиаровские и журналистские компоненты текста соединены в четко выделяемый комплекс. Таким образом, интегрирующий комплекс – операционально выделяемый носитель интеграции между собственно-журналистским и имиджевым, пиаровским началами дискурса – выступает как относительно емкий объект, включающий показатели журналистской и пиаровской специфики.

Интегрирующий комплекс обладает знаковостью, и поэтому при анализе необходимо обращаться к синтактической, семантической и прагматической сторонам материала. При этом лингвистические аспекты выступают только как элементарные, вспомогательные средства, а сущность исследуемого объекта определяется не лингвистически, а медиеведчески: в проблемном, аксиологическом, в категориях контента, интента, ивента.

Ссылаясь на Г.М. Соловьева, отметим, что «поступающая через масс-медиа информация стимулирует понятия, мысли или знания, приобретенные в прошлом и имеющие отношения к содержанию новой информации». [4] В настоящий момент мир информации представляет собой единую феноменологическую данность с множеством уровней и подуровней подачи информации, восприятия ее массовым и индивидуальным сознанием. За последние несколько десятилетий масс-медийные коммуникации претерпели ряд интеграционных процессов, в результате чего стали одновременно мощной и отчасти непредсказуемой системой формирования массового сознания. Поэтому не случайно, например, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации «определена важнейшая роль СМИ в формировании законности и правопорядка, в воспитании духовности и высокой нравственности. [2] Таким образом, методологические основания информационной культуры напрямую связаны с аксиологией. Динамика современных медиа показывает, что события уровня глобального освещения, составляющие ее предмет и содержание, в информационном пространстве претерпевают постоянные изменения, связанные с рядом особенностей, в том числе и спецификой ментальности, историческим фактором, способами распространения информации, конкретными целями тех или

иных мотивирующих сил, для которых необходим инфоповод для выражения собственных интересов.

Структура массовой коммуникации предполагает системную связь средств воздействия и правила построения обычного публицистического или журналистского текста. Существует несколько положений, которые являются ключевыми в подготовке таких медиатекстов: «Ясность изложения и цели создания документа. Полнота информации. Краткость, сжатость текста. Точность. Вежливость. Ответственность». [3] Специально подчеркнем «ответственность» – необходимость быть точным и аккуратным, так как с помощью опытного юриста в суде конкуренты или клиенты могут опровергнуть информацию. Это свидетельствует о смысловой близости и общей сфере взаимодействия PR и смежных сфер. Интегрированный текст приобретает идентификационные характеристики только в процессе коммуникации, между тем как «...любой другой текст может быть самым собою вне контактов с читателем, – пишет А.Е. Богоявленский. – Роман остается романом, заметка – заметкой, то же самое происходит с хокку, конституцией, сценарием, научной статьей и т.д. – они не теряют своих идентификационных признаков, даже если записаны «в стол», и даже тогда, когда их создатель остается их же единственным читателем». [1] Интегрированному же тексту PR–основа сообщает свою дискурсивность.

Охарактеризовав интегрирующий комплекс как носитель взаимодействия, перейдем к представлению системно-категориальных, функциональных характеристик ИМК, а также векторов интеграции: к насыщению журналистского текста PR–асpekтами и к осложнению PR-текста собственно-журналистскими установками.

Системно-категориальные характеристики ИМК ярко проявляются при сложном сочетании аналитико-критической интенции и опосредованного пиара. Таков лаконичный текст, начало которого приводится ниже и который посвящен новым технологиям в Агентстве национальной безопасности (National Security Agency) США. См.:

NSA can track smartphone data by breaking through iPhone and Blackberry security measures By Daily Mail Reporter and Associated Press PUBLISHED: 14:17 GMT, 8 September 2013 «The NSA is able to crack protective measures on iPhones, BlackBerry and Android devices, giving it access to users' data on all major smartphones, according to a report Sunday in German news weekly Der Spiegel. [6]

Системная характеристика журналистской установки – категоричные номинации со значением «взломать защитные структуры» и т.п. Системное свойство пиар-установки – указание на то, что эти новые технологии служат сбору информации о потенциальных угрозах, прежде всего о террористах.

Интегративная сущность материала усиливается двумя обстоятельствами, значимыми для информационного пространства. Во-первых, новые технологии акцентируются у одной из спецслужб, известной своими конкурентными отношениями с другими в тех же США (АНБ соперничает с ФБР и ЦРУ). Во-вторых, еще более значимо в системном плане то, что в приводимом материале дается ссылка на немецкий журнал “Spiegel”, где упоминаемые технологии отчасти критикуются как нарушающие личное информационное пространство. Это критическое начало в целом укрепляет линию доверия к материалу, в чем ярко и парадоксально проявляется интегративность.

Проявления интегративности не ограничиваются системными характеристиками. Заслуживают внимание тесно связанные с ними функциональные аспекты исследуемого процесса. Обратимся к трем следующим, тематически связанным контентам, которые приводятся в показательных фрагментах. Все они так или иначе соотносятся с предстоящей олимпиадой-2014 в Сочи.

В первом материале *«The Washington Post»*, написанном известным обозревателем Уиллом Энглундом, уже заглавие отвечает единству двух функций: информативной и имиджевой: **«Russia welcomes Olympic flame»**.

Эта интеграция проявляется с первых строк текста до его финала: *«Russia on Sunday rolled out one red carpet on Red Square for the Olympic flame and another red carpet for the man who made*

the big bet on Russia as host for the Winter Games next year in Sochi: President Vladimir Putin».

Примечательно, что журналистская информативность соединяется в тексте с коммуникативно-ориентированной, а имиджевая раскрывается многомерно: в связи со страной, событием, личностью. Такая разносторонность делает интегративный текст актуальным для массовой аудитории всего мира. И важный для имиджа вывод о том, что Россия достойно справляется со всеми этапами подготовки Зимних Олимпийских Игр 2014 года, оказывается мотивирован функционально-аналитическим единством.

Своеобразным дополнением подобной интеграции может служить серия материалов о выдающемся российском хоккеисте, играющем и в США, – Александре Овечкине. Тексты показательно раскрывают аналогичное единство аналитики и имиджевой интенции, обладающее функциональной многогранностью.

Отметив системные и функциональные характеристики интегративности, укажем далее на два основных вектора, направления взаимодействия между журналистскими и пиаровскими установками. Это, во-первых, насыщение журналистского текста PR–асpekтами и, во-вторых, осложнение PR-текста собственно-журналистскими установками.

Их рассмотрение отчасти продолжает ранее выполненную характеристику. Проиллюстрируем первый вектор, насыщение журналистского текста PR–асpekтами, тематически созвучным контентом – спортивным. Таково, например, интервью, взятое журналистом ранее упомянутой американской газеты у россиянина Александра Поветкина перед боем с украинским боксером Владимиром Кличко. Первичность журналистской установки, с глубокой проблематизацией, упоминанием неудач, всё же не определяет полностью суть публикации. Эта аналитическая основа насыщается пиаровской, ими же образующей информацией, чему весьма благоприятствует жанр интервью и конкретно- характер вопросов, обращенных американским журналистом к российскому боксеру.

Разумеется, интегративность не исчерпывается спортивным контентом и жанром интервью. Рассматриваемый вектор – насыщение, дополнение журналистской основы пиар-аспектом – показателен и для других сфер контента, для ряда жанров. В этом плане показательны публикации о литературной деятельности британского прозаика Джоан Роулинг, «литературной матери» Г. Поттера. Материалы включают значительный аналитический слой – именно этот контент является собственно-журналистской основой текста. Но ею его целостная суть не исчерпывается: вполне определенным, дискурсивно закрепленным оказывается пиар-аспект, а именно поддержание интереса к уже известной личности в условиях острейшей литературной конкуренции и некоторой «привычности» славы Роулинг. Основным средством, представляющим эту интегративность, служит своеобразная сверхдетализация в контенте.

Библиографический список

1. *Богоявленский А.Е.* Типы текстов паблик и рилейшнз и носители PR-сообщений // Вестн. Воронеж. гос. ун-та: Филология. Журналистика. Воронеж, 2004. Вып. 1. С. 59
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. М., 2000. С. 22.
3. *Иванов К.А.* Становление профессии Паблик Рилейшнз: Теория и практика. СПб., 2006. С. 125.
4. *Соловьев Г.М.* Эффективность воздействия телевидения; новые горизонты // Научные труды факультета журналистики Кубанского государственного университета. Краснодар, 2011. С.63-68.
5. *Elizabeth Orfin.* New Kind of Beauty Contest. The Financial Times, Wednesday Feb 15. 2012.
6. Daily Mail Reporter and Associated Press 14:17, 8 September 2013.

FUNCTIONAL ASPECT OF MASS – MEDIA COMMUNICATION

B. A. Kaiser

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the relations of functional and systematic aspects of mass-media communications. The author describes the structure of mass communication and systematic connection of exposure means. The principles of formation of ordinary publicistic and journalistic texts are also explained.

Index terms: mass-media communication, integration, functional and systematic aspects, content, intent, event, semantic materials

Об авторах:

Кайзер Беата Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: beata.kaiser@mail.ru

УДК 37

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД 2000 – 2010 гг.

С.В. Кодрле

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье определены основные тенденции государственной стратегии реформирования образования в период 2000 – 2010 гг., выявлены и охарактеризованы особенности процессов реформирования российского общего образования.

Ключевые слова: реформирование образования, общественно-государственный характер управления образованием, автономизация образовательных учреждений, образовательные услуги.

Сегодня реализация государственной политики реформирования образования происходит на фоне вызовов, определенных новым характером педагогических и социально-экономических реалий, но в то же время является следствием и продолжением процессов реформирования, проведенных государством в сфере образования в начале двадцать первого века, что актуализирует анализ тенденций реформирования отечественного общего образования в данный период.

В первое десятилетие двадцать первого века российская школа переживала процесс активного реформирования в рамках комплексной модернизации систем образования. Проведение реформ в данный период было представлено в реализации таких проектов, как профильное образование, введение в государственную образовательную систему элементов финансово-экономической самостоятельности образовательных учреждений, конкретизация в различных формах идей паритетного государственно-общественного управления образовательными институтами, создание единой общенациональной системы оценки качества образования.

Согласно исследованиям ряда известных ученых государственная стратегия реформирования образования была обусловлена требованиями его модернизации, гуманизации, необходимостью расширения общественного участия в управлении образованием и острой потребностью построения логичной, целостной структуры его нормативно-правовой базы. [1, 2, 4].

Необходимо отметить, что особенность ситуации, сложившейся в образовательном пространстве России в указанный период заключалась не столько в уходе государства из образования, сколько в последовательном продолжении политики децентрализации управления образованием, развития государственно-общественных форм управления образованием.

Необходимо подчеркнуть характерную для этого периода высокую ценность педагогической самостоятельности в России, а также тенденции новых отношений к ней со стороны власти. Речь идет о структурно-содержательных нововведениях, основанных на принципах компетентностного подхода, конкретизирующего в образовательной сфере принципы глобального общественного переустройства. Это такие проекты, как единый государственный экзамен (ЕГЭ), находящаяся в русле Болонского процесса, двенадцатилетняя школа и двухступенчатое высшее образование, новые государственные образовательные стандарты и т.п.

Одним из актуальных аспектов новой политики в России по отношению к общеобразовательной школе данного периода является процесс автономизации образовательных учреждений как средство и содержание реализации государственной стратегии децентрализации управления образованием. Децентрализация управления – явный показатель наличия демократических процессов, где автономизация выступает как этап и средство перехода к самоуправлению, отличающегося от централизованного управления такими признаками, как ответственность, самостоятельность и независимость от внешних давлений (авторитета, преходящих обстоятельств, произвола власти).

Правовой характер государственного управления в России определяется одним из главных принципов признания прав человека: соблюдение, защита прав и свобод человека, гражданина. Важнейшей предпосылкой формирования правового государства является формирование гражданского общества посредством удовлетворения прав и интересов граждан на основе самоуправления и свободы. В этом плане государство готово на партнерские отношения с обществом в образовательной сфере, установление паритетного государственно-общественного или даже общественно-государственного управления образованием.

С одной стороны, в указанный период реформирования отечественного образования налицо явная тенденция снизить степень государственной ответственности за развитие образовательной сферы. С другой стороны – попытка «воспитать» в обществе через образование элементы

гражданского самосознания, характерные для такого социального феномена, как гражданское общество. Важнейшим средством такого воспитания выступала необходимость согласования новых и традиционных педагогических ценностей в российском образовании и, на основании их синтеза, выработка ряда социальных ценностей, которые послужили бы основой для выбора целей и средств, адекватных новым особенностям образования.

Одним из направлений государственно-общественного управления является формирование неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера. А зрелое гражданское общество поставит на службу своим интересам государственные органы всех ветвей и всех уровней власти в стране.

Прежнее понимание государственной системы образования в данный период уходит в прошлое. На место государственной системы образования приходит государственно-общественная система образования, в которой образовательный заказ должен формироваться как совокупность заказов со стороны государства, региона, частных лиц, бизнес корпораций и локальных сообществ.

Изменилась сама модель правового отношения государства к системе образования. Прежняя модель авторитарного отношения меняется на нормативно-правовую модель. Это означает отказ от полного финансирования государством всех обязательств в социальной сфере, в том числе в образовательной области и переход к экономной политике бюджетных социальных дотаций малообеспеченным слоям населения.

Обязательность образования изменила свой вектор «от государства к конкретной личности» через образовательное учреждение на вектор «от личности к образовательной организации» при контроле со стороны государства.

Вместе с тем, реформационную деятельность государства в сфере образования нельзя сводить к переадресации

ответственности школам. Свидетельством тому целый комплекс относительно успешно реализованных правительственных инициатив данного десятилетия.

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки России бюджетное финансирование было приведено в соответствие с концепцией бюджетирования, ориентированного на результат. Основопологающим принципом такого бюджетирования выступало обеспечение тесной взаимосвязи между выделяемыми бюджетными ресурсами и ожидаемыми результатами их использования.

Особенность ситуации состояла в том, что, начиная со времени создания Министерства образования и науки в 2004 г., развитие образования определялось в основном проектами различных законов и рекомендациями. Это создавало уникальное пространство свободы для инновационного творчества. С другой стороны, определялась правовая компетентность руководителя и строгое соответствие деятельности образовательного учреждения существующей нормативно-правовой базе.

Следующей особенностью являлось ограничение, и даже прямое сокращение бюджетных ресурсов, выделяемых системе образования, что предполагало наличие у руководителя способности экономить имеющиеся ресурсы и выстраивать систему многоканального финансирования в условиях финансово-экономической самостоятельности.

Третьей особенностью ситуации являлась растущая конкуренция среди образовательных учреждений разного уровня. Стремление избежать бессмысленного соревнования приводило к необходимости выявления уникальности каждого образовательного учреждения в образовательной деятельности и поиска своей ниши работы. Направленность общественного запроса на качество образовательных услуг привела к формированию социальной установки не только на инновационность педагогической деятельности, но на высокие качественные показатели её результативности.

В контексте преобразований, происходивших в российской системе образования в первое десятилетие XXI века, функционирование образовательной системы выступало как

совокупность организационных, кадровых, методических, финансовых, материальных и др. условий, обеспечивающих качественное осуществление образовательного процесса. [3, с. 28]

Реформирование системы образования в России стало процессом построения рынка образовательных услуг, где определяющим ценностным компонентом педагогической системы выступал не ребенок и не учитель, а качество образовательного процесса и его главного продукта – образовательной услуги. Товаром, за который платят потребители на рынке образования, становилась образовательная услуга. Ее качество определяется как степень удовлетворения явных и скрытых образовательных запросов потребителей.

Развитие рынка образовательных услуг – это изменение подходов к финансированию системы образования. Внешне это выглядело как разделение понятий образовательный процесс и образовательное учреждение. Результатом образовательного процесса, в этом случае, выступает образовательная услуга или совокупность образовательных услуг. По мнению авторов реформы образования, удовлетворенность общества и личности образовательной услугой может не зависеть от существования образовательного учреждения. Образовательное учреждение теряло свою самостоятельную образовательную ценность и начинало рассматриваться как производитель качественных образовательных услуг или как объект недвижимости. Это давало основания для закрытия, перепрофилирования и объединения в комплексы образовательных учреждений, не производивших качественные образовательные услуги. Государство гарантировало обществу образовательную услугу, а не сохранение образовательного учреждения.

Таким образом, в реформировании общего образования России в период 2000 – 2010 гг. основной акцент делался на изменение форм взаимодействия школы, государства и общества, изменение финансового статуса школы, активизацию инновационной деятельности школы как источника её развития, обеспечивающего конкретный образовательный результат, определение норм качества педагогической деятельности в

отношении формирования социальных критериев качества образовательных услуг.

Основными направлениями реформирования отечественного общего образования выступали: 1) децентрализация управления образованием; 2) переход к самоуправлению, автономизация образовательных учреждений; 3) паритетное государственно-общественное управление образованием; 4) введение системы нормативно-подушевого финансирования; 5) разработка социальной системы оценки качества образования; 6) развитие системы многоканального финансирования образовательных учреждений; 7) построение рынка образовательных услуг.

Оценка качества образовательных услуг, соответственно и востребованность их на образовательном рынке связывалась с удовлетворением явных и скрытых образовательных запросов потребителей. При этом проблемы развития образования были определены тем, что школа теряла свою самостоятельную образовательную ценность и стала рассматриваться как производитель и поставщик качественных образовательных услуг. Решение же возникающих проблем связывалось с ситуацией взаимодействия системы образования, государства и социума.

Библиографический список

1. Бедерханова В.П. Перспективы и барьеры гуманизации социальной и педагогической реальности в условиях модернизации территориальных систем образования / В.П. Бедерханова П.Б. Бондарев. // Психолого-педагогический поиск. 2012. №22. С. 47-56.

2. Краевский В.В. Научное исследование в педагогике / В.В. Краевский. // Педагогика. 2005. № 2. С. 13-20.

3. Прикот О.Г. Проектное управление развитием образовательной организации / О.Г. Прикот, В.Н. Виноградов. Москва: Сентябрь, 2013. 159 с.

4. Хуторской А. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. Хуторской. // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN SCHOOL EDUCATION REFORMING IN THE PERIOD OF 2000-2010

S.V. Kodrle

Kuban State University, Krasnodar

In the article the main trends of the state strategy for reforming education in the period 2000-2010 are considered, the specifics of the Russian school education reforming processes are identified and characterized.

Index terms: education reform, public-state nature of education management, autonomization of educational institutions, educational services.

Об авторе:

Кодрле Светлана Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: sv.kodrle@bk.ru

УДК 81'42:811.111:811.124.378

О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

О.В. Котик, Н.Я. Письменная, В.И. Лоза

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена роли текстов исторического содержания в обучении английскому и латинскому языкам, способствующим пониманию как смысла текста на латинском языке, так и заимствований в английском.

Ключевые слова: анализ и перевод текста, заимствования, завоевания Британии, эволюция английского языка, языковые трудности

Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости
А.С. Пушкин

В данной статье рассмотрим роль текстов, содержащих исторический материал, в обучении иностранному языку. Нет необходимости говорить о важности исторических текстов при изучении латинского языка, она неоспорима. Ранее мы подчеркивали роль перевода текстов с латинского языка на русский в расширении кругозора и повышении общей культуры студентов [1], [3]. Построение текстов на латыни, как и сам строй этого древнего языка, отличается особой последовательностью, что требует твердого знания грамматики, и поэтому при анализе и переводе текста необходимы знания, помогающие студентам справиться со сложностями перевода. Это фрагментарные сведения об эпохе, исторических событиях, литературных и мифологических персонажах, упоминаемых в текстах, облегчающие понимание смысла, без которых невозможно понять и перевести тот или иной текст, не имея твердого представления об описываемых в нем событиях. Как показывает опыт преподавания латинского языка на историческом факультете, студенты, приступая к переводу текстов и упражнений в учебнике латинского языка под редакцией В.И. Ярхо, поверхностно владеют знаниями основных этапов древней истории и античной литературы, что недопустимо при тематике данных текстов.

Возьмем в качестве примера привлечения античной истории текст письма Александра Македонского к Аристотелю «*Alexandri ad Aristotēlem epistŭla*». Александр красочно описывает все перипетии своего восточного похода, все трудности и тяготы, победы и празднества. Но если не знать историю завоеваний Александра, студенты не смогут понять и проанализировать синтаксические особенности текста. Например, определить и

перевести *Accusatīvus cum Infinītvo* в предложении: «*Scīre debes primas urbes ipsas mihi se tradidisse, paucas portas claudisse; eas autem me vi et armis cepisse*» (Ты должен знать, что многие города сами мне сдались, только немногие ворота заперли; эти я захватил силой и оружием). [6, с. 274]. Или далее в тексте есть фрагмент, где Александр живописует осаду и взятие города Тира в Финикии. Этот отрывок письма легко воспринимается студентами, если предварительно они узнают все трудности многодневной осады и яростного штурма города Тира у Плутарха [4, с. 413].

Во фрагментах из «*Commentarii de bello gallico*», которые рекомендуются авторами учебника для чтения в конце курса латинского языка, входят главы географического и этнографического содержания, касающиеся быта галлов, германцев, бриттов. Они написаны сравнительно доступным языком, знакомят с условиями и обстановкой, в которых приходилось действовать римлянам. Это первые сведения очевидца о народах, ранее известных лишь по слухам.

Роковая борьба за существование вывела их на страницы истории в такую пору жизни, когда основные черты народного духа еще полны самобытности. Именно поэтому, при всей краткости заметок Цезаря, так живы и типичны народные облики! Подвижные, легкомысленные, хвастливые галлы, останавливающие проезжих, чтобы выведывать у них новости, вечно ссорящиеся между собой, бросающиеся, очертя голову, в самые рискованные предприятия и падающие духом при первой неудаче (вспомним отход галльского ополчения при осаде Алезии), в то же время талантливые и предприимчивые, рыцарски благородные в лице своих лучших представителей, до фанатизма преданные религии и Родине; германцы-дикие, воинственные, упрямые, готовые в своей гордости померяться хотя бы с самими богами, будущие разрушители римской империи: бритты, отделенные негостеприимным морем, заключенные как бы на каком-то таинственном острове, откуда вышли друиды – всё это даёт пищу естественному стремлению ознакомиться с прошлым тех стран, которые в настоящее время представляют три крупные державы Западной Европы!

Рассмотрим предложения, касающиеся похода Цезаря в Галлию. Надо заметить, что эти ординарные учебные предложения вызывают затруднения у студентов при анализе и переводе, но стоит дать им краткую характеристику эпохи завоевания Цезарем Галлии, осветить восстание Верцингеторига, обрисовать яркую, колоритную фигуру вождя арвернов, и картина меняется – студенты легко справляются с предложениями, и более того, с интересом занимаются. Заговорив о Цезаре, необходимо коснуться его выдающегося произведения «*Commentarii de bello gallico*». Всякому, вступающему в храм древности, надо научиться оценивать события прошлого, их роль в истории человечества и постараться глубже заглянуть в этот чудесный, неведомый мир. Вместе с тем это знакомство действует облагораживающим образом: оно должно вызывать понимание значительных исторических событий и их деятелей, т.к. сама по себе отвлеченная идея бессильна произвести какое-либо образовательное воздействие, если она не воплощается в характерах и событиях.

При переводе текста «*De perfidia punīta*» [2, с. 256], отличающегося сложной грамматикой, необходимо упомянуть о том, что город, о котором идет речь в тексте, является историческим местом, и его осада – реальное событие. Следует предварительно провести беседу о древней Этрурии, этрусках и их влиянии на римскую культуру. Это вызывает интерес студентов к тексту, и его перевод уже не воспринимается как скучное задание, к которому следует выписывать слова и анализировать. Именно в этом тексте студенты впервые знакомятся с синтаксисом латинских падежей, особенно *ablativus temporis*, который следует вводить по ходу анализа.

Еще одним превосходным образцом текста на латинском языке являются для студентов фрагменты из первой Катилинарии Цицерона, этим блестящим образцом ораторского искусства. Но без тщательного анализа данного отрывка, без знания всей сложной политической ситуации той эпохи невозможно разобраться в тексте, оценить красоту и изящество языка Цицерона, вникнуть в суть его риторики, понять пафос, гнев, возмущение, негодование, всю силу его ораторского мастерства.

Кто не знает знаменитое восклицание Цицерона в 1-й Катилинарии: «O, tempora! O, mores!»? В этих словах заключена целая гамма чувств, обуреваемых Цицероном! [5, с. 293]. Это произведение отличается сложностью грамматических и синтаксических форм, перевод и заучивание его фрагмента совершенно немыслимы без самого подробного анализа каждого предложения, но прежде, чем говорить о языковых трудностях, следует широко осветить политический климат Республиканского Рима I века до н.э., по возможности, коснуться сложной и противоречивой фигуры самого Цицерона, этого «Pater Patriae» римского государства последних лет республики.

При обучении английскому языку часто возникает необходимость объяснить студентам, почему в английском языке так много слов латинского происхождения, почему существуют расхождения в произношении и написании слов, какой отпечаток на язык народов, населявших Британские острова, наложило завоевание их норманнами. Важно пояснить, что в процессе своего развития английский язык заимствовал слова из разных языков. Они неодинаковы по количеству и удельному весу в словарном составе английского языка

В данном вопросе исторические тексты играют важную роль в понимании и объяснении многообразия слов, ведь английский язык, как никакой другой язык мира, полон заимствований. Студенты с интересом узнают, как на протяжении многих веков в английском языке появлялись слова из других языков. Отто Есперсен в своей книге «Развитие и структура английского языка» отмечает, что английский язык – это «цепь заимствований» (a “chain of borrowings”) [7, с. 38], ставшая результатом завоевания Британии многочисленными захватчиками. Иноземцы приносили в страну свой язык, но не могли полностью навязать его британцам. Удивительным в трансформации и эволюции английского языка является то, как восприимчивы жители страны оказались к внешним языкам, особенно к французскому и латыни: «How could a country whose original inhabitants were Celts have ceded that language to the one we currently know as English? It is because of the many times that the British Isles were invaded, obviously by outsiders, who brought their

language, dialects and customs into the country. As the invaders settled in, they transformed both the written and spoken words of the English residents, who were able to adapt through the assimilation of borrowed words. The foreigners brought their languages to England but were unable to completely impose their languages on the British. Instead, the foreigners' languages were intermixed as if being thrown into a blender with the native speakers' words. With that, these groups succeeded, to varying degrees, in influencing the evolution of written and spoken English as we now know it» [9, с. 1].

При знакомстве с текстами, на страноведческую тему, необходимо дать пояснение о происхождении таких географических названий, как Wales, рек Темзы, Северна, Эйвона, городов Лондона, Лидса, а также дней недели, взяв, к примеру, такой текст: «Finally most of the Celts were driven into the mountains in the far west, which the Saxon called “Wellas ” or “Wales”, meaning “the land of the foreigners”. Hardly anything is left of Celtic language or culture in England, except for the names of some rivers, Thames, Mersy, Severn and Avon, and two large cities, London and Leeds. The strength of Anglo-Saxon culture is obvious even today. Days of the week were named after Germanic gods: Tig (Tuesday), Wodin (Wednesday), Thor (Thursday), Frei (Friday). New place-names appeared on the map. [8, с. 11].

При изучении темы «Еда» полезно ознакомить студентов с тем, что расхождение в таких названиях, как pig – pork, sheep – mutton, cow – beef вызвано историческим событием, а именно норманнским завоеванием Англии. Благодаря англосаксонским племенам в английском языке появились многие названия географических объектов, сохранившиеся до наших дней. Также такие слова, как butter, pound, cheese, silk, inch, chalk, mile, mint – имеют общегерманские корни, слово Saturday, дословно «день Сатурна», отца бога Юпитера в древнеримской мифологии. Многие слова были заимствованы во время христианизации страны, начиная с шестого века. Например, school, bishop, mount, pea, priest, candle из латинских schola, episcopus, montis, pisum, presbyter, candela.

В 1066 году на Британские острова вторгаются норманны во главе с Вильгельмом Завоевателем, который становится королем

Британии. С этого времени в истории народа начинается эпоха трех языков. Языком аристократии, судов стал французский, языком науки оставалась латынь, а народ продолжал говорить на англосаксонском. Именно смешение этих трех языков и дало начало образованию современного английского языка. Языковеды трактуют современный английский язык, как смешанный. Это происходит из-за того, что многие слова, при общем смысле не имеют общих корней. Сравним для примера ряд слов на русском языке: голова – глава – главный. В английском тот же ряд представлен словами: head – chapter – chief. Это объясняется именно смешением трех языков. Англосаксонские слова обозначали конкретные предметы, отсюда слово head. С латинского – языка науки и образования осталось слово chapter. От французского осталось слово, бывшее в обиходе знати, chief. Например, различаются слова, обозначающие название животного (слова германского происхождения) и название мяса этого животного (эти слова произошли от старофранцузского). Так, ox – бык, cow – корова, calf – телёнок, sheep – овца, pig – свинья; но beef – говядина, veal – телятина, mutton – баранина, pork – свинина и.д. Всего же в английском языке насчитывается до 80% латинских, т.е. французских корней, вернее старофранцузских.

Следует отметить, что при обучении латинскому языку осуществляется перевод оригинальных текстов, которые вошли в мировой фонд культурного наследия и, будучи адаптированными для обучения, сохранили особенности оригинала. Переводить же тексты, написанные на языке кельтов, староанглийском или времен Чосера или Шекспира трудно и можно только фрагментарно в качестве примеров особенностей английского языка на разных стадиях его развития, но это не входит в тематику данной статьи. Здесь мы остановились на описании текстов, написанных исследователями, учеными, которые изучали и изучают историю английской культуры, английского языка и охарактеризовали особенности их развития.

Таким образом, введение в практику обучения иностранным языкам перевод текстов на историческую тематику представляется уместным как в преподавании английского языка,

так и в виде кратких сообщений относительно той или иной темы в связи с исторической ситуацией текста по латинскому языку. Практика подтверждает, что это повышает интерес аудитории к изучаемому языку, значительно улучшает качество занятий, расширяет кругозор студентов.

Библиографический список

1. *Котик О.В., Письменная Н.Я.* Расширение кругозора и повышение общей культуры студентов на занятиях по иностранному языку // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет; Просвещение-Юг, 2015. Книга 7. С.106-109.

2. *Ливий Тит.* История Рима от основания Города. Издательство «Наука», М., 1989. Том 1. 574 с.

3. *Письменная Н.Я., Котик О.В.* К вопросу о студенческих переводах с латинского языка на русский // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. научных трудов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, Краснодар, 2016. Кн. 8. С. 90 – 93.

4. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Том II. Издательство Академии наук СССР. М., 1963.

5. *Цицерон Марк Тулий.* Речи. Наука, М., 1993. Том 1. 471 с.

6. *Ярхо В. И.* Учебник латинского языка. Высшая школа, М., 2000. 381с.

7. *Jespersen Otto.* Growth and Structure of the English Language. Leipzig, London, New York. 1905. 260 с.

8. *McDowall David.* An Illustrated History of Britain. Longman Group UK Limited. 2004. 188 с.

9. *Fredeen Charles.* Borrowed Words in English. [http://www.danshort.com/ie/borrowed words.htm](http://www.danshort.com/ie/borrowed%20words.htm) (дата обращения 20.03.2017).

ON THE ROLE OF HISTORICAL TEXTS IN ENGLISH AND LATIN IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

N.Y. Pismennaya, O.V. Kotik, V.I. Loza

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the role of historical texts in the foreign languages teaching. The importance of the analysis of the texts in the process of reading and translating from Latin is highlighted. The attention is focused on the texts explaining the diversity of borrowings in English.

Index terms: analysis, translation, borrowings, linguistic difficulties, conquest of Britain, the evolution of English.

Об авторах:

Котик Ольга Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: olgakotik@mail.ru

Письменная Нина Яковлевна – ст. преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lab345@kubsu.ru

Лоза Вера Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vera.loza@mail.ru

**СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АНГЛИЙСКИХ ОБЪЕКТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИ
ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»**

Н.Р. Лопатина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена анализу английских объектных цветообозначений с точки зрения их структуры и морфологических характеристик. Изучаемые цветоименования рассматриваются на базе романа Дж.К. Роулинг и его перевода на русский язык.

Ключевые слова: основные цветообозначения, объектные цветообозначения, структурно-морфологический анализ, классификация цветообозначений.

На современном этапе развития лингвистики значительное внимание уделяется изучению лексических групп. Прилагательные цвета – это носители огромного информационного потенциала, в связи с чем их изучение осуществляется в различных направлениях. В лингвистике цветообозначения разных языков активно используются как материал для разработки и апробации методов анализа и построения семантических полей (Р.М. Фрумкина), для исследования состава ЦО и структуры их значения (А.П. Василевич, А.А. Брагина), при изучении этимологии и истории языка (Н.Б. Бахилина, Л.М. Грановская), в когнитивной лингвистике (Е.Рош, К.Л. Хардин, Ф.Н. Шемякин). Достаточно продуктивно используются цветоименования при анализе выразительных средств языка и идиостиля писателей (Р. Адамсон, К. Л. А. Качаева и др.), для описания символики цвета (Л.В. Самарина, Н.В. Серов, В.У. Тернер), в переводческом аспекте (Н.А. Фененко). Также одним из наиболее популярных

направлений современных исследований, которое даёт возможность выявить специфику национального мировосприятия, является сопоставительный анализ цветообозначений на материале разных языков и языковых групп (Т.А. Андреева, В.Г. Кульпина, И.В. Макеенко, В.О. Москович, Т.Ю. Светличная, А.М. Тимофеева) [3, с. 5].

Далее отметим, что, проводя сопоставительный анализ лексики цветообозначения, большая часть исследователей ограничивается так называемыми «основными цветообозначениями» (basic colour terms). В английском языке набор из 11 основных цветоименований (white, black, grey, red, green, yellow, blue, brown, pink, purple, orange) был выделен в 1969 году американскими лингвистами Б. Берлином и К. Кеем [8]. Однако многие отечественные ученые (А.П. Василевич, Р.М. Фрумкина и др.) [1, 7] обосновывают положение о том, что невозможно представить себе полную картину отражения в языке действительности, игнорируя большую часть его лексического состава и не учитывая, например, такие английские прилагательные цвета, как *silver, emerald, chestnut* и др., или русские слова *серебристый, изумрудный, каштановый*, которые не входят в состав основных цветоименований.

Добавим также, что основные цветообозначения традиционно относятся к ядру системы цветоименований в различных языках, а национальная специфика систем различных языков наиболее полно обнаруживается в организации периферийной части (Корсунская, Фридман, Черемисина) [2]. Исходя из вышесказанного, для нашего анализа нами были выбраны цветообозначения, относящиеся к периферийным, не входящие в состав основных прилагательных цвета. Изучаемые нами цветоименования (далее объектные цветообозначения, сокращенно ОЦО) обязаны своим происхождением устойчивой характерной окраске соответствующих объектов, существующих в окружающем нас мире, например: *sandy, violet, inky* (*песочный, фиолетовый, цвета чернил*) и т.п. Отличительной характеристикой такого рода ОЦО является то, что они, в отличие от основных прилагательных цвета, имеют ярко выраженную этимологию и образность.

Материалом для нашего исследования послужили ОЦО, полученные в результате анализа романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» и его перевода на русский язык.

Начнем с определения групп объектов, давших названия английским объектным цветообозначениям. Отдельными авторами (Василевич, Макеенко, Михеев, Москович, Фрумкина) [1, 4, 5, 6, 7] предлагаются классификации цветообозначений, основанные на различных параметрах. Основываясь на нашем материале, мы предлагаем следующую классификацию, которая представляет собой деление объектных прилагательных цвета на группы, объединенные на основе того, от какого рода объекта произошло то или иное цветоименование. Здесь мы представим лексическое наполнение данных групп согласно дефинициям в лексикографических источниках [9] и приведем полный список предметов, давших названия ОЦО и передающих различные оттенки цвета в рассмотренном нами англоязычном произведении:

1) флора: *sallow* – ива, *chestnut* – каштан, *forget-me-not* – незабудка, *violet* – фиалка, *bluebell* – колокольчик;

2) фауна: *canary* – канарейка, *blood* – кровь;

3) природные явления: *dust* – пыль, *snow* – снег, *flame* – пламя;

4) драгоценные камни, металлы, минералы, горные породы и т.п.: *emerald* – изумруд, *gold* – золото, *silver* – серебро, *amber* – янтарь, *pearl* – жемчуг, *jet* – жагат, черный янтарь, *chalk* – мел, *ash* – пепел, *pitch* – смола, *iron* – железо, *sand* – песок, *granite* – гранит, *maroon* – каменноугольная смола, получаемая при производстве фуксина;

5) продукты человеческой деятельности: *ink* – чернила, *tawny* – дубильная кора.

Таким образом, мы наблюдаем, что наиболее многочисленной на базе изученного материала является группа цветовых прилагательных Драгоценные камни, металлы, минералы, горные породы и т.п. (13 единиц), а наименее – группы Фауна и Продукты человеческой деятельности (по 2 единицы).

Приведенный выше перечень содержит 33 названия объектов, давших названия ОЦО в исследуемых художественных текстах. Сразу отметим, что частотность ОЦО во многих случаях зависит от сюжетной линии произведения, к примеру, какой-либо предмет с характерной окраской является ключевым для данного художественного текста, и в связи с этим постоянно употребляется автором, следовательно, его частотность будет очень велика. Наиболее рекуррентными цветонаименованиями на базе нашего материала являются: *silver(y)* – серебристый, серебряный (24 употребления) и *gold(en)* – золотой, золотистый (23 употребления), а также *emerald* – (6 употреблений).

Случаи употребления английских объектных цветонаименований разделяются нами на несколько групп, которые можно представить в виде следующей классификации ОЦО:

- 1) простые ОЦО;
- 2) производные ОЦО;
- 3) двусоставные слова, которые делятся на три типа:
 - название объекта + основное цветообозначение,
 - название объекта + *-coloured*;
- 4) модификатор + название объекта.

Теперь представим классификацию цветонаименований более детально, проиллюстрировав ее примерами из анализируемых источников.

1. Простые ОЦО

Группу простых ОЦО составляют цветонаименования, состоящие из одной основы, образованные по конверсии от существительных, называющих различные объекты: *emerald, amber, gold, sallow, maroon*.

Приведем примеры из текстов:

- *She, too, was wearing a cloak, an **emerald** one* [11, с. 7]. – Женщина тоже была в мантии, только в изумрудной [10, с. 15].
- ... *and a bottle of some **amber** liquid that he took a swig from before starting to make tea* [11, с. 36]. – ... и бутылка с какой-то янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе [10, с. 62].

– *Cups, shields, plates, and statues winked **silver and gold** in the darkness* [11, с. 125]. – Кубки, щиты с гербами, таблички и статуэтки отливали в темноте серебром и золотом [10, с. 201].

– *Professor Quirrell, in his absurd turban, was talking to a teacher with greasy black hair, a hooked nose, and **sallow** skin* [11, с. 100]. – ... профессор Квиррелл, так и не снявший свой дурацкий тюрбан, разговаривал с незнакомым Гарри преподавателем с сальными черными волосами, крючковатым носом и желтоватой, болезненного цвета кожей [10, с. 158].

– *"Every year she makes us a sweater," said Ron, unwrapping his own, "and mine's always **maroon**."* [11, с. 160] – Она каждый год к Рождеству вяжет нам всем свитеры, – недовольно бормотал Рон, разворачивая подарок от матери. – И мне вечно достается темно-бордовый [10, с. 259].

2. Производные ОЦО

Производные ОЦО образуются с помощью морфологических элементов, добавляемых к основе, таких, например, как суффиксы -у и -en: *silvery, sandy, golden* и т.д.:

– *Harry picked the shining, **silvery** cloth off the floor* [11, с. 160]. – Гарри подобрал с пола сияющую серебристую ткань [10, с. 259].

– *At either end of the field were three **golden** poles with hoops on the end* [11, с. 133]. – На противоположных концах поля стояло по три золотых шеста с прикрепленными сверху кольцами [10; с.213].

– ... *Harry got into line behind a boy with **sandy** hair, with Ron behind him...* [11, с. 92] – Он встал за мальчиком со светлыми волосами, за ним встал Рон... [10, с. 145]

– *A breeze ruffled the neat hedges of Privet Drive, which lay silent and tidy under the **inky** sky, the very last place you would expect astonishing things to happen* [11, с. 13]. – Ветер, налетевший на Тисовую улицу, шевелил аккуратно подстриженные кусты, ухоженная улица тихо спала под чернильным небом, и казалось, что если где-то и могут происходить загадочные вещи, то уж никак не здесь [10, с. 24].

3. Двусоставные слова, которые делятся на три типа:

– название объекта + основное цветообозначение,

Первый тип двусоставных цветообозначений представляет собой сочетание существительного, обозначающего определенным образом окрашенный объект («эталон цвета») с одним из прилагательных ядра: *blood-red*, *emerald-green*, *canary-yellow* и т.п.:

– ... *why, that man had to be older than he was, and wearing an **emerald-green** cloak!* [11, с. 2] - подумать только, один из мужчин выглядел даже старше него, а позволил себе облачиться в изумрудно-зеленую мантию! [10, с. 6]

– *It put its hand into its pocket and pulled out a **blood-red** stone* [11; с. 235]. - Оно засунуло руку в свой карман и вытащило оттуда кроваво-красный камень [10, с. 376].

– *Hagrid took up two seats and sat knitting what looked like a **canary-yellow** circus tent* [11, с. 50]. – Хагрид занял сразу два сиденья и начал вязать нечто похожее на шатер канареечного цвета, вроде тех, где устраивают представления циркачи [10, с. 82].

– *Under a tuft of **jet-black** hair over his forehead they could see a curiously shaped cut, like a bolt of lightning* [11, с. 11]. На лбу, чуть пониже хохолка иссиня-черных волос, был виден странный порез, похожий на молнию [10, с. 22].

– *It was **chalk white** with glaring red eyes and slits for nostrils, like a snake* [11, с. 236]. – Оно было мертвенно-белым, вместо ноздрей – узкие щели, как у змеи [10, с. 377].

– название объекта + -coloured

Второй тип представлен такими образованиями, где первым компонентом лексем является существительное, обозначающее объект, а вторым – лексема -coloured, дающая ссылку на то, что данное слово описывает именно цвет, а не материал:

– *Filch owned a cat called Mrs. Norris, a scrawny, **dust-colored** creature with bulging, lamp like eyes just like Filch's* [11, с. 106]. – У Филча была кошка по имени миссис Норрис – тощее пыльно-серое создание с выпученными горящими глазами, почти такими же, как у Филча [10, с. 167].

4. Модификатор + название объекта

Несмотря на то, что ОЦО сами по себе выражают различные оттенки основных цветов, они, в свою очередь, могут употребляться со словами, уточняющими степень интенсивности их оттенков:

– *It was **bright gold** and had little fluttering silver wings* [11, с. 135]. – Он был ярко-золотого цвета, по бокам у него были трепещущие серебряные крылышки [10, с. 217].

Итак, мы можем отметить, что наиболее рекуррентными среди всех типов ОЦО в изученном материале являются простые цветонаименования, далее следуют двусоставные прилагательные цвета типа название объекта + основное цветообозначение, а наименее редко встречаются двусоставные слова типа название объекта + -coloured и модификатор + название объекта.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что объектные цветообозначения представляют собой богатый материал для сравнения лексических цветонаименований английского и русского языков, так как они являются проявлением особенностей национального характера языка и отражают культурное своеобразие каждого народа.

Библиографический список

1. *Василевич А.П.* К проблеме отбора материала для лексико-семантического описания группы слов / А. П. Василевич // Психолингвистические проблемы семантики / [Отв. ред. А. М. Шахнарович]. М.: Наука. 1983. С. 97–112.

2. *Корсунская Т.Г., Фридман Х.Х., Черемисина М.И.* О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках // Ученые записки горьковского государственного педагогического института иностранных языков им. Н.А.Добролюбова. Вып.25, Горький, 1963.

3. *Кудря О.А.* Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков). Дис. ... канд. филол. наук: М., 2015. 215 с.

4. *Макеенко И.В.* Семантика цвета в разноструктурных языках. Универсальное и национальное. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с.

5. *Михеев А.В.* Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 1983. 20 с.

6. *Москович В.А.* Система цветообозначения в современном английском языке / В. А. Москович // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 83–86.

7. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

8. *Berlin B.A.* Basic Color Terms : their Universality and Evolution / B. A. Berlin, P. Kay. – Berkeley ; Los Angeles : Un-ty of California Press, 1969. 178 p.

Источники

Новый англо-русский словарь под ред. В.К.Мюллера. – М: Рус.яз., 1997. 880 с.

Роллинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень. – М.: Росмэн, 2013. 399 с.

Rowling J.K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. – London: Bloomsbury Childrens Books, 2015. 256 p.

STRUCTURAL-MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF ENGLISH OBJECT COLOUR TERMS BASED ON THE MATERIAL OF A NOVEL "HARRY POTTER AND THE SORCERER'S STONE" BY J.K. ROWLING

N.R. Lopatina

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the analysis of English object colour terms from the point of view of their structural and morphological characteristics. The colour terms under study are investigated on the

material of a novel by JK Rowling and its translation into the Russian language.

Index terms: basic color terms, object color terms, structural and morphological analysis, colour terms classification.

Об авторе:

Лопатина Наталья Романовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: la_mar@mail.ru

УДК 81'25

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ»

И.М. Любина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена исследованию концепта «Возраст» и его аксиологического компонента. В основе лингвистического изучения этого концепта лежат психологические и социокультурные знания. Современные исследования свидетельствуют о возможности определения возраста говорящего по использованию им стереотипных, клишированных фраз и речевых штампов.

Ключевые слова: концепт, концепт «Возраст», аксиология, речевые клише, картина мира.

Современная наука представляет проблему отражения объективного мира человеком и его взаимодействия с ним в виде соотношения двух миров: концептуальной картины мира и языковой картины мира. Картина мира определяется как «система интуитивных представлений о реальности» [12, с. 127], «целостный глобальный образ мира», «совокупность

мировоззренческих знаний о мире», «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [19, с. 201]. Концепты есть одна из ряда форм отражения мира.

Концепты складываются в систему, концептуальная система или структура есть «тот ментальный уровень или та ментальная психическая организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [8, с. 94].

В современной лингвистике концепт является одной из основных единиц исследования относительно новой области лингвистического знания – лингвокультурологии. В.И. Карасик культурный концепт трактует как ментальное образование, имеющее множество измерений, из которых важнейшим является ценностное [5, с. 10]. Ценности есть установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений. Они закреплены в общественном сознании и культуре, выступая ориентиром деятельности человека [16, с. 765]. «Культурные ценности выполняют самые различные функции в механизмах жизни человека: координирующую (между человеком и миром природы), стимулирующую, регулирующую и др. Ценности – абсолютные (вечные), общественные, личностные, биологического выживания. Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа» [9, с. 249].

Менталитет каждой нации или индивидуума является выражением системы ценностей. Нравственные ценности апеллируют к свободному выбору человека. Они подкреплены внутриличностными, более глубокими формами контроля (например, совесть или стыд) [3, с. 155].

Культуру как социальный феномен чаще всего определяют именно через ценностные ориентации [2, с. 119]. Как отмечает П.С. Гуревич, ценности являются смысловым ядром культуры, упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность. Ценности фиксируются и обозначаются через определенные жизненные представления [2,

с. 116, 119]. Ценностный компонент и ценностный подход в изучении культуры в качестве одного из важнейших называет В.А. Маслова. В ценностном подходе «культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми. Чтобы объект обладал ценностью, нужно, чтобы человек осознавал наличие в нем таких свойств. Способность устанавливать ценность объектов связана с образованием в уме человека ценностных представлений, но важно также и воображение, с помощью которого создаются совершенные образцы, или идеалы, с которыми сравниваются реально существующие объекты» [10, с. 14].

Однако, несмотря на бесспорность и важность ценностного компонента в культуре и языке, до сих пор проблематичной считается наличие лингвистических показателей ценности в лексической единице, в концепте. Оспаривая мнение ученых, отрицающих такие показатели, Е.В. Бабаева доказывает обратное. Она пишет: «На наш взгляд, лингвистическое проявление имеют не только понятийный и образный компоненты концепта, но и ценностный» [1, с.27]. Е.В. Бабаева предлагает считать языковыми маркерами ценностей следующие факты: 1) наличие языкового знака – идентификатора того или иного концепта (это лексическая единица с абстрактным или конкретным значением, сочетание слов, в том числе фразеологическое); 2) разветвленную систему субкатегориальных признаков и средств их номинации; 3) регулярную сочетаемость субкатегориальных признаков с оценочными семами в значении лексических и фразеологических единиц; 4) эксплицитные выражения предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры, отраженные в пословично-поговорочном фонде языка; 5) множество норм, регулирующих отношения между членами социума в ситуациях, прямо или косвенно связанных с определенной категорией, т.к. социальные нормы, понимаемые в качестве общественно одобряемых правил поведения, формируются на базе ценностных ориентиров и выступают идентифицирующим фактором для его представителей; 6) обыгрывание ценностного смысла в смеховых жанрах (анекдотах); 7) постоянную актуализацию в различных типах

дискурса (рекламном, политическом, религиозном, масс-медиа) через использование ключевых и тематических слов, метафор, импликаций, аллюзий, аргументативных стратегий с возможностью использования для манипулятивного воздействия при коммуникации; 8) взаимосвязь с другими культурно маркированными концептами, в частности наличие в корпусе пословиц и афоризмов большого количества единиц, указывающих на сопоставление той или иной идеи с ценностными доминантами культуры, указывает на ее значимость [1, с. 27-32]. «Предлагаемый список языковых маркеров культурных ценностей нельзя считать исчерпывающим, – отмечает Е.В. Бабаева. – Однако уже имеющийся обзор позволяет определить в качестве материала анализа 1) лексические и фразеологические единицы, объединенные на основе общей связи с одним понятийным признаком, а также 2) тексты, отражающие их функционирование в различных типах дискурса. Дальнейшее изучение лингвистических средств выражения ценностей мы считаем чрезвычайно важным и перспективным, так как данная сторона концепта в наибольшей степени культурно специфична» [1, с. 33].

Существуют различные классификации ценностей: в зависимости от основания, исходя из отнесенности к определенной области человеческой деятельности или общественного сознания, могут быть выделены ценности экономические, социальные, нравственные, метафизические, религиозные, игровые, эстетические и т.д. [13, с. 6]. В.И. Карасик противопоставляет ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие; выделяет также ценности типа цивилизации (например, ценности современного индивидуального общества, ценности средневекового христианства) между этническими и общечеловеческими [5, с. 3].

В соответствии с этими классификациями полагаем, что возраст относится к ценностям социальным, экономическим и эстетическим. Кроме того, в личностном понимании и в контексте художественного произведения возраст может

идентифицироваться как ценность индивидуальная, а также микро- и макрогрупповая.

Оценка объективна и субъективна, так как, во-первых, она связана с объектом, служит отражением его определенных особенностей, а во-вторых, оценка выражает потребности и эмоции индивида, группы, общества в целом.

Важно иметь в виду, что оценка может проявляться не только явно, эксплицировано, но и скрыто, имплицитно, а ее интерпретация может стать причиной коммуникативных неудач, предметом споров и даже судебных тяжб. В определенном контексте практически любые «слова и устойчивые словосочетания не только называют, но и выражают оценку, которая может быть отнесена говорящим к называемому предмету, ситуации и даже к самому себе» [11, с. 14].

Определяя критерии (основания, мотивы) применения оценок к тем или другим классам объектов, исследователь осуществляет концептуальный анализ. Последний неотделим от таксономии оценок. Эта мысль была высказана финским логиком фон Вригтом [19]. По его мнению, там, где речь идет о нефиксированных критериях употребления слов, задача исследователя заключается в моделировании концепта и установлении его связей с другими концептами [19, с. 5]. Обращаясь к словам, составляющим специфику аксиологических текстов, исследователь стремится не столько описать смысл каждого отдельного слова, сколько определить специфику целого концептуального поля и логические отношения между входящими в него элементами. Фон Вригт распределяет аксиологические концепты между тремя основными категориями: 1) собственно оценка (value-concerpus): хорошее и плохое, добро и зло; 2) нормативные концепты (обязанность, дозволенность, разрешенность, право); 3) концепты, относящиеся к человеческим действиям, поступкам: практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость, потребность [19, с. 6-7].

Одна из форм влияния общества на язык – социальная дифференциация языка, которая обусловлена социальной неоднородностью общества; такова дифференциация многих

современных развитых национальных языков на территориальные и социальные диалекты, выделение литературного языка как социально и функционально наиболее значимого языкового образования, существование в некоторых обществах «мужского» и «женского» вариантов языка и т.п. Другая форма связи языка с обществом – обусловленность использования языковых средств социальными характеристиками носителей языка (возрастом, уровнем образования, профессией и др.), социальными ролями участников коммуникации, ситуацией общения. Поскольку сферы использования языка многообразны и специфичны (ср. науку, производство, средства массовой информации, нужды делового общения и т.п.), в языке вырабатываются своеобразные функциональные стили – свидетельство зависимости языка от потребностей общества. «Ценности разных социальных слоев выражают особенности социальных функций, выполняемых той или иной социальной группой, в них представлены желательные для ее представителей варианты общественного устройства» [6, с. 69].

Возраст относится к числу сложных «составных», т.е. неоднородных понятий. Этим словом можно называть и точное количество лет и дней, прожитых живым существом, и более расплывчатые понятия «детство», «молодость», «зрелость», «старость», которые не имеют чётких границ и резкого качественного перехода друг в друга, понимаются очень субъективно, оцениваются ситуативно (ср.: *Ему уже тридцать лет* – *Ему только тридцать лет*) и по-разному «изнутри» и «снаружи», разнятся в этнокультурном представлении разных рас и народов.

Всё это обуславливает определенные трудности при лингвистическом изучении концепта «возраст» и его составляющих. В основе лингвистического изучения концепта «возраст» лежат психологические и социокультурные знания, поскольку, как отмечает В. Фойт, «классификация возрастных групп вытекает из определенных изменений социальных и биологических функций, изменений, которые заставляют подразделять людей на младенцев, детей, подростков, взрослых, и, наконец, стариков. Однако даже в культурах, представляющих

в общем одну и ту же цивилизацию, конкретные системы возрастных групп могут довольно сильно различаться» [17, с. 183].

Возраст и речь связаны тесным образом. Современные лингвистические исследования свидетельствуют о возможности определения возраста говорящего по использованию им стереотипных, клишированных фраз и речевых штампов. Базируясь на методе социолингвистического анализа речи, предложенном Т.А. Ивушкиной, И.А. Тисленкова характеризует возрастные характеристики речи персонажа художественного произведения как специфическую систему отношений лексико-синтаксических элементов, особое их сочетание, отражающее возрастные особенности говорящего [14, с. 9].

По отношению к лингвистическим исследованиям возрастных параметров человека Н.В. Крючкова считает необходимым соединение гносеологического, прагматического, когнитивного и аксиологического параметров [7, с. 447].

В ряде исследований психологов, касающихся возраста, подчеркивается, что важное значение для разграничения возрастных периодов жизненного развития человека имеют социоэкономический статус, специфика профессиональной деятельности и уровень образования.

На основе ведущей социальной деятельности человека выделяются следующие возрастные группы:

1) молодое поколение (20 – 35 лет), ведущий тип которого может быть обозначен как овладение профессией и приобретение определенного социального положения (это время обучения в вузе, приобретения специальности, устройство на работу),

2) среднее поколение (35 – 50 лет) – выполнение общественных обязанностей, воспитание собственных детей,

3) старшее поколение (после 50 лет) – удаление от дел, ретроспективный анализ собственной жизни [14, с. 6].

Понятие и аксиология возрастных периодов и общеуниверсальны, и, кроме того, национально-специфичны. «Национально-культурную специфику может иметь не только представление о возрастной структуре общества, отразившееся в языке и в нормах употребления возрастных номинаций, но

также представление об особенностях тех или иных возрастных групп и связанная с этим положительная или отрицательная оценка, например, молодости или старости. В социологии, этнографии этот феномен хорошо известен и активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, неоднократно отмечалось традиционно различное отношение к молодости и старости в западной (европейской, американской) и восточной (японской, например) культурах <...> Нарушение принципов этикетного поведения осуждается. В рассказах и притчах нарушение этикета зачастую ведет к возмездию, исходящему от богов или героев» [7, с. 446].

В литературных произведениях многих народов возрастные периоды подвергаются оценке с разных позиций. Например, в следующем афоризме имплицитно подчеркивание социальности старшего возраста:

«У каждого есть свой образ Святой Елены, и этот остров – старость» [4, с. 348].

Как известно, на остров Святой Елены был сослан опальный император Наполеон, где он и провел последние дни своей жизни, томясь от вынужденного безделья. Этот остров стал нарицательным понятием, символизирующим завершение социальной карьеры человека, насильственное отстранение его от дел, даже самых великих.

В другом афоризме на первый план выходит уже не социальный, а аксиологический, эмоционально-оценочный параметр возраста:

«Каждая девочка знает всё о любви; с годами возрастает лишь способность страдать от нее» [4, с. 414].

Таким образом, ценностная акцентуация зависит от интенций автора речи, от особенностей его психики.

Совершенно очевидно, что семантическое и этнокультурное наполнение концепта «возраст» и его составляющих не может считаться константным даже для отдельно взятого языка, этноса. Изменения могут происходить не только на протяжении длительного времени, но и практически молниеносно (в историческом масштабе).

Н.И. Формановская и Г.Г. Соколова задались целью установить, как влияют на речь социальные признаки, социальные роли говорящих. Их наблюдения таковы: «Признак возраста делит общество, в целом, на детей, молодежь, среднее и старшее поколение (конечно, с переходными зонами). Детскую речь прекрасно описал К. Чуковский в известной книге «От двух до пяти», речь детей изучают психологи и психолингвисты. Однако и без специального исследования каждый понимает, что речь ребенка он без труда отличит от речи взрослого. А как в других возрастных группах? Кто это говорит: *Салют, Ленка! – Приветик!* Можно не сомневаться, что это молодежь. Речь молодых в своей среде, друг с другом раскованна, непринужденна, они даже незнакомым (но равным по возрасту и положению) могут обращаться *ты-формы*, им свойственно желание отделиться от остальных, выделиться с помощью жаргонных слов и оборотов, нередко неизвестных взрослым: всех этих *старик* и *старуха*, *чувак* и *чувиха*, *кадр* и многих других.

Вот такое новообразование можно услышать только от очень молодых людей: *«Елена сидела за рабочим столом. Она передала Игорю письмо - и снова за свой компьютер. Игорь сказал:*

– Гуд байте вам.

Елена серьезно ответила:

– До будущего» (М. Коршунов. Подростки).

Речевые свойства среднего поколения наиболее подвижны – люди этого возраста занимают ключевые позиции и на производстве и в семье, они – связующее звено между молодежью и стариками, они должны хорошо понимать и тех, и других, ладить с теми и другими. Поэтому их речь наиболее богата и наименее связана с возрастными границами.

Старшее поколение не склонно к новациям, оно консервативно, речь времен собственной молодости видится в розовом свете и предстает как идеал, а последующие поколения, с точки зрения стариков, только засоряют и портят язык. Но эти мнения кочуют из поколения в поколение со времен Древней Греции по странам и временам, а национальные языки живут и развиваются, несмотря на любую «порчу» [18, с. 29-30].

Таким образом, по речи можно составить возрастной, социальный портрет человека и сделать выводы о его ценностных приоритетах – о его отношении к себе, собеседнику, обществу, миру и т.п.

Библиографический список

1. *Бабаева Е.В.* Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 2. С. 25-34.
2. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 1994.
3. *Дмитриева О.А.* Типы моральных оценок в текстах пословиц и афоризмов // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 154-161.
4. *Душенко К.В., Манчха Г.П.* Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. Энциклопедия женской мудрости и женского остроумия. М., 2001. 640 с.
5. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
7. *Крючкова Н.В.* Национальная специфика возрастных концептов // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С.444-449.
8. *Кубрякова Е.С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: ТГУ, 2002. Вып.2. С. 5-15.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие. М., 2001.
11. *Попова Е.А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.

12. Руднев В.В. Словарь культуры XX века. М., 1997.
13. Слышкин Г.Г. Ценность как основа межъязыкового сопоставления культур (на материале ценностного концепта «честь»). Дис. ... магистра филологии. Волгоград, 1997.
14. Тисленкова И.А. Возрастные характеристики речи персонажей современной английской драматургии (80-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 19 с.
15. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М., 2001.
16. Фойт В. Семиотика и фольклор // Семиотика и художественное творчество. М., 1977.
17. Формановская Н.И., Соколова Г.Г. Речевой этикет. Русско-французские соответствия (справочник). М., 1989.
18. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 8. Филология. 1996. № 6.
19. Wright C.H. The varieties of goodness. N.Y.; L., 1963.

LINGUISTIC SPECIFICATION OF STUDY OF CONCEPT “AGE”

I.M. Lyubina

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the research of concept “Age” and its axiological component. Psychological and social-cultural knowledge are the foundation of linguistic research. Modern science testifies the possibility of speaker’s age identification according to his/her using of certain speech clichés, stereotypical phrases.

Index terms: concept, concept Age, axiology, speech clichés, world picture

Об авторе:

Любина Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной

сфере Кубанского государственного университета; e-mail: docent.lubina@mail.ru

УДК 378. 14: 81' 1

ДИСКУРСИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Н.В. Макеедова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию основных характеристик дискурсивной компетенции. Дискурсивная компетенция – неотъемлемая составляющая иноязычной коммуникативной компетенции, формирование и совершенствование которой является главной целью изучения иностранного языка согласно ФГОС. Рассматриваются обучающие технологии, которые способствуют формированию дискурсивной компетенции.

Ключевые слова: дискурсивная компетенция, коммуникативная компетенция, Федеральный государственный образовательный стандарт.

Новые Федеральные государственные образовательные стандарты ориентируются на деятельностный характер образования, т.е. на овладение способами учебной, познавательной, коммуникативной, практической и творческой деятельности. Модель образовательного процесса выдвигает на первый план ценностно-смысловое и личностно-ориентированное содержание, что определяет и современную концепцию языкового образования, предполагающую компетентностный подход. В рамках компетентностного подхода компетенции рассматриваются как сквозные, вне- над- и метапредметные образования, интегрирующие как традиционные знания, так и разного рода обобщенные интеллектуальные,

коммуникативные, креативные, методологические, мировоззренческие и иные умения. Формирование ключевых компетенций определяет готовность обучающихся использовать усвоенные знания, навыки и умения, а также способы деятельности для решения практических и теоретических задач.

В современной научной литературе под компетенцией понимают «обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности, способности человека реализовать на практике свою компетентность» [3, с. 69].

Развитие социально-значимых компетенций и реализация коммуникативной направленности обучения обуславливает трансформацию целей обучения иностранному языку и содержания этого обучения. На первый план выходит не абстрактное знание языка, а умение использовать иностранный язык в диалоге иноязычных культур, то есть приоритетным является развитие иноязычной «коммуникативной компетенции».

В лингвистике термину «коммуникативная компетенция» предшествовал термин «языковая компетенция», который был введен Н. Хомским. Под языковой компетенцией Н. Хомский понимал «систему интеллектуальных способностей, систему знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами определяет... виды поведения» [5, с. 15]. Знание системы языка Н. Хомский противопоставлял владению языком в реальных ситуациях общения. Он постулировал, что система знаний описывается грамматикой, включающей в себя набор правил, регулирующих порождение всех возможных в данном языке структур предложений путем преобразования исходной конструкции, а также описание грамматических отношений в самих предложениях и между ними.

Со временем в зарубежной и отечественной методике, в противовес языковой компетенции Хомского, появился методический термин «коммуникативная компетенция» (communicative competence). Среди ученых нет единого мнения относительно компонентного состава коммуникативной компетенции. Тем не менее, можно констатировать, что под

коммуникативной компетенцией сегодня понимают способность осуществлять общение посредством языка, то есть передавать мысли и обмениваться ими в различных ситуациях в процессе взаимодействия с другими участниками общения, правильно используя систему языковых и речевых норм и выбирая коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения.

Коммуникативная компетенция отражает картину иноязычного общения личности в коллективе, в данном национально-языковом сообществе, а ее методически интерпретированное конкретное содержание выступает в качестве коммуникативной программы обучения, включающей три аспекта: 1) материальный аспект, или средства языка и речи; 2) процессуальный аспект, или речевые действия в конкретных сферах и ситуациях общения; 3) идеальный аспект (предметы речи, темы, проблемы). Данные аспекты имеют двустороннюю связь со знаниями, навыками и умениями во всех видах речевой деятельности [2, с. 17].

Д. Хаймс выделял в структуре коммуникативной компетенции грамматическую, социолингвистическую, стратегическую, дискурсивную компетенции, поэтому открытие термина «дискурсивная компетенция» принадлежит именно ему [6].

В современной лингводидактической литературе можно встретить различные классификации составных частей коммуникативной компетенции. Но суть базовых частей, предложенных Д. Хаймсом, пожалуй, не изменилась. Так, С. Савиньон предлагает модель коммуникативной компетенции в виде «перевернутой пирамиды», которая показывает, как через практику и опыт во все более увеличивающемся круге коммуникативных контекстов и событий изучающий язык постепенно расширяет свою коммуникативную компетенцию, которая включает в себя грамматическую, дискурсивную, стратегическую и социокультурную компетенции [7, с. 8].

В научной литературе дискурсивная компетенция трактуется как универсальное понятие, поскольку дискурсивные навыки применимы во всех областях жизнедеятельности

человека. Дискурсивная компетенция рассматривается как «способность порождать и воспринимать различные типы дискурса с учетом параметров соответствующей коммуникативной ситуации» [4, с. 1–2]; овладение типами дискурсов, позволяющих продуцировать и интерпретировать социальное, академическое, предметное содержание профессиональной деятельности.

В основе дискурсивной компетенции лежит понятие «дискурс». Дискурс (от лат. *discursus* «беседа, разговор») – в широком смысле это речь, процесс языковой деятельности. Если раньше понятие «дискурс» использовалось как синоним понятию «текст», то с позиций современных подходов дискурс понимается уже как более сложное коммуникативное явление, которое включает в себя не только текст, но и социальный контекст.

Дискурсивный подход в лингвистике, становление которого относится к концу 80-х годов прошлого столетия, способствовал пересмотру роли языка и переходу в анализе языковых явлений от уровня предложения к уровню текста. Но текст сам по себе является средством достижения коммуникативных целей, и текстовая компетенция – это лишь способность воспринимать и понимать текст. Дискурс же – образец реализации намерения говорящего/ пишущего в контексте определенной коммуникативной ситуации. Кроме собственно текста дискурс включает экстралингвистические факторы (прагматические, социальные, психические и др.), необходимые как для создания, так и для понимания текста.

Дискурс обращен к партнеру по общению и реализуется уместными в данной ситуации языковыми и неязыковыми средствами. Поэтому основной единицей обучения иностранному языку должен стать не просто текст, а дискурс, то есть текст в ситуации общения.

Иноязычный профессиональный дискурс характеризуется знанием ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых можно выделить особый предметный и когнитивный мир коммуникантов, многообразие типов спецтекстов и тем профессионального общения. Особое значение приобретает формирование профессиональной терминосистемы,

под которой понимается знаковая совокупность лексических единиц определенной предметной области.

На сегодняшний день базовым понятием в дидактике обучения иностранным языкам является понятие языковой личности, которое включает в себя многокомпонентный структурно упорядоченный набор языковых способностей, умение производить и воспринимать речевые сообщения. В данном контексте дискурсивная компетенция является одним из критериев диагностики уровня развития языковой личности, т.к. включает в себя такие качества, как использование средств общения, владение приемами организации текстовой информации, определенную степень овладения жанрово-структурными элементами языка.

Т.М. Балыхина включает в процесс формирования дискурсивной компетенции освоение четырех типов опыта: опыт познавательной деятельности, фиксированный в форме ее результатов – знаний; опыт осуществления известных способов деятельности – в форме умения действовать по образцу; опыт творческой деятельности – в форме умения принимать эффективные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений – в форме личностных ориентаций [1, с. 18].

Дискурсивная компетенция подразумевает не только сугубо лингвистические умения и навыки (способность построения целостных, связных и логичных высказываний разных функциональных стилей в устной и письменной речи, выбор лингвистических средств в зависимости от типа высказывания), но и способность анализировать ситуацию речевого общения (умение выбрать нужную форму и способ выражения в зависимости от условий речевого акта, т.е. в зависимости от ситуации, коммуникативной интенции, умение переключать регистры речи с учетом типа партнера общения и т.д.).

Для развития дискурсивной компетенции наиболее актуальными являются такие личностно ориентированные технологии обучения, которые будут направлены на структурирование лингвистического образования и родного, и изучаемого языков, способствуя тем самым формированию

сильной языковой личности. При этом необходимо учитывать интегративный принцип обучения, в частности, типы языковой интеграции (профильную, билингвальную, интеллектуальную).

К таким обучающим технологиям могут быть отнесены технологии, развивающие обучение (беседы, круглые столы, дискуссии, диспуты, интервью, переговоры, презентации и др.); интегративные технологии, которые призваны выстраивать процесс обучения как диалог студента и преподавателя, диалог с книгой, с текстом; интерактивные технологии, обеспечивающие самовыражение учащихся (персонализация, «case-study», ролевые игры, смысловое погружение, мозговой штурм, метод проектов и др.).

Особо важную значимость дискурсивная компетенция приобретает в современном процессе обучения иностранным языкам, поскольку она отражает характер познавательной, информационно-коммуникативной и рефлексивной деятельности и влияет на успешность коммуникативного акта. Дискурсивная основа – как неотъемлемый элемент процесса обучения иностранному языку – позволяет рассматривать языковые единицы в условиях естественного проявления своего значения, структуры и функций, что способствует наиболее полному осознанию речевого поведения носителей изучаемого языка.

Библиографический список

1. *Балыхина Т.М.* Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку. М.: МГУП, 2000. 400 с.

2. *Бим И.Л.* Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. 48 с.

3. *Коняхина И.В.* Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании (теоретический аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №11 (126). С. 68–71.

4. *Тюрина С.Ю.* О Формировании навыков дискурсивной компетенции при подготовке переводчика в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Ивановского

государственного энергетического университета имени В.И. Ленина». 2007. №1. С. 1–3.

5. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge: The M.I.T Press, 1965. 250 p.

6. *Hymes D.* On Communicative Competence // Sociolinguistics. Baltimore, USA: Penguin Education, Penguin Books Ltd, 1972. P. 269 – 293.

7. *Savignon S.J.* Interpreting communicative language teaching. Context and concerns in teacher education. New Haven & London: Yale University Press, 2008. 256 p.

DISCOURSE COMPETENCE AS A CONSTITUENT OF FOREIGN COMMUNICATIVE COMPETENCE

N.V. Makoedova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of the main features of the discourse competence. Discourse competence is an inherent constituent of foreign communicative competence. The development and enhancement of this competence is a main goal of studying foreign languages, according to Federal state educational standards. The author goes into teaching technologies which provide the development of discourse competence.

Index terms: discourse competence, foreign communicative competence, Federal state educational standard.

Об авторе:

Макоедова Надежда Всеволодовна – старший преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: kenja16@yandex.ru

АЛГОРИТМ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКАМИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КУБГУ)

С.Н. Пилипенко

Кубанский государственный университет, Краснодар

Эта статья рассматривает практические методы работы с терминологией, такие как поиск подходящих терминов, их выборка, создание и использование двуязычных глоссариев и баз данных. В статье представлены примеры глоссариев биологических терминов на английском и русском языках.

Ключевые слова: концепт, термин, терминология, глоссарий, база данных, источник информации

Обучение студентов неязыковых факультетов навыкам самостоятельной работы с источниками научной информации на английском языке является важным составным элементом в процессе изучения иностранного языка в ВУЗе. Без всестороннего знания терминологии в своей сфере деятельности специалист не может считаться квалифицированным.

В данном случае целью этого вида работы является подготовка высококвалифицированных специалистов в области биологии, владеющих терминологией, используемой в экспертном сообществе, имеющих необходимые навыки для самостоятельной работы с научной информацией на английском языке, а именно: умение находить интересующую информацию по конкретной теме, систематизировать её и сохранять полученные данные в соответствующем формате для дальнейшего использования в работе.

На первом этапе студенты знакомятся с определениями таких понятий как **концепт, термин, терминология, глоссарий.**

Концепт – ментальный конструкт для структурирования объектов в реальном мире.

Термин – слово или словосочетание, обозначающее конкретное понятие в определённой области исследования.

Терминология – совокупность терминов, используемых в определённой области знаний.

Глоссарий – словарь терминов с дефинициями.

Затем студенты знакомятся с практическими методами работы с терминологией включая поиск, фиксирование и анализ соответствующей терминологии с целью её стандартизации и прикладного использования.

Алгоритм работы с терминологией:

- поиск терминов
- систематизация терминов по категориям
- составление глоссария научных терминов

(Термины в глоссарии распределяются по принципу большее – меньшее по объёму понятие)

На заключительном этапе проводится работа по составлению **электронной базы данных** на английском языке по различным разделам биологии.

Электронная база включает в себя статьи на английском языке, их перевод на русский язык, глоссарии научных терминов, вопросы к тексту на английском языке а также видеоматериалы: научно-популярные фильмы (e.g. «What Darwin never knew?»), материалы научных симпозиумов с участием всемирно известных ученых (e.g. «What is biomimicry» by Janin Benouis), видеоролики (e.g. «How to boost immune system?»), видеолекции преподавателей ведущих университетов мира (e.g. MIT (OpenCourseware) «Fundamentals of Biology»)

Пример глоссария терминов нейробиологии

Neuroscience	– Science that studies the structure functioning, development, genetics, biochemistry, physiology and pathology of the nervous system
--------------	---

Нейробиология	– Наука, изучающая устройство, функционирование, развитие, генетику, биохимию, физиологию и патологию нервной системы.
Neuron Нейрон	– A neuron is a nerve cell that is the basic building block of the nervous system. – Нервная клетка, базовый строительный блок нервной системы
Rudimentary behaviors Базовое поведение	– Same that instinct – То же самое, что инстинкт
Emergent brain activity Эмерджентная активность мозга	– Properties of the brain, caused by the interaction of its component parts, and not actually the parts it includes – Свойства мозга, обусловленные взаимодействием его составляющих частей, а не собственно входящими в него частями

Пример глоссария терминов микробиологии

Microbiology Микробиология	– is the study of microscopic organisms. – наука о живых организмах, невидимых невооруженным глазом (микроорганизмах).
Colony of microorganisms	– is a population of microbial cells of one species, formed by dividing a single microbial cell in culture conditions on solid medium at the optimum temperature.

Колония микроорганизмов	– это популяция микробных клеток одного вида, сформировавшаяся в результате деления одной микробной клетки в условиях культивирования на плотной питательной среде при оптимальной температуре.
Soil bacteria Почвенные бактерии	– bacteria, natural habitat of which is soil, play an important role in the cycle of matter in nature, soil formation and the formation of soil fertility. – бактерии, для которых естественной средой обитания служит почва, играют важную роль в круговороте веществ в природе, почвообразовании и формировании плодородия почв.
Pathogenic bacteria Патогенные бактерии	– are bacteria that cause bacterial infection. – бактерии, вызывающие бактериальную инфекцию.
Vortex Вихревик	– is a social microorganism that forms colonies with complex and dynamic architectures, detected in a variety of environments such as soil, water, rhizosphere, vegetable matter, forage and insect larvae, as well as clinical samples. – это социальный микроорганизм, который образует колонии со сложной и динамической архитектурой, обнаружен в различных средах, таких как: почва, вода,

	ризосфера, растительное вещество, корма и личинки насекомых, а также в клинических образцах.
Strain Штамм	– pure culture of viruses, bacteria and other microorganisms or culture cells isolated at a specific time and place. – чистая культура вирусов, бактерий, других микроорганизмов или культура клеток, изолированная в определенное время и в определенном месте

Самостоятельная работа включает в себя работу как с информацией в печатном и электронном виде, так и просмотр видеоматериалов на английском языке.

Работа с видеоматериалами на английском языке

На наш взгляд первый просмотр видеоматериалов следует проводить с использованием субтитров. Таким образом, процесс получения информации на иностранном языке максимально упрощается. После знакомства с лексикой и распределения терминов по категориям в глоссарии просмотр видеоматериалов проходит без субтитров. На заключительном этапе студенты обсуждают фильм в форме диалога, в котором участвует вся группа.

Как показала практика такой подход весьма эффективен.

Самостоятельная работа студентов по поиску и обработки необходимой информации охватывала широкий диапазон изучаемых на факультете дисциплин: зоологию, ботанику, гидробиологию, генетику, физиологию, нейропсихологию, аквакультуру.

В качестве источников информации использовались: **научные журналы:** «Scientific American», «National Geographic», «Science», «Nature», «Journal of human evolution», «The American

Journal of Physical Antropology», «The Journal of Zoology», «The Journal of Biological Chemistry», телеканалы: «Discovery», «PBS Nova», сайты ведущих мировых университетов: MIT, Oxford University, материалы международных симпозиумов: «International Sturgeon Meeting ISM-2016».

Данный вид работы имеет очевидную практическую пользу для подготовки будущих специалистов. Так студенты биологического факультета, обучающиеся по специальности «Аквакультура и биоресурсы» в процессе самостоятельного поиска информации познакомились с новой технологией, аквапоники, сочетающей принципы аквакультуры и гидропоники. Это весьма перспективная технология разведения рыбы и производства сельхоз - продукции. Работа с материалами международного симпозиума по разведению осетровых позволила студентам познакомиться с новейшими, в том числе компьютерными, технологиями в этой области.

Студенты, обучающиеся по специальности «Биология» познакомились с новой теорией американского биолога Брюса Липтона о влиянии факторов окружающей среды на работу генов человека. Кроме того, ими была проанализирована информация о комплексе физических упражнений для синхронизации работы правого и левого полушарий мозга целью которых является повышение интеллектуального уровня и способности к обучению. Эту информацию студенты получили в процессе просмотра видео «Brain Gym», «Finger fitness-Be a genius».

Такой вид самостоятельной работы способствует формированию научного мировоззрения у студентов, расширяет их кругозор и стимулирует стремление к научному познанию.

Библиографический список

1. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Издательство АМ СССР, 1961. 158 с.
2. Handbook of Terminology. Minister of Public Works and Government Services Canada, 2001, p. 172.
3. www. Infoterm.info [электронный ресурс]

ALGORYTHM OF WORK WITH SCIENCE INFORMATION SOURCES IN ENGLISH (ON THE EXAMPLE OF BIOLOGICAL FACULTY OF KUBAN STATE UNIVERSITY)

Pilipenko S.N.

Kuban State University, Krasnodar

The article covers practical methods of terminology management such as identifying proper terms and performing term extraction creation and use of bilingual glossaries and databases. Examples of Russian-English glossaries of biological terms are provided.

Index terms: concept, term, terminology, glossary, database, information source.

Об авторе:

Пилипенко Сергей Николаевич – преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета

УДК 81'42

СУГГЕСТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ «ТЕКСТУАЛЬНОЙ» РЕАЛЬНОСТИ В МЕДИАСФЕРЕ

С.Е. Писаренкова, А.А. Писаренков

*Кубанский государственный медицинский университет,
Краснодар*

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются способы влияния СМИ на массовое сознание, анализируются наиболее эффективные практики суггестивного воздействия и создания особой текстуальной реальности, формирующей стереотипы восприятия информации в общественном сознании.

Ключевые слова: СМИ, идеология, текст, суггестия, пресуппозиция, метафорические штампы.

Вопрос о воздействии языка на человека, на специфику его мышления и поведение коррелирует напрямую со средствами массовой информации. Средства массовой информации создают и поддерживают информационное пространство, именуемое медиасферой. Суть медиасферы составляют различные (политические, социальные, экономические) идеи, образы, мифические предания и легенды. Сталкиваясь с современными системами коммуникации (телевидение и радиовещание, Интернет, видеоигры, видео-аудио информация) мозг человека подвергается воздействию медиасферы, которое изменяет все сферы его жизни.

Немецкий социолог Г. Маркузе исследовал возможности и следствия манипулирования массовым сознанием с помощью СМИ и в 1964 году опубликовал работу «Одномерный человек». По аналогии с названием этой книги появляется, а затем и быстро распространяется понятие «одномерное сознание», которое возникает под сильнейшим воздействием средств массовой информации. СМИ формируют определенную текстуальную «иконосферу», в которой существует современный человек и которая служит четкой концептуализации действительности. «Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что общество выступает как «генератор социального гипноза», попадая под влияние которого мы становимся согласованно живущей ассоциацией. Именно в СМИ наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка» [6, с. 10].

Однако подобное мнение о прагматической роли средств массовой информации возобладало не так давно. В 20-е годы прошлого столетия Г. О. Винокур иначе формулировал функции языка газеты: «Если язык вообще есть, прежде всего, некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение по преимуществу, коммуникация, обнаженная и абстрагированная до крайних мыслимых своих пределов. Подобную коммуникацию мы называем «информацией»... Газетное слово есть, конечно, тоже слово риторическое, т.е. слово

выразительное и рассчитанное на максимальное воздействие... однако главной и специфической особенностью газетной речи является именно эта преимущественная установка на голое сообщение, на информацию как таковую» [6, с. 10].

Но уже позже П.Р. Розенталь определяет основной целью средств массовой информации в СССР агитацию пропаганды классовых идей и положений, в связи с чем, по ее мнению, публицистика и СМИ мобилизовывали все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей [6, с. 8]. А в современную эпоху в газетно-публицистическом стиле, в отличие от других функциональных стилей, воздействие, убеждение выступают как главная функция языка, причем воздействие носит концентрированный характер. По мнению некоторых исследователей в СМИ функция воздействия начинает вытеснять все остальные языковые функции. Средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия.

Итак, оказывая воздействие на сознание, средства массовой информации манипулируют поведением человека, изменяют его способ мышления и систему восприятия. Таким образом, можно говорить о манипулятивной особенности СМИ и публицистики в частности. Е. Л. Доценко определяет манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими намерениями» [2, с. 59]. Ввиду того, что любая манипуляция в публицистике выражается словесно в отличие от других аудиовизуальных средств коммуникаций, она определяется как вербальная манипуляция.

Ученые, исследующие особенности вербальной манипуляции (Т.М. Тарасов, С.А. Мегентесов, С. Кара-Мурза, В.И. Карасик) считают, что язык как система знаков и правил их употребления предоставляет наибольшие возможности для манипулирования людьми. Утверждается, к примеру, что «язык в своей существенной части предназначен для манипуляции, что он в не меньшей степени есть средство манипуляции, чем средство передачи информации» [4, с. 61].

Всесилие языка, поразительная магия слова известны уже давно и являются неоспоримыми фактами языковой действительности. Так Е.И. Шейгал отмечает, что в индоевропейских языках в этимологическом плане слово «власть» родственно значениям «прямое», «магия», «сила», «речь». В настоящее время в коммуникативном аспекте власть определяется возможностью заставить других принять выгодную для говорящего интерпретацию действительности, т.е. в принуждении к точке зрения [12, с. 317].

Популярность вербальной манипуляции объясняется тем, что власть, по мнению Б.В. Маркова пытается опираться не столько на телесное принуждение и наказание, сколько на легитимизацию силы в форме права и управление человеческим поведением при помощи слова. При переходе властных отношений в дискурсивную форму сила определяется правом говорить и правом лишения данной возможности других. Лоренц называет лишение права слова одним из проявлений речевой агрессии, являющуюся сублимацией агрессии физической. М. Фуко как самое распространенное средство контроля над дискурсом рассматривает процедуру исключения или же запрет («говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить о чем угодно») [12, с. 78].

А. Эткинд в работе «Новый историзм, русская версия», исследуя власть дискурса, описывает феномен: художника или поэта сопровождает филолог или философ, объясняющий его произведения простым, понятным языком. Подобный толмач встречается в романе А. Платонова «Чевенгур»: косноязычный вождь общины пророчествует будущее, которое интерпретирует сопровождающий его комиссар. У Набокова в «Бледном пламени» дается более злая карикатура: сумасшедший комментатор вносит в текст фривольные дополнения, которые способствуют гибели автора. «Власть над обществом обеспечивается властью над текстом, и принадлежит она интерпретатору, а не визионеру... Религия, идеология и литература – все осуществляется в чередѣ тел. Пока идеология бесплотна – она бессильна; а плоть идеологии – тексты. Идея

овладевает массами тогда, когда массы читают тексты. Если массы совсем неграмотные, то они слышат и видят некие суррогаты текстов» [13, с. 43]. Таким образом, и в современном обществе слово лидера, наделенного талантом оратора, остается сильным инструментом социальной власти.

Мощность воздействия текста на аудиторию исследует писатель В. Пелевин в рассказе «Оружие возмездия». В конце войны в фашистской Германии для устрашения врага был создан миф об оружии возмездия, которое должно было разгромить армии противников и способствовать победе Германии. Официальная пропаганда вела о нем речь в каждой передовой, берлинский хор мальчиков распевал песни о его величии, а Лени Рифтеншталь снимала фильмы о героях, защищающих тайну этого оружия. Министр пропаганды Геббельс и его подчиненные изобретали яркие метафоры и аллегории: «подобно копью Вотана, оружие возмездия поразит врага в самое сердце», «меч Зигфрида уже занесен над потоками азиатских орд», «огнеглазые Валькирии рейха вот-вот обрушат на агрессора свое священное безумие». Цель мифа была достигнута: немецкий народ поверил в свое величие и объединил оставшиеся силы для борьбы с противником. В. Пелевин считает, что подобную реакцию на событие в масштабах страны нетрудно обеспечить, когда страна опутана идеологическими нитями и когда все средства массовой информации подчинены одной воле, и даже если самого события нет. Как подтверждение своих выводов автор цитирует работу П. Стецюка «Память огненных лет»: «Для обученного необходимой методологии человека ничего не стоит придать реальность как еврейскому заговору, так и, например, троцкистско-зиновьевскому блоку, и хотя эта реальность будет временной, но на период своего существования она будет непоколебимой и вечной... Поэтому в 1937 году в СССР действительно существовал троцкистско-зиновьевский блок, чего не отрицали даже его участники; этот заговор был настолько же реален, насколько реальны были Магнитка и Соловки, и таковым его делала общая убежденность в его существовании» [7, с. 473].

На наш взгляд, в описанной В. Пелевиным истории проблема вербальной манипуляции переплетается с понятием

информационной войны, которое определяется как «коммуникативные технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями». Прилагательное «коммуникативный» характеризует особый статус аудитории как объекта воздействия, ибо успешное воздействие может основываться только на интересах, ценностях, идеалах аудитории. Целью подобного воздействия на массовое сознание выступает внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить прогнозируемые изменения в поведенческой структуре. В этой связи главной составляющей воздействия в сфере информационной войны становится опора на когнитивную модель мира, на способы обработки информации человеком, на способы форматирования этой информации [8, с. 20].

Ученые, исследующие лингвистические аспекты психического воздействия, отмечают, что методы воздействия на психику и поведение людей практически идентичны по своим психологическим и лингвистическим механизмам. «Манипулятивные приёмы, практикуемые в политике, в средствах массовой информации, в рекламе и в обыденном общении родственны прямому суггестивному влиянию, в концентрированной форме применяемому в гипнозе или в сходных с ним трансогенных воздействиях... В наибольшей мере возможности влияния на психику реализуются в языке, который по мнению ряда исследователей изначально развился скорее как механизм суггестии, а не коммуникации [5, с. 90].

Суггестия обычно понимается как воздействие на человека (прежде всего, вербальное), воспринимаемое им без критической оценки, иными словами – латентное (скрытое) речевое воздействие [11, с. 14]. Данный феномен традиционно относят к области медицины. Но А. Кожибский, исследующий так называемые «социальные болезни», продемонстрировал, что они являются следствием «неправильного употребления слов»: слова создают «идеологически насыщенные абстракции», которые, воздействуя на сознание масс, стимулируют порождение в обществе множество коллизий и конфликтов. По мнению А. Кожибского, примером подобной абстракции являются слова,

выполняющие роль наименования общественных классов и группировок с присущими им коннотациями (капиталист, буржуазия, эксплуатация и т.д.), названия некоторых национальностей и рас (еврей, негр, папуас и т.д.), наименования ряда государственных или общественных учреждений и движений (коммунизм, сионизм, военно-промышленный комплекс и т.п.) [14, с. 23].

Чтобы достичь языкового суггестивного эффекта необходимо воздействие на подсознание человека. В этой связи построение текстов, рассчитанных на такое воздействие, ведется таким образом, чтобы «обмануть», усыпить, нейтрализовать сознание, обойти контроль «критического разума» и второй сигнальной системы. Дж. Гриндер и Р.Бэндлер выделяют различные способы выполнения подобной задачи: отвлечение внимания сознания на нечто броское, но несущественное с точки зрения планируемой конечной цели; утомление внимания реципиента при помощи его перегрузки информацией; приведение сознания в замешательство посредством внезапных переключений планов повествования, совмещения противоречащей информации, использования семантически неоднозначных или омонимичных слов и конструкций и т.д. [1, с. 19].

Например, в русском языке после революции активно заимствуются иностранные слова (декрет, экспроприация, коммуна, директива, трибунал, нивелировать), широко употребляются термины книжного, философского, экономического происхождения (гегемон, рентабельность, предпосылки, метод), образуется огромное количество новых слов (большевизм, активист, советизировать, приспособленчество) [9, с. 25]. Такое обилие непонятных для большинства слов ведет к затуманиванию сознания, к приведению массы в состояние аффекта, к смещению акцентов.

В. Клемперер отмечает, что в немецком языке периода Третьей Империи вездесущее использование цифр («фронтовые сводки пестрили не поддающимися проверке цифровыми данными»), прилагательных «невообразимый» и

«бесчисленный», а также превосходной степени было нацелено на «беззастенчивый обман и одурманивание людей [3, с. 277].

К техникам воздействия на подсознание также относятся пресуппозиции, под которыми понимаются «чрезвычайно действенные, эффективные словесные шаблоны, ...когда коммуникатор предварительно предполагает то, что не должно подлежать сомнению, подразумевая, что слушатель должен не сомневаться в существовании предполагаемого явления». К этим методам относится употребление вводных и модальных конструкций с вторичной предикацией, использование порядковых числительных и союзов с темпоральной семантикой типа «до того, как», «в течение», «по мере того как», а также наличие фазисных глаголов и наречий (начинать, завершать, наконец) [5, с. 24].

Перегрузка сознания реципиента, базирующаяся на факте естественной ограниченности объема внимания и оперативной памяти человека, является действенным приемом воздействия. В случае превышения предела количества информации, сознание «дает сбой», «отключается». В этот момент открывается возможность прямого воздействия на подсознание реципиента. В целях перезагрузки оперативной памяти внимания реципиент может вовлекаться в запутанный лабиринт пространственных отношений, а также очень эффективным является воздействие на разные каналы получения и переработки информации (зрительный, слуховой, кинестетический и др.).

Особую роль в плане воздействия могут играть метафоры и метафорические штампы. Например, в психотерапии широко используются «истории» (метафоры, сказки, мифы), которые выступают как эвристическая модель, активизирующая подсознательный опыт и перестраивающая (рефреймирующая) контекст болезненной ситуации, придавая ей ракурс, с которого она не воспринимается уже как непреодолимая. «Истории» – это сложные, многоуровневые метафоры. Они отвлекают сознательный разум, активизируют бессознательный поиск смысла и ресурсов и являются способом поддержания коммуникации с человеком в состоянии транса [5, с. 29].

Необходимо отметить также, что языковые особенности терапевтических метафорических историй содержат в себе все выше перечисленные средства воздействия на подсознание.

При исследовании лингвистических параметров воздействия подчеркивается важность образов в процессе манипулирования сознанием, а также при создании терапевтических историй. В большинстве случаев эти образы проверены тысячелетиями. К. Юнг обозначает их как архетипы и тем самым определяет свои отличия от теории З. Фрейда. К. Юнг писал: «Для Фрейда бессознательное является, главным образом, вместилищем вытесненных содержаний. Он смотрит на него под углом зрения детства. Для меня бессознательное является безбрежной исторической сокровищницей. Я сознаю, что и у меня было детство, но оно невелико в сравнении с безбрежными просторами истории, которые с юных лет интересовали меня больше, чем детство» [15, с. 146]. Здесь прослеживается переход на язык и более общий и более древний, вследствие чего этот язык более интенсивно «отработан» человечеством. Выбор образов обуславливается глубокими эпистемологическими причинами, формирующими закономерности осмысления мира и упорядочения познавательного процесса.

Природные явления, среда, предметы, окружающие человека воздействуют на его сознание и подсознание и способствуют пробуждению ассоциативных воспоминаний, мыслей и действий. Изучение образов в рамках воздействия представляет практический интерес и потому, что это дает возможность предугадывать тип реакции на них, а значит спрогнозировать поведенческие стереотипы аудитории.

Библиографический список

1. Гриндер Д., Бэндлер Р. Формирование транса М., 1994. 270 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996. 304 с.
3. Клемперер В. Язык Третьей Империи (LTI). Записная книжка филолога. М.: Прогресс – Традиция, 1998. 300 с.
4. Мегентесов С.А., Писаренкова С.Е. Эпистемы ментальности и идеологические метафоры в публицистике //

Языковая личность: структура и эволюция: Кол. монография. Краснодар, 2000. 105с.

5. Мегентесов С.А., Ибрахим Мохамад. Лингвистические аспекты психического воздействия и приемов манипуляции. Краснодар, 1997. 120с.

6. Потапова Р.К., Потапов В.В. Семантическое поле «наркотики». М., 2004, 190с.

7. Пелевин В. Желтая стрела. М.: Вагриус, 2001. 474.

8. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2001. 255с.

9. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928. 250с.

10. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи (Начала суггестивной лингвистики). Часть 1., Пермь, 1995. 206с.

11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. Волгоград: Перемена, 2000. 326с.

12. Эткин А. Новый историзм, русская версия // НЛО, № 47, 2001.

13. Korzibski A. An Introduction to Non-Aristotelian-Systems and General Semantics. Likeville, CT, 1933.

14. Jung C.G. Bewusstes und Unbewusstes. Beitrage zur Psychologie. Frankfurt a/M. 1957.

SUGGESTIVE PRACTICES OF “TEXTUAL” REALITY CREATING IN THE MASS MEDIA SPHERE

S.E. Pisarenkova, A.A. Pisarenkov

Kuban State Medical University, Krasnodar

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the ways of mass media influencing on social consciousness and analyzes the most effective practices of suggestive impact on society and the formation of a special textual reality that defines the stereotypes of information perception in public conscience.

Index terms: mass media, ideology, text, suggestion, presupposition, metaphorical stock phrase.

Об авторах:

Писаренкова Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Кубанского государственного медицинского университета; svetlaner@gmail.com

Писаренков Александр Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере; drevil3872@gmail.com

УДК 81'1

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «HOME/HOUSE»
В РОМАНЕ «БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА»
ДЖОНА ФАУЛЗА**

А.А. Подкопаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена исследованию художественного концепта «HOME/HOUSE» на материале романа «Башня из чёрного дерева» Джона Фаулза. В процессе анализа использованы контекстуальный и лексико-сематический методы. Описаны особенности вербализации ключевых смыслов индивидуально-авторской картины мира писателя.

Ключевые слова: художественный концепт, концепт «HOME/HOUSE», индивидуально-авторская картина мира, дом, свобода.

Вопрос изучения концептов остается актуальным научным направлением в современной лингвистике. На сегодняшний день существует много классификаций концептов, перечислим лишь некоторые из них: познавательные и художественные (Аскольдов А.С.); авторские, индивидуальные, коллективные, этнические, общие (по характеру субъекта-носителя знания), например, индивидуально-авторские, культурно-специфические, универсальные (Степанов Ю.С.) или общенациональные,

групповые, индивидуальные (Бабина Л.В.), также универсальные, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные (Карасик В.И.); лексические, фразеологические, «текстовые», в дальнейшем разделенные на персонажные и авторские (по средству репрезентации (Сулименко Н.Е., Чурилина Л.Н.)); одноуровневые (простые, один базовый когнитивный слой) и многоуровневые (сложные, несколько когнитивных слоёв) (Стернин И.А.) и др.

Учитывая характер нашего исследования, понятие художественного концепта представляет особый интерес, поскольку он формируется и вербализуется в пространстве художественного текста. Перед нами раскрывается индивидуально-авторская картина мира, в основе которой лежит познание человеком окружающей действительности, его уникальное видение, понимание и ощущение мира. Писатели актуализируют лишь ценностно значимые для них смыслы, исходя из собственного опыта и общей задумки произведения.

Художественный концепт нами понимается как вербализованная в художественном произведении ценностно значимая ментальная единица индивидуально-авторской картины мира, представляющая, с одной стороны, общепринятые знания, с другой стороны, отражающая субъективный авторский опыт переживания действительности. Художественный концепт – часть культурного наследия, характеризует национальную картину мира того народа, к которому принадлежит писатель.

Выбранная нами повесть Джона Фаулза «Башня из черного дерева» – одно из трех произведений, вошедших в сборник под одноименным названием. Жанр рассказа перекликается с классическим средневековым романом, о чем в своих заметках писал автор, называя «кельтскую литературу» началом, образцом всей художественной литературы. Действие происходит в «мистическом замке», расположенном в глухом лесу, где проживает «старик» и две его молодые «пленницы».

Генри Бресли – стареющий художник, чей уединенный образ жизни однажды был нарушен молодым амбициозным художником, прибывшим для написания автобиографии о знаменитом человеке. Бресли проживал вместе с двумя

молоденькими девушками, его бывшими студентками, Дианой и Анной, и роли, которые им отведены в данном доме, вполне прозрачны.

В произведении выделяются две основные темы: первая, более узкая – **отношение Бресли к современному искусству**, если точно отрицательное отношение, и вторая, общая – **понимание художником жизни как таковой, в целом, с философской точки зрения**.

Современное искусство подвергается резкой критике со стороны опытного художника. Он за то, что искусство должно быть идеалом красоты, воплощением многовекового опыта мастеров, источником, формирующим мнение и поведение человека. Авангард, по его мнению, разрушает классическое понимание красоты, служит иным целям, где форма выражения подменяет содержание.

Вторая тема – жизненная философия Бресли наиболее полно раскрыта в организации пространства дома Котмине. Для себя художник создал атмосферу совершенного счастья, мечту, воплощенную в реальности. Возникает вечный вопрос человеческой свободы, ее природы, границах и связанное с нею чувство ответственности.

Художник покупает землю с домом Котмине во Франции. Создается атмосфера закрытого пространства, т.к. поместье удалено от городской суеты, расположено в тихом лесу, словно забытый остров «посреди океана огромных дубов и буков». Даже знакомая всем табличка «Осторожно, злая собака» для большего устрашения указывает на то, что территория охраняется, а посетители не допускаются без предварительной договоренности.

*« ... **Manoir de Coëtminais. Chemin privé ... there was a white gate, which he had to open and shut. Half a mile on again through the forest he found his way barred, just before the trees gave way to sunlight and a grassy orchard, by yet **another gate**. There was a signboard nailed to the top bar. Its words made him smile inwardly, since beneath the heading Chien méchant they were in English: **Strictly no visitors except by prior arrangement... he found the gate padlocked on the inner side**».***

Пер.: «*Manoir de Coëtminais. Chemin privé* белые ворота, которые пришлось открыть, а затем закрыть за собой. Проехав по лесной дороге еще с полмили, он обнаружил, что как раз там, на границе леса, где открывается залитый солнечным светом, заросший высокой травой сад, путь ему преграждают **еще одни ворота**. К верхней перекладине прибита табличка. Прочитав надпись, Дэвид не мог не улыбнуться: под словами *Chien méchant* шло предупреждение по-английски: **«Без предварительной договоренности вход посетителям воспрещен»** ... **ворота оказались запертыми с внутренней стороны на висячий замок**».

Коммент.: в данном примере автор использует следующие выражения, описывая въезд в Котмине «*Chemin privé*» (фр. частная собственность), «*another gate*» (еще одни ворота), «*no visitors*» (вход воспрещен), которые подчеркивают четко ограниченное, личное пространство Бресли.

В английском языке слово «manor-house» буквально значит замок, особняк. Дэвид, молодой художник, предвкушая встречу с легендарным Бресли, представлял его дом не менее значительным, таким же, как и сам хозяин. Возможно, поэтому был несколько разочарован увиденным.

«*...it had more the appearance of a farm house... nothing aristocratic...old and compact, a warm face of character, a good solid feel*».

Пер.: ««замок» больше походил на ...ферму... ничего особенно аристократического не было...небольшой старый дом имел свое лицо, свой собственный характер, создавал **ощущение доброй надежности**».

Коммент.: в данном примере автор сравнивает замок Котмине с «farm house» (фермой).

Котмине был выстроен в типично классическом стиле. Можно заметить, что внутреннее убранство дома вполне соответствует понятиям Бресли об искусстве: красиво, искусно, выдержано, добротно, разумно.

«*The effect was faintly Tudor, much more English than the exterior. A very handsome piece of dense, but airy space, antique carved-wood furniture, bowls of flowers, a group of armchairs and*

*two sofas further down; old pink and red carpets; and inevitably, the art... no surprise-except that one could walk in on it like this- since David knew **there was distinguished little collection beside the old man's own work***».

Пер.: «Пожалуй, **это напоминало стиль эпохи Тюдоров**: интерьер гораздо более английский, чем внешний вид дома. Получилось очень красиво. Создавалось впечатление не слишком просторного, но полного воздуха пространства: старинная мебель резного дерева, вазы с цветами, в дальнем конце – несколько кресел и два дивана; старинные ковры – розовые с красным и, разумеется, картины... Но поразительно другое: всякий может вот так, запросто, взять и войти, а ведь Дэвид знал, что **кроме собственных работ, у старика имеется небольшая, но весьма представительная коллекция картин**».

Налицо контраст простоты, сдержанности убранства с блистательными предметами искусства.

*«**His room was simply furnished, a double bed in some rather clumsy rural attempt at an Empire style, a walnut wardrobe riddled with worm, a chair, an old chaise-lounge with tired green upholstery; a gilt mirror, stains on the mercury. The room smelt faintly musty, seldom used; furnished out of local auctions. The one incongruity was the signed Laurencin over the bed***».

Пер.: «Его комната была очень просто обставлена: двуспальная кровать – неуклюжая попытка сельских мастеров имитировать ампир; ореховый, источенный шашелем гардероб; стул и дряхлый шезлонг с истертой зеленой обивкой; зеркало в позолоченной раме – ртутный слой кое-где стерся, оставив темные пятна. **Пахло сыростью – комнатой пользовались редко, а вещи – явно с деревенских распродаж. И резким контрастом всему прочему – над кроватью картина Лорансен, с подписью художницы**».

Коммент: так, в приведенных двух примерах, использовались следующие словосочетания и фразы, описывающие дом художника: «the effect ... Tudor, more English» (стиль эпохи Тюдоров, более английский), «airy space» (пространство полное воздуха), «antique furniture» (старинная мебель), «the art» (картины), «simply furnished» (просто

обставлена), «smelt faintly musty» (пахло сыростью), «Laurencin» (картина Лорансен).

Помимо поверхностного описания внешнего вида дома, а также мебели его наполняющей, пространство дома Бресли дополняют картины, упомянутые в речах героев или непосредственно увиденные в домашней коллекции художника. Фаулз великолепно использует средства языка, живописно и в то же время лаконично, назвав ту или иную картину, автор лишь намекает на настроение героев, на их отношение к сложившейся ситуации.

Пробегаая по страницам книги, читатель не только слышит текст, но и в красках видит происходящее. Надо сказать, что произведение рассчитано на компетентного в области искусства читателя, так как за образами, изображенными на картинах, лежат большие смыслы. И в этом вопросе персонаж Бресли отдаленно напоминает самого Фаулза.

Язык старого художника удивительно беден: жаргонизмы, повторения, нелепые восклицания, «никакой интеллектуальности или тонкости понимания тут углядеть было невозможно»; порой трудно понять, о чем он говорит, и иногда даже требуется «переводчик» – Диана. Все это создает впечатление малограмотного и необразованного старика. Принято считать, что умение красиво говорить раскрывает внутренний мир человека, то, насколько он богат или, напротив, беден. В романе доказывается, что речь – не единственный способ выражения личности и не всегда является единственным мерилем духовности. О чем бы он не рассуждал, он либо произносил пошлости, либо неимоверно искажал смысл того, о чем говорил. Нужно было постоянно себе напоминать, с какой точностью он мог выражать свои мысли краскам на полотне: разрыв между этими двумя способами был, словно пропасть.

Бресли мыслит не грамматикой, а образами, его искусство «говорит» лучше, чем его слова. Диана говорит по этому поводу:

«Art is a form of speech. Speech must be based on human needs, not abstract theories of grammar»

Пер.: «Искусство есть форма речи. Речь должна опираться на то, что нужно человеку. А не на абстрактные правила грамматики».

Можно сказать, что художник использует альтернативный язык кисти для выражения своих мыслей.

Дом – семья – свобода.

Отношение с женщинами для Бресли всегда были важной составляющей его жизни. Подчеркнутая сексуальность в отношениях, свобода от обязательств, внешняя красота и молодость спутницы – это модель «семьи», которую проповедовал художник. О своих отношениях с Мышью старик лишь упоминает картину, на этот раз Рубенса:

«Roman Charity...Old geezer sucking milk form some young biddy's tit». Пер.: «Отцелюбие римлянки... Молодая бабенка кормит грудью старого пердуна».

Спустя некоторое время, окунувшись в атмосферу необычного дома, Дэвид почти теряет связь с реальностью. Котмине – словно заколдованное место, находящееся за пределами социальных устоев. Герои идут на пикник, девушки под ярким солнцем купаются нагишом. Поддавшись настроению и не чувствуя стеснения, следуя зову природы в состоянии «a kind quiet pagan contentment» (Пер.: «умиротворенного языческого удовольствия») сам молодой художник принимает приглашение искупаться вместе. В блеске воды, все кажется волшебным красивым и ненастоящим. Здесь прошлое и настоящее удивительным образом сливаются во всеобщую гармонию.

Узнав поближе героев, Дэвид начинает чувствовать себя странствующим рыцарем, случайно забредшим в эти края, где он должен спасти молодую девушку из плена старого хозяина. Налицо влияние традиций средневекового романа. Это мистическое место – побег из города, словно делает вызов Дэвиду, заставляет его задуматься о себе и позволяет со стороны, немного отстраненно, посмотреть на то, чем и кем наполнена его личная жизнь. С первых часов в Котмине, молодой художник чувствует свободу во всех ее проявлениях: как с точки зрения искусства, Бресли призывает творить для души, работать с умом, получать истинное удовольствие, а не следовать модным

тенденциям «the art is fundamentally immoral» (пер.: искусство изначально аморально); так и говоря о жизненных устоях, принципах, то, каким образом устроен быт Бресли, только подтверждает его философию свободы духа и тела. Ниже приведем пример описания Дэвидом пространства дома:

*«... this rather **gorgeous old house**, the studio set-up, the collection, the **faintly gamy ambiguity** the permeated the pale after predictable old Beth and the kids at home; **the remoteness** of it, the foreignness, **the curious flashes of honesty**, a patina ... fecundity, this whole day through that **countryside**, so many ripening apples».*

Пер.: «**Такой великоленный дом**, замечательно оборудования студия, коллекция картин, **чуть непристойная двусмысленность** царящей здесь атмосферы — после пресной предсказуемости старушки Бет и дочурок там, дома; **отстраненность**, и удивительные всплески откровенности, **патины времени**... бьющее в глаза плодородие сельского края, целый день — сады, полные зреющих яблок».

Сказки о спящих красавицах и прекрасных принцах, Дэвида словно окутывает замок, все больше и больше затягивая в свои сети. Разыгравшееся воображение почти «сбивают его с пути»:

1. *«She appeared in London, she could not live without him, he left Beth. In all these fantasies they ended in Coet, in a total harmony of work and love and moonlit orchard».*

Пер.: «Она (Мышь) приезжает в Лондон, не может жить без него, и он бросает Бет. И все эти истории заканчиваются в Котминэ, где в идеальной гармонии соседствуют труд, любовь и залитый лунным светом сад».

2. *«Coet had been a mirror, and the existence he was returning to sat mercilessly reflected and dissected in its surface... and how shabby it now looked, how insipid and anodyne. How safe. Riskless that was the essence of it».*

Пер.: Котминэ было зеркалом, и жизнь, к которой он возвращался, была в нем отражена и препарирована с беспощадной ясностью... Какой жалкой выглядела теперь эта жизнь, какой бесцветной и спокойной, какой безопасной. Отсутствие риска — вот в чем ее главная суть».

Коммент: в данных примерах использовались следующие выражения, описывающие атмосферу дома Бресли «gorgeous old house» (великолепный старый дом), «faintly gamy ambiguity» (чуть непристойная двусмысленность), «the remoteness» (отстраненность), «flashes of honesty» (всплески откровения), «patina ... fecundity» (пatina времени), «countryside» (сельский край), «harmony of work and love» (гармония работы и любви), «a mirror» (зеркало).

В великолепном произведении «Башня из черного дерева» раскрыта еще одна грань концепта «Дом». Идеальный дом – это то место, где бы человек чувствовал себя счастливым. По Фаулзу концепт «Home/House» – это прежде всего свобода, в самом широком смысле: свобода от уз брака и обязательств, свобода выбора и свобода творчества. Художник выбрал уединение и спокойствие в окружении молодости и красоты. Организуя жизненное пространство внутри дома Котмине, Бресли притворил свои мечты в реальность. Свою концепцию дома хозяин выразил словами:

«‘Freedom House, dear boy. Stark naked, if you like.’ He winked.

‘Gels won’t mind’».

Пер.: «У нас тут «Фридом Хаус», дорогой мой. Хоть нагишом приходите если захочется. – Он подмигнул:

– Девчонки только рады будут».

Коммент: в данном примере, говоря о доме, используется следующее выражение «Freedom house» (букв. дом свободы).

В заключение, хотелось бы отметить ценность дальнейших исследований индивидуально авторских концептов, обладающих с одной стороны объективными характеристиками, присущими данной языковой картине мира, с другой стороны пропущенных через призму авторского сознания. Комплексные данные, полученные в результате анализа концептов наиболее значимых авторов, позволяют говорить о более широком понятии объединенного образа художественного концепта, присущего той или иной нации в определённый период исторического развития.

Библиографический список

1. *Fowles John*. The Ebony Tower. Short Stories. Publisher: Back Bay Books, 1999, 256 p.

2. *Аскольдов А.С.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста, Антология. М., 1997. С. 267-279.

3. *Бабина Л.В.* О вторичной репрезентации концепта в тексте литературной прозы // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы–семинара по когнитивной лингвистике. 11–14 сент., 2000 г., Тамбов, 2000. В 2 ч. Ч. 1. С. 131-132.

4. *Карасик В.И. , Стернин И.А.* Антология концептов. М., 2007. 512 с.

5. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Отв. ред. Карасик В.И., Стернин И.А. М., 2007. С. 12-13.

6. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры/ Юрий Степанов. 2–е изд., испр. и доп. М., 2001. 990 с.

7. *Сулименко Н.Е.* Интерпретационное поле концепта // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении; Материалы Третьих Филологических Чтений. 28-29 ноября 2002. Том 1. Лингвистика. Новосибирск, 2002 а. С. 138-144.

8. *Фаулз Дж.* Пять повестей: Башня из черного дерева. Эллидюк. Бедный Коко. Энигма. Туча: [повести: пер. с англ.] / Джон Фаулз. М., 2006. 333 с.

9. *Чурилина Л.Н.* Лексическая структура текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб., 2002, 233 с.

VERBALIZATION OF «HOME/HOUSE» CONCEPT IN «THE EBONY TOWER» BY J. FOWLES

A.A. Podkopaeva

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to studying the literary concept «HOME/HOUSE» verbalized in the novel «The Ebony Tower» by John Fowles. Contextual and lexico-semantic methods are applied to analyzing the concept. The main ideas of the author's picture of the world are described.

Index terms: literary concept, concept «HOME/HOUSE», author's picture of the world, freedom.

Об авторе:

Подкопаева Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: anna.podkopaeva@gmail.com

УДК 37.018.4:811.111

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ НАПИСАНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В.К. Резенова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена методике обучения письму на английском языке. В статье делается акцент на обучение написанию академического эссе, рассматриваются основные трудности, с которыми сталкиваются студенты при написании данного вида работы, а также способы их преодоления.

Ключевые слова: академическое эссе, тезис, тема, упражнения, развернутый план, утверждение.

С точки зрения межкультурной коммуникации, которая в наши дни строится на основе делового, научно-технического и межличностного общения, очень важны навыки письма на английском языке. Под навыками подразумевается умение связно, логично, грамотно и убедительно выражать свои мысли в письменной форме. Написание на английском языке делового письма, эссе-реферата своей научной работы, эссе-резюме о целях участия в том или ином научном проекте – вот небольшой перечень письменных работ, которые должен уметь написать студент, чтобы продемонстрировать навыки образованного, культурного, конкурентоспособного специалиста.

Психологи считают, что механизм письменного текста достаточно сложен, так как включает следующие элементы: “отбор слов, требуемых для создания конкретного текста; распределения предметных признаков в группе предложений; выделение предиката как стержневой части в смысловой организации предложения; организацию связи между предложениями [3, с. 36].

Начальная стадия обучения написания эссе на английском языке, а именно этот вид письменной работы будет далее рассматриваться, начинается в школе. Одним из письменных заданий на экзамене является написание письма (120 слов) или эссе-рассуждение (250 слов). В вузе усложняются требования как к объему (от 1000 слов), так и к тематике эссе (Process, Descriptive, Comparison-Contrast, Cause-Effect, Problem-Solution и др.).

Академическое эссе.

На первый взгляд схема проста. Эссе состоит из трех частей: введение, основная часть и заключение. Но подготовка к написанию каждой из них требует системного подхода с рядом упражнений. Это упражнения с различными моделями: имитация, отбор, сокращение, расширение, трансформация и др. Цель – получение навыков, необходимых для создания письменного

сообщения. Если расположить их в порядке возрастания сложности, то эти навыки таковы:

- 1) передача основной информации;
- 2) передача главной мысли;
- 3) описание;
- 4) сопоставление описываемых фактов;
- 5) аргументирование;
- 6) объединение фактов;
- 7) оценка и др.

Рассмотрим основные трудности, с которыми сталкивается студент при написании академического эссе, а также способы их преодоления.

- Составление плана – с него должно начинаться любое изложение.

Психологи отмечают, что составление плана является важной опорой запоминания. В качестве подготовительных упражнений можно взять следующие: озаглавливание частей текста, написание развернутого плана прослушанного текста.

- Формулировка тезиса, основной мысли работы.

Поскольку тезис или главная идея – это сжатая, краткая (в одном предложении) формулировка темы, положения или утверждения, владение этим навыком ведет к приобретению следующего, не менее важного – умению обобщать и делать краткие выводы. Существует ряд упражнений, обучающих этим навыкам. Например: прочитайте текст и выделите главную мысль, выбрав ее из трех предложенных вариантов. Необходимо подчеркнуть, что в тезисе недостаточно просто заявить тему или просто озвучить цель написания эссе. Тезис – это одно предложение, в котором представлены тема (topic) + мнение-вызов (assertion). Например: Confident communication –слишком размыто и неопределенно. Лучше – Confident conversation which is necessary to learn in order to become good communicator.

Изложение основной части требует сразу нескольких умений: умение сопоставлять, сравнивать, анализировать, обобщать, делать выводы, соответственно, мыслить креативно.

Умения логично, последовательно, четко и выразительно излагать свои мысли в письменной форме формируется в

результате ряда предварительных упражнений. Такими упражнениями являются различные виды изложений: краткий письменный пересказ фабульного текста на иностранном языке; детальное изложение прослушанного текста; изложение от имени одного из персонажей и т.д. в порядке возрастания трудностей.

Очень важно правильно подобрать текст – цепной структуры на начальном этапе обучения и разветвленной структуры – на более продвинутом. И здесь тоже необходима предварительная подготовительная работа, а именно: членение текста на смысловые части, выявление основного содержания, отбор необходимых для изложения моделей. При написании изложения реализуется сразу несколько целей помимо умения логичного и последовательного изложения мыслей, а именно: понимание и запоминание информации, определение смысловых центров в тексте, умение дифференциации информации.

При написании эссе следует особое внимание уделить развитию аргументации каждого параграфа – доказать, пояснить, добавить детали, проанализировать цифры и факты. Для этого нужны слова-связки, вводные слова и выражения.

Начало эссе.

Let us consider what the advantages and disadvantages of ... are – Рассмотрим, каковы преимущества и недостатки ...

Let's consider some pros and cons of it. – Давайте рассмотрим некоторые плюсы и минусы (этого).

Let us start by considering the facts. – Начнем с рассмотрения фактов.

It is generally agreed today that ... – Сегодня общепризнано, что ...

Следующие фразы можно использовать, если требуется рассмотреть аргументы «за» и «против». Не забывайте использовать слова-связки:

To begin with, ... – Начнем с того, что...

Moreover... – Более того...

The first thing that needs to be said is... – Первое, что нужно сказать...

First and foremost ... – Первое и самое важное ...

The second reason for... – Вторая причина для...

First of all let us try to understand... – Прежде всего давайте попытаемся понять...

It is often said that... – Часто говорят, что...

What is more... – Более того...

Besides, doubtless... – Кроме того, несомненно...

Подкрепить свое мнение можно мнением абстрактных экспертов:

Experts say/believe/emphasize that... – Эксперты говорят/считают/ подчеркивают, что...

We cannot ignore the fact that... – Мы не можем проигнорировать тот факт, что...

И, наконец, заключительная часть, т.е. последний абзац эссе, который должен создавать эффект законченности. Заключительная часть связана с введением. По сути, в заключении повторяется тезис, но путем перефразирования. В заключении не ставятся новые проблемы, не высказываются новые идеи и, конечно, заключение ни в коем случае не противоречит тезису.

Можно предложить следующие фразы для завершения эссе:

In conclusion, I can say that ... – В заключении могу сказать, что...

To draw the conclusion, one can say that ... – Подводя итог, можно сказать, что...

So it's up to everybody to decide whether ... or not – Так что каждый должен решить для себя: да...или нет

The arguments we have presented ... suggest that ... / prove that ... / would indicate that ... – Представленные нами аргументы...предполагают/ доказывают/ указывают на то, что...

From these arguments one must ... / could... / might ... conclude that ... – Исходя из этих аргументов, надо ... / можно ... / можно было бы ... прийти к заключению о том, что ...

Заключительный этап – проверка эссе. Он включает работу над ошибками, критический разбор в процессе обсуждения, Лучшее эссе зачитывается вслух.

Существует несколько видов эссе: описание, письмо (официальное, неофициальное), рецензия и пр. Методика обучения каждому из них выдвигает ряд основных требований. Главные среди них:

- 1) темы должны быть понятны и посильны для обучаемых;
- 2) языковой материал должен быть предварительно отработан;
- 3) темы должны быть интересны для обучаемых, только тогда они будут стимулировать их мыслительную деятельность.

Библиографический список

1. Жандарова А.В., Савельева О.Г., Иовенко О.И. Основы академического письма. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. С. 8-15.
2. Лелеп Л.В. Обучение написанию эссе на английском языке. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://study-english.info/phrases.phpxzz3RBjcT6> (дата обращения 11.10.2016).
3. Мусницкая Е.В. Методика обучения письменному выражению мыслей. М: Русский язык, 1991. 14 с.
4. Юсупова Л.Н. Написание академического эссе на английском языке. Петрозаводск: Петр ГУ, 2015. С .4-8.

TEACHING STRATEGY OF WRITING ACADEMIC ESSAY IN ENGLISH

V.K. Rezerova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the teaching strategy of writing Academic essay in English. The article is focused on teaching how to write Academic essay, problems and difficulties students face while doing this kind of writing work and means of overcoming them.

Index terms: Academic essay, thesis, topic, exercises, detailed plan, assertion.

Об авторе:

Резепова Виктория Константиновна - преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: victory-59@mail.ru

УДК 81'1

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЕДА» В ЛЕКСИЧЕСКОМ ТЕЗАУРУСЕ: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О.Г. Савельева, К.С. Волошина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию и интерпретации концепта «Еда» в качестве базовой единицы ментального мира человека и как следствие его культурной деятельности. На основе проведенного анализа и с учетом когнитивных характеристик лексики, репрезентирующей концептосферу «Еда», с использованием антропоцентрического подхода была сделана попытка создания словаря-тезауруса.

Ключевые слова: концепт «Еда», концептуализация, лексико-семантическая единица, семантическое поле, антропоцентрическая парадигма, картина мира, тезаурус.

На рубеже двух тысячелетий в центре внимания лингвистов оказывается человек как носитель языка, как представитель определенной культуры. Таким образом, происходит переход от системно-структурной научной парадигмы к антропоцентрической. Сущность антропоцентрической модели исследования заключается в том, что в исследовании тех или иных явлений отправной точкой становится человек, именно он

вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы, конечные цели и результаты [2, с. 176].

В рамках этой научной парадигмы образовались два научных направления: когнитивная лингвистика, исследующая соотношение языка и сознания, а также роль языка в концептуализации мира, и лингвокультурология, изучающая язык в качестве носителя определенной национально-культурной ментальности [там же].

Поскольку лингвистика последних лет обращена к проблеме соотношения семантики различных языковых единиц и тех структур сознания человека, которые репрезентируются этими языковыми единицами, с позиций антропоцентрической парадигмы стала актуальной проблема выявления когнитивных характеристик лексики, репрезентирующей концептосферу «Еда». На сегодняшний день активно исследуется и решается проблема соотношения семантического поля и понятий когнитивной лингвистики, прежде всего концепта, концептосферы, фрейма, сценария (см. работы Н.Н. Болдырева, Н.Б. Лебедевой, В.А. Лукина, И.А. Стернина, А.Л. Шарандина и др.). Семантическое поле начинает изучаться на основе концептуального анализа лексических единиц, входящих в его состав. Лексика, объединённая семой «Еда», входящая в одноимённое семантическое поле, является национально-специфичной, глубоко связанной с культурой народа и отражает особенности национального сознания. Структура микроситуаций, формирующих макроситуацию «Еда», однотипна: она состоит из ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии.

Мы сочли наиболее целесообразным при описании структуро-содержащих компонентов концепта «Еда» использовать полевой принцип, в связи с тем, что языковые средства вербализации концепта «Еда» очень разнообразны и их насчитывается огромное количество, как в русском, так и в английском языках. Таким образом, отдельные элементы данного концептуального пространства мы интерпретируем как микрополя, например, микрополе «Хлеб», «Мучные изделия», «Мясо», и т. д.

Конкретная лексика, однако, является частью лексического состава языка и культуры нации и непосредственно связана с человеком, следовательно, вся категоризация объектов и явлений мира отражает человеческую жизнь. Поэтому основным методом описания объектов конкретной лексики становится антропоцентрический [1], то есть, чтобы описать концепты, входящие в состав концепта «Еда», надо исходить из ситуаций, в которых соответствующие объекты входят в соприкосновение с человеческой деятельностью. Таким образом, можно установить, как знания о разных концептах соотносятся с культурными реалиями данного социума, знаниями научными и житейскими. Эти единицы отражают особенности духовной и материальной культуры определенного периода развития нации, в них зафиксирован некоторый фрагмент картины мира – «специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [8, с. 9]. Анализ лексической системы определенной области позволит выявить релевантные лексические единицы, необходимые для показа бытовой повседневной жизни народа и составить словарь-тезаурус, в котором представлен антропо- и этноцентрический взгляд на мир.

Лексический тезаурус включает в себя лексику на основе семантико-тематического сходства в тематические или семантико-тематические пары, ряды, группы и классы слов, которые являются реализацией концепта «Еда». Функциональный тезаурус представляет собой перечень предметов и понятий (существительные), признаков (прилагательные) и действий (глаголы). Сама процедура структурирования тезауруса построена на создании принципиально новых связей между словами: они соотносятся по частотности, общей теме, разносятся по оппозиционным парам и т.д. Иными словами, теперь не семантика связей (как в художественном тексте) диктует семантику единиц, а наоборот, семантика единиц определяет характер новых связей. Из этого следует, что, структурируя словарь, мы эксплицируем не структуру художественного мира и не структурные отношения между реалиями действительности, в которой ощущал себя автор, но те или иные группы, «наборы» реалий.

Концепт «Еда» может быть представлен как категория, построение которой облегчается тем, что всякое обозначающее узел содержание может наследовать при определенных условиях свойства включающих его классов. Важным фактором при классификации выступает интегральная сема, активизирующаяся между концептами.

Категория «Еда» представлена в тезаурусе следующим образом:

Способ приготовления (вареное, жареное, печеное, моченое, соленое, квашеное).

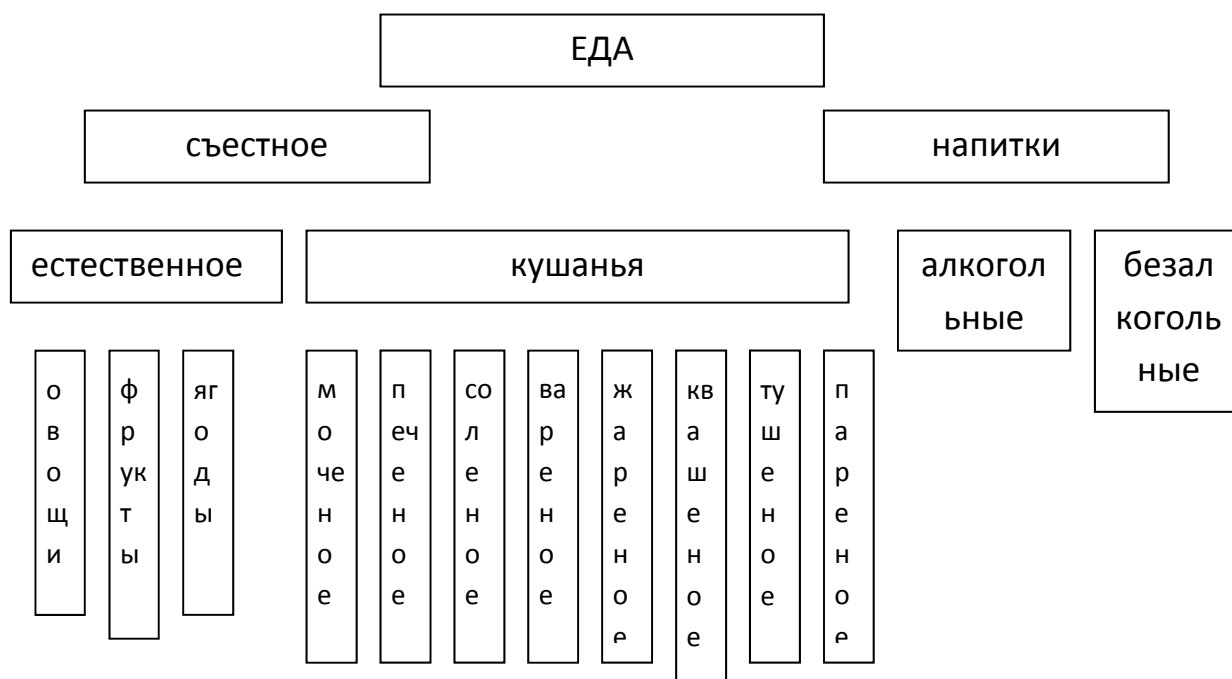
Процесс приготовления (засолка, копчение, варка, жарка).

Субъект (стряпуха, поварёнок, кок, бараночник, булочник, вафельщик, вафельщица, калачник, колбасник, кондитер, конфетница, сухарник, браговар).

Результат (пьянство, гульба, обжорство).

Снедь (хлеб, выпечка, сыры, колбасы).

Кушанья (первые, вторые, десерты).

Каждая лексема, входящая в концептосферу «Еда», идентифицируется по признаку «способ приготовления» и входит в одну из видовых групп «вареное»/ «жареное» / «печеное» / «моченое» / «соленое» / «квашеное»; по общей семе «состав»:

«алкогольное» / «безалкогольное»; «форма, вид»: «овощи» / «фрукты»/ «ягоды». Затем производится переход на высшую ступень обобщения к макрополям «Съестное», «Напитки».

Синонимы, «реализуя тенденцию знака к асимметрии его сторон – означаемого и означающего, связывают слова одной и той же части речи, которые обладают тождественным лексическим значением или же близкими лексическими значениями. Синонимы относятся к одному и тому же денотату (и к одному и тому же сигнификату или же к близким по денотативной основе сигнификатам)» [6, с. 45]. На основе художественных текстов нами были выделены следующие синонимы к понятию «Съестное»: *харчи, пища, яства, снедь*. Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) вид и качество того, что едят; 2) определенный вид ситуации. *Яствами* можно назвать очень большое количество поданных блюд, это понятие предполагает разнообразие. *Снедью* в литературе называют *простую* будничную еду, которая не требует замысловатого приготовления, употребляется в ситуациях, когда речь идет о знаменательных событиях.

В промышленности на пути до обеденного стола пищевой продукт проходит разные стадии обработки: *сырьё, полуфабрикат, снедь, блюдо*. Так, зерно – это сырьё, мука – полуфабрикат, хлеб – снедь, каша – блюдо. Полуфабрикат получил такое название, потому что прошёл лишь часть обработки, и без завершения её в пищу ещё не годится.

Снедь и блюдо – это то, что идёт в пищу. Снедь – пища, которая в любой момент готова к употреблению (не требует даже подогрева), и выдерживает хранение как минимум в течение нескольких дней. Блюдо же может быть и холодным, и горячим.

«Стилистическое отличие имеет лексема «харчи» – это просторечное обозначение еды, так же как и снедь не предполагает специальной сервировки. Микрополе «Напитки» имеет следующие синонимы к родовому имени: *питье, пойло*. Они различаются по следующим смысловым признакам: «характер предназначенности жидкости; функции жидкости». «Будучи по преимуществу родовым словом, напиток указывает на назначение того или иного класса, к которым принадлежит

данная жидкость. Напиток не перестает быть напитком, если его используют не для питья. Каждый напиток обладает своим вкусом и собственным способом приготовления. Поэтому напитком обычно не называют простую воду» [3, с. 203].

Поскольку любая категория строится на основе бинарной оппозиции, то выделяем микрополя (микроконцепты) «Естественное», «Снедь» и «Кушанья». «Естественное» включает следующие лексические единицы: *огурцы, помидоры, репа, петрушка, арбузы, вишни, персики, малина, смородина, черника, рябина, брусника, голубика, мед, молоко, сыворотка*. В состав микрополя «Снедь» входят такие лексические единицы, как *хлеб, выпечка, сыры, колбасы*. «Кушанья» имеют в своем составе эквиполентную оппозицию, организующуюся на основе противопоставления по способу приготовления: «вареное»: *суп, борщ, окрошка, солянка, щи, уха, каша, пельмени, вареники, холодец*; «жареное»: *котлеты, шкварки, жареные грибы, жареное мясо, жареная курица*; «печеное»: *хлеб, ватрушка, пирог (налитушки, посыпушки, губник, саламатник, луковик, ягодник, подорожники, жаворонки), булочка, бублик, печенье, блины*; «соленое»: *соленые огурцы, помидоры, капуста*; «моченое»: *моченые яблоки*; «квашеное»: *квашеная капуста*; «маринованное»: *маринованные огурцы, грибы*. Оппозиция «**алкогольное-безалкогольное**» включает: «алкогольное»: *спирт, водка, вино, самогон, первач, пиво*; «безалкогольное»: *квас, компот, кисель, чай, кофе, морс, молоко*.

И.К. Миронова подчёркивает, что лексическая система языка в количественном отношении отражает различные ситуации, связанные с едой, неравномерно (2002). Наиболее объёмным, по её подсчётам, в концептосфере «Еда» является микрополе «Приготовление пищи» (4396 ЛЕ). Такая детальная разработанность данной микроситуации связана с уровнем развития цивилизации в целом и обусловлена тем, что приготовление пищи является одной из разновидностей практической деятельности человека.

Менее разработанными в количественном отношении оказываются лексические объединения, номинирующие ситуации добывания пищи (1770 ЛЕ), еды/кормления кого-либо (1309 ЛЕ),

питья/поения кого-либо (878 ЛЕ), гостеприимства (51 ЛЕ). Минимальное количество лексики, обозначающей микрополе «Гостеприимство», обусловлено особой природой и характером такой номинации, которая, несомненно, является вторичной. Ситуация «Гостеприимство» включается, с одной стороны, в сферу социальных отношений, а с другой стороны, в сферу «Еда». С.Г. Тер-Минасова отмечает, что фрейм «Гостеприимство» более выражен в русском языке, чем в английском:

Положительная оценка

Английский язык: нет примеров.

Русский язык:

Не красна изба углами, а красна пирогами;

Чем богаты, тем и рады.

Отрицательная оценка

Английский язык: нет примеров.

Русский язык:

Незванный гость хуже татарина. [7, с. 70].

«В английском языке идиоматика гостеприимство как общественно значимая черта вообще не представлена ни положительно, ни отрицательно. Русская же отрицательная оценка – *Незванный гость хуже татарина* – связана с печальным опытом татарского нашествия на Русь. С той поры прошли многие сотни лет, все это время русские и татары мирно сосуществуют в одном государстве, но язык хранит память о былых распрях» [7, с. 71].

Анализ семантики лексических и фразеологических единиц выявил, что ядром макрополя «*Приготовление пищи*» является структура, отображающая на ментальном уровне знания о ситуации приготовления пищи. Одной из основных позиций данного поля можно назвать *субъект* (лексические единицы, обозначающие субъекта, непосредственно осуществляющего приготовление пищи): кулинар, кулинарка, кухарка, общепитовец, пицевик, повар, повариха, поварёнок, кок,стряпуха, дегустатор; бараночник, бараночница, булочник, булочница, вафельник, вафельщик, вафельщица, калачник, калачница, колбасник, кондитер, конфетница, конфетчик,

сахарник, сухарник; браговар, винокур, винодел, кашевар, маслодел, медовар, пивовар, пивоварка, салотоп, самогонщик, самогонщица, сыровар, сыродел, сахаровар, хлебопёк, засольщик, засольщица, солильщик, пекарь, пекариха, мукомол, глазировщик; кухарка; виннозаводчик, духанщик, кабатчик, кабатчица, корчмарь, корчмарка, корчемник, кухмистер, кухмистерский, кухмистерша, ресторатор, трактирщик, трактирщица, харчевник, шинкарь, шинкарка, кухарь, кухмистер, кухмистерша, стряпка, меси́ла, меси́льщик, меси́льщица, на́секала, подпека́рь, кашева́рный, квасова́р, маслобо́й, маслобо́йщик, маслото́п, саепёк, салава́р, фру́ктовар, бли́нник, бли́нница, ко́лбасник, кренде́льщик, пиро́жник, пиро́жница, порцио́нист, просви́рня, саха́ринщик, хле́бник, хле́бница, ша́шлычник,

Итак, анализ лексических репрезентаций данного микрополя показал, что для русского языка характерна концептуализация субъекта приготовления пищи по признакам сферы деятельности, способа приготовления, изготавливаемого продукта и владения предприятием, где производится приготовление продуктов питания.

Поскольку современные лингвисты уделяют большое внимание рассмотрению закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, возникла необходимость изучения новых моделей познания когнитивного мира человека [2, с. 179]. В нашем исследовании выделяются вышеперечисленные лексические единицы, образующие концепт «Еда» и репрезентирующие «особенности познавательного опыта конкретного этноса и черты его материальной и духовной культуры. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но, накапливая и сохраняя достижения познавательной деятельности людей, фиксируют и предшествующее состояние культуры» [4, с. 107].

Таким образом, представленный анализ показывает, что ключевой идеей в современной лингвистике является антропоцентричность – неразрывное единство языка и человека, где главной функцией языка является отражение совокупности знаний о мире посредством лексико-семантических единиц.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
2. *Дементьева И.А.* Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Том 15. N2.
3. *Миронова И.К.* Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропорциональные структуры и их лексические репрезентации. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 280 с.
4. *Михайлова О. А.* Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова ; Министерство общего и профес. образования РФ; Урал. гос. ун-т; Науч. ред. Т. В. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.
5. *НОСС 1* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000. 488 с.
6. *Сусов И.П.* Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). – М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.
7. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Slovo, 2000. 624с.
8. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) М.: Гнозис, 1994. 344 с.

“FOOD” CONCEPT REALIZATION IN THE LEXICAL THESAURUS: ANTHROPOCENTRIC APPROACH

O.G. Savelieva, K.S. Voloshina

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study and interpretation of «Food» concept as the basic unit of a person's mental world and the result of their cultural life. On the basis of the analysis performed and

employing anthropocentric approach an attempt to create a thesaurus has been made.

Index terms: «Food» concept, conceptualization, lexico-semantic unit, semantic field, anthropocentric paradigm, view of the world, thesaurus.

Об авторах:

Савельева Ольга Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: savelieva13.05@mail.ru

Волошина Карина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: ksvoloshina@gmail.ru

УДК 81:91

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И КОМПОНЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ГОРНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ»

С.Н. Семенова, А.В. Жандарова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена изучению структурно-морфологического и компонентного содержания терминов. Анализ научных текстов показал, что терминологии имеют специализированные терминологические единицы. Авторы пришли к выводу, что предметная область «Горные экосистемы» представляет собой многоуровневую терминосистему, которая описывает огромное количество фреймов, активизирующихся вокруг экологического ядра.

Ключевые слова: понимание, термин, словообразование, предметная область, массив текстов, гомогенный, гетерогенный.

В данной статье мы исследовали структурно-морфологическое и компонентное содержания однословных и многословных терминов, выбранных из массива текстов предметной области «Горные экосистемы». Исследуя экологическую терминологию, мы параллельно изучили географическую и биологическую терминологии, в состав которых входит широкий ряд наименований.

Анализ научных текстов показал, что указанные терминологии в своем составе имеют специализированные терминологические единицы. Экологическая терминология, используемая авторами многочисленных монографий, научных и научно-популярных статей, может быть нами описана в двух направлениях: 1) путем выявления структурного состава этой терминологии (т.е. изучение корневых, простых производных, композитов); 2) исходя из логического распространения в массиве текстов.

Ю.В. Усманский [6; с. 44] предложил схему структурного строения автономных и компонентных неавтономных терминов и их составляющих. Мы по аналогии построили терминологическую модель предметной области «Горные экосистемы» (рис. 1).

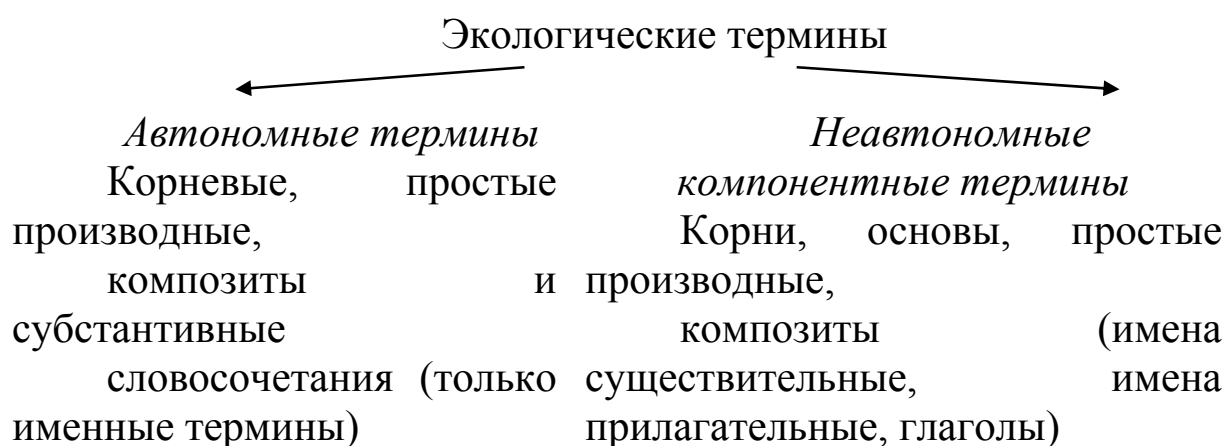

Рис. 1.

Таким образом, состав автономных и неавтономных компонентных единиц отличается. На рис. 1 видно, что в автономные входят не только однословные термины, но и

многословные, т.е. словосочетания. Неавтономные компоненты лексически являются только лишь однословными, т.е. корнями, основами, простыми производными и композитными терминами.

Мы определили содержательные характеристики терминосистемы предметной области «Горные экосистемы». Их содержательное объединение основывается на формальных структурно-морфологических характеристиках терминосистемы. Считаем обязательным учет номинативных свойств языка, понимаемых как способность обслуживать ту или иную потребность терминосистемы при помощи определенных конкретных номинативных средств. В нашей работе исследовано сопоставление словообразовательной активности в рамках английского языка [4, с. 156].

Терминосистемы подразделяют на гомогенные и гетерогенные. В гомогенных системах присутствует номенклатура (животных, растений, природных явлений), построенная на когнитивных принципах. А в гетерогенных системах на первый план выходят простые производные.

Отсюда следует вывод, что в гомогенных терминосистемах подразумевается профильная лексика (наименование животных, растений и т.д.). В гетерогенных помимо профильной лексики представлена отраслевая лексика, общенаучная и общеупотребительная [1, с. 98].

В современном терминоведении и лексикологии термины-слова подразделяются: 1) на простые, или корневые, основа которых равна корню (или корень + окончание); 2) аффиксальные, основа которых содержит корень и как минимум один аффикс; 3) сложные, основа которых содержит несколько корневых морфем.

Определение словообразовательных отношений затруднено тем, что некоторые производные имеют в качестве производящего не одно слово или словосочетание. По этому поводу Т.Х. Каде считает, что «трудности определения производного / производящего возникают при их одинаковой формальной сложности и при семантическом отличии только принадлежностью к разным частям речи; производящее – слово, в котором значение окончания совпадает с категориальной

частью значения основы, а производное – слово, в котором значение окончания противоположно категориальной части значения основы» [3, с. 95–96].

Как известно, аффиксальная система английского языка представлена набором суффиксов и префиксов. Но в нашей работе рассматриваются только суффиксы. По данным Р.Г. Зятковской, число основных суффиксов английского языка составляет 82 единицы [2].

При изучении текстов предметной области «Горные экосистемы» мы обнаружили только 55 суффиксов, которые присутствуют в 2 396 простых производных терминах. Далее представим их с несколькими примерами и количественными характеристиками.

Итак, все суффиксы имеют разную словообразовательную продуктивность, которую мы укажем в скобках:

-able (35 единиц): precipitable – *осажденный (о воде)* и т.д.; **-aceous** (9 единиц): arenaceous – *рассыпчатый* и т.д.; **-acy** (3 единицы): autorigacy – *выпрямление реки*; **-ade** (5 единиц): aggrade – *наполнять* и т.д.; **-age** (42 единицы): drainage – *речная сеть* и т.д.; **-al** (344 единицы): tropical – *тропический* и т.д.; **-an** (149 единиц): archaean –vulcanian – *вулканический* и т.д.; **-ana** (1 единица): tramontana – *ветер, срывающийся в сторону моря с холодных сухих плато*; **-ance** (15 единиц): accordance – *сходство* и т.д.; **-ant** (17 единиц): pollutant – *загрязнитель* и т.д.; **-ar** (15 единиц): angular – *угловой* и т.д.; **-ard** (2 единицы): standard – *поясной*; **-ate** (44 единицы): cancellate – *решетчатый* и т.д.; **-dom** (1 единица): sheikhdом – *территория, которой управляет шейх*; **-drome** (2 единицы): loxodrome – *линия на поверхности Земли, которая пересекает все меридианы под одинаковым углом*, orthodrome – *прямой путь*; **-ed** (139 единиц): toothed – *зубчатый* и т.д.; **-ee** (1 единица): bustee – *трущобы Калькутты*; **-en** (12 единиц): frozen – *ледяной* и т.д.; **-ess** (3 единицы): buttress – *выдающаяся часть горы* и т.д.; **-ette** (4 единицы): terracette – *оползневая терраса* и т.д.; **-ful** (4 единицы): powerful – *мощный* и т.д.; **-i** (2 единицы): alkali – *щелочь*; **-ic** (315 единиц): domestic – *внутренний* и т.д.; **-ics** (10 единиц): mechanics – *механика* и т.д.; **-id** (7 единиц): geoid – *твердое геометрическое тело, идентичное*

земному сфероиду и т.д.; **-ide** (2 единицы): divide – водораздел, slickenside – зеркало скольжения; **-ifer** (1 единица): aquifer – водный; **-ine** (3 единицы): centrocline – центроклин и т.д.; **-ing** (217 единиц): grazing – пастбище и т.д.; **-ion** (377 единиц): accumulation – горы, созданные аккумуляцией и т.д.; **-is** (36 единиц): genesis – рождение и т.д.; **-ish** (15 единиц): greenish – зеленоватый и т.д.; **-ism** (45 единиц): metasomatism – замещение, при котором один минерал замещается другим, magnetism – магнетизм и т.д.; **-ist** (6 единиц): geologist – геолог и т.д.; **-itude** (4 единицы): latitude – широта, amplitude – амплитуда и т.д.; **-ity** (37 единиц): humidity – влажность и т.д.; **-ive** (43 единицы): intrusive – глубинный и т.д.; **-less** (6 единиц): limbless – без конечности и т.д.; **-ly** (4 единицы): particularly – особенно и т.д.; **-ment** (25 единиц): ravinement – оврагообразование и т.д.; **-ness** (6 единиц): hardness – твердость и т.д.; **-ock** (1 единица): monadnock – гора-свидетель, останец выветривания; **-oid** (6 единиц): ellipsoid – эллипсоид и т.д.; **-ol** (1 единица): andosol – темноокрашенная вулканическая почва; **-oon** (2 единицы): monsoon – сезонный ветер; **-or** (2 единицы): equator – экватор; **-ous** (96 единиц): coniferous – хвойный и т.д.; **-ship** (6 единиц): ownership – владение и т.д.; **-ster** (5 единиц): burster – вторжение и т.д.; **-th** (19 единиц): undergrowth – подлесок и т.д.; **-um** (21 единица): continuum – непрерывность и т.д.; **-ure** (12 единиц): pressure – давление и т.д.; **-us** (4 единицы): altostratus – высокоструистые облака и т.д.; **-ward** (1 единица): westward – в направлении запада; **-y** (212 единиц): woody – древесный и т.д.

Анализ терминов предметной области «Горные экосистемы» свидетельствует о том, что все отмеченные суффиксы обладают различной продуктивностью. Самые продуктивные – термины с суффиксами: **-al** (344 единицы), **-ed** (139 единиц), **-ing** (217 единиц), **-ion** (377 единиц), **-ous** (96 единиц) и **-y** (212 единиц). Самые малопродуктивные: **-ana**, **-dom**, **-ee**, **-ifer**, **-ol**, **-ward** [5, с. 180].

Сложнопроизводных, существующих в текстах в форме именных композитов, мы насчитали свыше 1 000 единиц. Эти термины в основном слитнооформленны, т.е. все компоненты пишутся вместе.

Со структурно-морфологической точки зрения мы выявили термины по их количественному составу: двусложные, трехсложные, четырехсложные и пятисложные. Многосложные термины предметной области «Горные экосистемы» были определены по частям речи: существительные и прилагательные.

Итак, для того чтобы отобразить полную картину текстов, представляющих дискурс в предметной области «Горные экосистемы», в нашем исследовании мы рассмотрели помимо экологических терминов географические и биологические термины, поскольку они активно используются авторами в процессе описания проблем, связанных с экологической обстановкой в определенном регионе горной экосистемы. Следовательно, географические и биологические термины представляют значительную часть всех терминов в массиве исследованного нами текстового материала дискурса в предметной области «Горные экосистемы».

Мы пришли к выводу, что предметная область «Горные экосистемы» – сложная структура, в которой выделяют фреймы разного уровня. Основным фреймом выступает фрейм «Экология», который включает такие фреймы, как: жизнедеятельность человека; животный мир; растительный мир; процессы, протекающие в горах (загрязнение горной экосистемы, изменение климата, таяние ледников, перевыпас домашнего скота, горная промышленность, сведение леса, браконьерство, военные конфликты).

Предметная область «Горные экосистемы» представляет собой многоуровневую терминосистему, описывающую огромное количество фреймов, активизирующихся вокруг экологического ядра.

Библиографический список

1. Жандарова А.В. Языковая концептуализация сферы предпринимательства и бизнеса (на материале русского и английского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 172 с.

2. Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка. М., 1971. 188 с.

3. Каде Т.Х. Научные методы лингвистических исследований: Учеб. пособие. Краснодар, 1998. 138 с.

4. Семенова С.Н. Дискурс в предметной области «Горные экосистемы» // Современные проблемы дискурсивной деятельности. Краснодар, 2010. С. 176–209.

5. Семенова С.Н. Характеристики терминосистем дискурса в предметной области «Горные экосистемы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №7. Ч.2. С. 155–159.

6. Усманский Ю.В. Структурные и содержательные свойства химического словаря: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. 200 с.

STRUCTURAL-MORPHOLOGICAL AND COMPONENT CONTENTS OF TERMINOLOGICAL SYSTEM OF SUBJECT AREA “MOUNTAIN ECOSYSTEMS”

S.N. Semenova, A.V. Zhandarova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of structural-morphological and component contents of terms. The made analysis of scientific texts' corpus showed that terminological systems had specialized term units. The researchers came to the conclusion that the investigated subject area “Mountain Ecosystems” is a multileveled terminological system describing a great number of activated frames around the ecological terms' center.

Index Terms: understanding, term, word-formation, subject area, text corpus, homogeneous, heterogeneous.

Об авторах:

Семенова София Новиковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной

сфере Кубанского государственного университета; e-mail: simonyan.gretta@yandex.ru

Жандарова Анна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: vi_r@mail.ru

УДК 811.111

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЧЕРЕЗ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

**(на материале современных учебников английского и
русского языков)**

В.Н. Семерджиди

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается социо- и лингвокультурная направленность дидактического текста по иностранному языку. Показано, что лингвистическое многообразие текстов по жанрам, стилям и функциям позволяет отразить актуальные факты современной действительности страны изучаемого языка в различных сферах деятельности и в различных жизненных ситуациях, что способствует развитию речевой деятельности и социокультурной компетенции учащихся.

Ключевые слова: дидактический текст, социокультурная компетенция, социально-культурный тезаурус, социум, диалог культур.

Наиболее актуальным сегодня представляется изучение языка как отражения модели мира, мировоззренческих установок, системы культурных ценностей и формирования социокультурной компетенции.

Особая роль социокультурной компетенции заключается в том, что она предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном многокультурном мире.

Вслед за В.В. Сафоновой мы считаем, что социокультурная компетенция обеспечивают «возможность ориентироваться в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды, избежать социокультурные «ловушки» и препятствия, прогнозировать возможные социокультурные помехи в условиях межкультурного общения и способы их устранения» [5, с. 64].

В ходе получения социокультурных знаний в различных видах деятельности приобретаются умения выделять в них общечеловеческие культурно-этические, нравственные ценности, которые создают атмосферу обращенности к человеческой личности, готовой к общению на межкультурном уровне, способной к сопереживанию, стремящейся к самоактуализации.

Решению основных лингвистических и социокультурных задач способствуют дидактические тексты (ДТ) в учебниках по иностранному языку (ИЯ), которые вводят реципиентов в мир культуры страны изучаемого языка.

Как показывает анализ учебников «Cutting Edge» (издательства Longman), «Inside Out» (издательства Macmillan), «По России...с любовью» (издательства «Флинта», «Наука») все ДТ отражают широкий срез общественной деятельности, описывают различные сферы жизни: учебно-трудовая, семейно-бытовая, социально-культурная, общественно-политическая. Иными словами, в каждом ДТ, как «неком снятом моменте процесса» [3, с. 9], отражаются особенности взаимоотношения современного дискурсивного общества в широком и разнообразном социокультурном контексте.

Кроме того, для «погружения» адресатов в разные лингвокультурные сферы современного социума в проанализированных учебниках представлены тексты самых разных стилей и жанров: статьи из различных газет и журналов, короткие рассказы, отрывки из повестей и дневников, стихи, песни, письма и факсы (личные, деловые), инструкции, постеры, рекламные объявления, вывески, комиксы, планы, кулинарные рецепты, психологические тесты и т. д.

Такое лингвистическое многообразие текстов по жанрам, стилям и функциям позволяет отразить актуальные факты современной действительности страны изучаемого языка в различных сферах деятельности и в различных жизненных ситуациях, а также представить различные формы речевого узуса, что способствует развитию языковых навыков у учащихся и овладению ими утилитарными навыками и умениями.

Наличие газетных и журнальных статей в качестве ДТ в анализируемых учебниках по английскому языку объясняется тем, что медиа тексты являются сегодня одной из самых распространённых форм бытового языка.

Как отмечает Т.Г. Добросклонская, «газета – это богатейший языковой и социально-культурный тезаурус, своего рода неиссякаемый источник живой информации о стране изучаемого языка; текст, запечатляющий все нюансы движения языковой нормы» [4, с. 238].

Следует отметить, что в условиях информационного общества и с появлением новых информационных технологий к текстам массовой информации в последние годы прибавились тексты, взятые из Интернета (электронные статьи и электронная реклама, а также электронные письма, факсы и т. д.). Как показывает наше исследование, специфика компьютерной коммуникации и её постоянно растущее значение находят своё отражение в ДТ по ИЯ в учебниках зарубежных изданий (Longman, Macmillan).

Функциональные тексты (объявления, анкеты, программы телепередач, прогноз погоды, астрологический прогноз, афиши, меню, кулинарные рецепты, путеводители, удостоверения личности, билеты и т.д.), относящиеся к сфере нехудожественной коммуникации и созданные «для организации поведения адресата в плоскости «индивид – предметная среда» [1, с. 23], мы вслед за И. Л. Бим и Л. А. Борходоевовой называем «прагматическими текстами». Использование этих текстов в качестве ДТ по ИЯ (английскому и русскому) объясняется тем, что они окружают человека в сфере его социальной активности и значимы для создания иллюзии приобщения к чужой среде обитания и языка.

Специфичность прагматических текстов заключается в том, что они обеспечивают общение с реальными предметами, стимулируют почти подлинную коммуникацию: учащиеся как бы проживают все события, играют определенные роли, решают различные социальные проблемы (заполнения анкет, выбора учебного центра и профессии, меню, покупок, посещения зрелищных мероприятий, экскурсий, и т. д.), удовлетворяют свои познавательные интересы. Прагматические текст, с одной стороны, информируют, а с другой стороны, инструктируют реципиента, а также регулируют поведение учащихся в сфере их социальной активности.

Таким образом, из ДТ по ИЯ, воплощающего сложность и многообразие большого мира, реципиенты узнают о моральных, нравственных, духовных ценностях, взаимоотношениях человека и общества, о семейном и бытовом укладе, о национальных обычаях, обрядах и т.д.

Специфика ДТ состоит в том, что он не столько описывает какой-либо фрагмент действительности, сколько восполняет отсутствие иноязычной среды и является тем пространством, которое предоставляет обучаемым «возможность длительного и активного пребывания в нём с целью изучения языка и культуры...» [6, с. 30].

Развитию социокультурной компетенции способствуют изображения, которые описывают участников событий (людей и их чувства), время (событие, движение и покой), пространство (природные явления и вымысел) и играют знаковую роль в антиципации (предвосхищении) информации, помогают создать определённые образы о стране изучаемого языка, образ предмета, ситуации и сами являются источником информации. «Изображение никогда не читается само по себе, при его чтении мы сознательно или же подсознательно используем свои переживания, культуру, то есть воспринимаем его с точки зрения своего социологического фона» [2].

Также следует отметить важную роль аудио и видео материала, который является неотъемлемой частью современных учеников по английскому языку. Этот материал дает большие возможности показать учащимся особенности не только

языковые, но и поведенческие, способствует пониманию ментальности носителей изучаемого языка, а также особенностей коммуникативного поведения.

В связи с этим следует подчеркнуть, что ДТ по ИЯ ориентирует не только на обсуждение грамматических правил, понятий, но и на размышление об общечеловеческих ценностях. Рассуждения, выражение своего мнения по прочитанному тексту даёт возможность организовать диалог культур.

Очевидно, что ДТ по ИЯ способствует воспитанию и социализации человека как личности, разделяющей систему ценностей, знаний, мнений, норм и правил поведения общества посредством таких концептов как «семья», «учёба», «работа», «деньги», «еда», «экология», «здоровье», «эмоции», «дружба», «свобода», «красота», «счастье» и др.

Таким образом, анализ учеников показывает, что ДТ по ИЯ как коммуникативная единица является источником социокультурной информации, объектом иллюстрации языковых факторов, материалом для развития речевой деятельности и способствует развитию социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция в свою очередь способствует интеграции реципиента в систему национальной и мировой культуры, гуманистическому отношению к миру, людям, к самому себе, развивает человека как личность, как субъекта культур.

Библиографический список

1. *Борходоева Л.А.* Прагматический текст как средство формирования социокультурной компетенции студентов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. Улан-Уде, 2002.

2. *Вегвари В.* Новые технологии в обучении русскому языку как иностранному. «Русский язык за рубежом», 2001. № 2. С. 54–57. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr> 2001-02/28_186 (дата обращения 11.03.2017).

3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.

4. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиа текстов (опыт исследования современной английской медиа речи). М.: МАКС Пресс. 2000. 288 с.

5. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.

6. *Семерджиди В.Н.* Семиотические закономерности функционирования феноменов паралингвистики в дидактических текстах (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 208 с.

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOCULTURAL COMPETENCE THROUGH THE DIDACTIC TEXT IN FOREIGN LANGUAGES (ENGLISH AND RUSSIAN)

V.N. Semerdzhidi

Kuban State University, Krasnodar

The article investigates the sociocultural orientation of the didactic text in foreign languages. It is revealed that the linguistic variety of the texts in genre, style and functions reflects the acute facts of the modern life of the country of the foreign language in various spheres of activity and in various situations, which helps to develop speech activity and sociocultural competence of the students.

Index terms: didactic text, sociocultural competence, sociocultural thesaurus, socium, cultural dialogue.

Об авторе:

Семерджиди Валентина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: tinasem@rambler.ru

РЕЧЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

О.В. Сергеева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Внимание фокусируется на языковой личности учителя, его речи, так как является источником определенных знаний, проводником общественных нравственных ценностей. Зачастую является примером для подражания в подростковой среде в некоторых жизненных ситуациях. Преподаватель должен уделять особое внимание тому, какие им используются языковые средства и как.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативность, профессиональная направленность, речевой акт, мотивация.

В настоящее время актуальнейшим вопросом нашего современного общества является вопрос о языковой личности преподавателя, его речи, поскольку создаваемые именно преподавателем языковые образы оказывают огромное влияние на формирование личности обучаемого, его психическое состояние, позитивное или негативное. Являясь источником определённых знаний, проводником определённых общественных нравственных ценностей, зачастую примером для подражания в подростковой среде в некоторых жизненных ситуациях, преподаватель должен уделять особое внимание тому, какие им используются языковые средства и как. Задача данной работы – охарактеризовать языковую личность преподавателя, его речь и особенности его речи.

Решение поставленной задачи предполагает два основных аспекта: представить текстовую характеристику речи преподавателя и оговорить аспекты теоретизации. Для обоих аспектов принципиальна мотивация речевого акта и её определённая связь с социально-профессиональными характеристиками: «...участники речевого акта вступают в

общение только при необходимости решить свои воздействующие цели» [6, с. 43]. В научной школе Г.Г. Матвеевой обосновано и то, что высказывания коммуниканта во многом зависят от социальной, в том числе и от профессиональной направленности.

В целях репрезентативности привлечён материал из речевой деятельности преподавателя, из его речевой практики, отражающий всю меру профессиональной направленности в речи преподавателя.

Для языковой личности преподавателя литературы показательны размышления о том, как правильно и интересно построить свой урок, чтобы охватить весь класс и дать всем учащимся возможность проявить себя на уроке: «Как провести урок? В форме беседы? Нет. Это в какой-то степени распылит материал, и вряд ли каждый постигнет образ Рахметова во всём объёме и глубине.

Может доклад сильного студента? Доклад? Нет, вряд ли он окажется результативнее лекции преподавателя. И всё-таки необходим доклад, это точно. Только в новой форме: студенты должны встать в позицию исследователей. И это получится, если докладчиком будет не один студент, которого я назначу, а все вся группа.

Чтобы ребята были не пассивными слушателями, нужно предложить им по ходу доклада набросать его план и потом сравнить этот план со своим. Надо раздать каждому карточки с планом рецензии: 1) раскрыта ли тема? 2) достаточно ли доказательств? 3) последовательно ли расположен материал? 4) что вызывает возражения, что можно дополнить? 5) каков язык докладчика? 6) какую оценку заслужил докладчик?»

В рассматриваемом случае воздействующие цели определяются в нескольких взаимосвязанных плоскостях: воздействие преподавателя на учащихся; учащихся на преподавателя.

Наиболее специфична характеристика аналитичности для языковой личности преподавателя. Что такое языковая личность вообще? Как считает Ю.Н. Караулов, языковой личностью является «любой носитель того или иного языка,

охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [4, с. 51].

В данном случае автор представлен как личность, способная адекватно оценить возможности учащихся и их знания, а также ход урока. С этим взаимодействует другая группа средств, определяющих языковую личность: адекватная характеристика возможных действий учащихся, как слабых, так и сильных.

Для языковой личности другого преподавателя показательны негативные оценки студента: «Что ты там делаешь? Почему не слушаешь? Ты стал плохо вести себя ... Как ты разговариваешь с преподавателем? Встань! Выходи отсюда!» В данном случае все речевые высказывания преподавателя включают элемент конфликтности. Для языковой личности этого преподавателя наиболее специфична характеристика конфликтности. С одной стороны, этот преподаватель представлен как личность, способная адекватно оценить неправильное поведение учащегося. Однако, с другой стороны, проанализировав поведение учащегося, преподаватель неадекватно отреагировал на него.

В следующем примере директор одной из средних общеобразовательных школ свою речевую деятельность построил адекватно ситуации, возникшей между двумя учащимися: «Можете объяснить, почему вы поссорились, из-за чего возникла драка? Это секрет? Тогда сделаем так, даю вам 5 минут – поговорите как мужчина с женщиной, только без кулаков и оскорблений, тихо, мирно выясните свои отношения».

Наиболее специфична для директора адекватная оценка взаимоотношений учащихся и видение выхода из конфликтной ситуации, что выражается в подборе именно этих языковых средств.

Как можно заключить из вышеприведённых примеров речь преподавателя, его языковая личность зависят от определённых личностных качеств, умения использовать свой педагогический

опыт и талант в конфликтных ситуациях с учащимися, от педагогической компетентности того или иного преподавателя.

Специфика данного материала побуждает соотнести аспекты его теоретизации. Из них выделим три основных, тесно связанных между собой и ранее не интегрировавшихся.

Первый – общая значимость личности преподавателя, её реализация, дидактическая коммуникация для языкознания. Она закономерно служит, в частности, основой лингвистического моделирования коммуникативного процесса в целом. Это связано и с соответствующими тенденциями в развитии подсистем определённых языков, в частности, русской лексики [2, с. 203].

Второй аспект – имманентная конфликтность личности, включая языковую, которую в дидактических коммуникативных ситуациях необходимо максимально позитивировать, а для этого – ясно представлять. Так в специальном исследовании обосновано, что враждебность к другому укорена имманентно: вызвана необходимостью удовлетворить основные потребности и избавляться от страхов: «борьба людей между собой является естественной формой поведения человека... конфликты вездесущи и стремление к вражде непреодолимо, эскалация насилия лежит в природе человека... внутреннее напряжение, внутренние противоречия ... и естественны, и необходимы для развития и совершенствования самой личности. Будучи двигателем развития, внутренние противоречия в то же время являются основой конфликта...» [1, с. 75]. Следует подчеркнуть, что эту установку ни в коем случае нельзя абсолютизировать, однако игнорировать её – значит отказаться от познания и множить конфликтные ситуации с учащимися в данных случаях. Конфликтность же дидактической коммуникации отражается специальными словарями. Отметим, что в свете подобных случаев оказывается закономерным развитие логической структуры понятия «языковая личность». Один из основателей теории языковой личности Ю.Н. Караулов первоначально выдвинул тезис о том, что языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка [4, с. 93]. Но такой подход подразумевает некоторую отстранённость от обыденной, повседневной жизни. Позднее Ю.Н. Караулов несколько смягчил

свою точку зрения, которая изложена выше. Рассмотренный материал подкрепляет именно эту, динамическую сторону языковой личности.

Третий аспект теоретизации в зеркале речи преподавателя – это отображение в речи преподавателя различных тенденций общества, призма, сквозь которую явлены и позитивные и негативные стороны жизни.

С развитием интереса к языковой личности вообще и к речи преподавателя в частности, возрастает и интерес к наукам, чьим предметом она является – психолингвистике, которая рассматривает человека говорящего, *homo loquens*, во всей совокупности его проявления в речи, и социолингвистике, которая рассматривает различные воздействия социальной среды на язык и на речевое поведение людей.

Э. Тоффлер рассматривал развитие учительства и, в частности, речи преподавателя как движение волн цивилизации «...Третья волна несёт с собой ... новый строй жизни...» По его обобщению, в информационном обществе речь идёт о производстве и потреблении информации, в котором становится не просто товаром, но двигателем развития общества, а ориентация на широкого потребителя затронула и сферу духовную, приведя к нивелированию стандартизации и массовизации культуры. Поэтому речь преподавателя должна быть чётко выверена и представлять собой образец, которому необходимо подражать, и хотелось бы подражать. Разумеется, такое речевое умение преподавателя складывается из разграничения общесистемного значения слова и психологической структуры значения как специфического образования.

В первую очередь преподаватель сначала для себя, для своего внутреннего Я, старается показать, как именно он понял то или иное слово. Затем стремится передать понимаемое учащимся своими словами. С этой точки зрения «переформулирование» идентифицируемого слова можно трактовать как эксплицитный репрезентативный ответ, на каких аспектах значения слова акцентировано внимание, какими именно средствами обеспечено понимание.

Проблема индивидуального лексикона современного преподавателя является одной из наиболее спорных и актуальных проблем в нашей стране. Сегодня внимание акцентируется на различных аспектах специфики его лексикона.

При постановке задачи исследования внутреннего лексикона преподавателя как достояния активного субъекта речемыслительной деятельности и общения решение теоретических вопросов непосредственно связано с разработкой психолингвистической теории значения слова с позиций более широкой концепции специфики функционирования языкового/речевого механизма преподавателя с учётом особенностей индивидуального знания, механизмов его становления и использования.

Особую роль в индивидуальном лексиконе преподавателя играет его «ядро», при разностороннем исследовании которого важно проводить широкие межъязыковые сопоставления, обеспечивающие выявление универсальных тенденций их реализации.

Кроме того, в языке существуют «зоны», в большей или меньшей степени чувствительные к влиянию социальных факторов, и в речи преподавателя они должны проявляться наиболее явно, поскольку именно его речь, как уже говорилось, является эталоном для учащихся. Например, формы обращения к собеседнику, стереотипы приветствий, прощаний, поздравлений, извинений и т.п. – то есть вся система речевого этикета преподавателя в наибольшей степени обусловлена социальными характеристиками и ситуацией общения. К сожалению, как следует из приведённых выше примеров, владеют этой системой в силу индивидуальных проявлений конфликтности.

В лингвистических описаниях отмечаются факты социальной маркированности формы языковых единиц, что присутствует и в приведённых примерах речевой деятельности преподавателя.

Социолингвисты обращают внимание на то, что социальные различия между людьми проявляются не только «поверхностно» - например, в том, как преподаватель произносит одни и те же слова, но и более глубоко. Например, эти различия могут быть

«встроены» в значение языковой единицы или в правила её сочетаемости с другими единицами, что должно учитываться преподавателем в его речевой деятельности. Тем самым речь может идти не только о том, что социальные факторы обуславливают функционирование и развитие речи преподавателя, но и о том, что они являются компонентами содержательной структуры речи.

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми – межличностные и институциональные (т.е. реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре, например, в школе), а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые в самом грубом виде можно разделить на отношения подчинения (или зависимости) и отношения равенства. Преподавателю необходимо в своей речи учитывать эти значения, чтобы установить определённый баланс в ситуации общения с учащимися.

Библиографический список

1. *Белянин В.П.* Психолингвистика. Москва. Из-во «Флинта». Московский психолого-социальный университет, М.: 2004.
2. *Дяговец И.И.* Система единиц русского языка. Иерархический разр. Донецк. Донецкий нац. Университет, ООО «Лебедь», 2008.
3. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. РГГУ. М.: 2000.
4. *Караулов Ю.Н.* Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия, М.: 2003.
5. *Крысин Л.П., Беликов В.И.* Социолингвистика. РГГУ. М.: 2001.
6. *Матвеева Г.Г.* Объективные и субъективные ограничения свободы коммуникантом лингвистических единиц// Личность, речь и юридическая практика. Ростов-наДону: ДЮИ, Вып. 10, Ч. 2. 2007.

TEACHER SPEECH

O.V. Sergeeva

Kuban State University, Krasnodar

Focuses on the linguistic identity of the teacher, his speech as a source of specific knowledge conductor public moral values. Often the role models for adolescents in some situations. The teacher should pay special attention to what they used language means and how.

Index terms: language personality, communication, professional orientation, speech act, motivation.

Об авторе:

Сергеева Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: ov23@inbox.ru

УДК 81'38: 811.11

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М.В. Спасова

Кубанский Государственный Университет, Краснодар

Данная статья посвящена новой форме языкового взаимодействия, а именно Интернет-коммуникации в современном английском языке. Интернет рассматривается как новая коммуникативная среда со своими собственными формами реализации языка. Рассматриваются специфические особенности Интернет-коммуникации в англоязычном сегменте Интернета.

Выделяются и классифицируются ее стилистические особенности.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, неологизм, функциональный стиль, окказионализм, спонтанность, языковая игра.

Тенденцией последнего десятилетия является широкое распространение различного рода Интернет-общения, связанного с развитием цифровых технологий. Средства массовой информации в целях поддержания обратной связи со своей аудиторией организуют страницы обсуждений всех публикуемых материалов, поощряя общение не только со средством массовой коммуникации, но и обмен мнениями между читателями и зрителями. Усовершенствовались функции электронной почты, которые позволяют теперь создавать групповой обмен мнениями, получили широкое распространение личные блоги, где автор, являющийся частным лицом, а не представителем средств массовой информации, может опубликовать свое мнение по любому вопросу и установить тем самым повестку дня по меньшей мере для своей аудитории, которая в свою очередь может высказать свое мнение по тематике публикации, бурно развивается общение в социальных сетях. «С появлением и развитием Интернета возникают новые модели социального взаимодействия, образование виртуальных сообществ, базирующихся, главным образом, на онлайн-коммуникации. Необходимо отметить, что виртуальное сообщество – рождение новой формы сообщества, объединяющего людей в онлайн-режиме вокруг общих ценностей и интересов и образующего связи поддержки и дружбы, которые могут распространяться также и на межличностное взаимодействие» [2].

Все это с неизбежностью приводит к созданию новой формы языкового взаимодействия – письменной разговорной речи, специфические особенности которой в англоязычном сегменте Интернета и являются предметом данной статьи. По мнению ряда исследователей, речь идет о возникновении нового стиля английского языка – стиле Интернет-коммуникации.

Английские исследователи называют этот новый функциональный стиль «Веблиш» (Web+English) или netspeak.

Особенностями стиля Интернет-общения являются: 1) свободный разговорный стиль общения при письменном произношении; 2) использование стилизованных графических изображений человеческого лица (т.н. «смайлы»), или даже просто их текстовые коды; 3) специфическое построение фраз; 4) интернет-мемы; 5) большое количество сокращений, (аббревиатуры и сокращения слов), которые зачастую выходят за пределы интернет-общения и переходят в повседневную разговорную речь; 6) высокая степень словообразования, включающая окказионализмы, строящиеся по распространенным моделям словообразования и поэтому понятным собеседникам, что вызвано спонтанностью данного стиля речи, несмотря на то, что он является письменным; 7) спонтанность; 8) нарушения грамматической структуры предложения; 9) экспрессивность (эллипсис, парцелляция, амплификация); 10) элементы фонологического письма; 11) гипертекстуальность.

Свободный разговорный стиль общения вызван спецификой Интернет-коммуникации, которая одновременно является синхронной и спонтанной, как и устная разговорная речь, поскольку такая речь является диалогом или полилогом в режиме реального времени: «монологические тексты отдельных пользователей являются реакцией на предыдущие сообщения и стимулом для последующих, что делает эти тексты в высшей степени диалогичными. Письменная по форме речь...исправляется на ходу, содержит повторы, оговорки, самоперебивы, уточнения, добавления, т.е. характеризуется прерывистостью» [4].

С другой стороны, в отличие от устной речи во время Интернет-коммуникации всегда возможен отложенный ответ, частичная подготовленность и редактирование собственного сообщения. Такой эклетичный характер интернет-коммуникации приводит к тому, что по сравнению с устной речью сохраняется письменное произношение, а фонологическое письмо в данном случае является не только способом увеличения скорости ответа, но и во многих случаях осознанным выбором автора сообщения.

То есть, он является своего рода языковой игрой с целью эмфатизации высказывания, достижения комического эффекта, а также для перехода на менее формальный, более личный уровень общения. Последнее является существенным, поскольку интернет-общение не происходит лицом к лицу и обычные паралингвистические средства общения недоступны для собеседников. Например, написание слова *ever* как *evar* служит для создания комического эффекта и имеет ярко выраженный иронический смысл: "This is the best picture of a walrus with a bukkit EVAR!!!! Bukkit в данном случае также является фонологическим написанием слова *bucket* – ведро, и его написание также является осознанным выбором автора высказывания, направленным на создание комического эффекта. Сюда же можно отнести, обращение *gals* вместо общепринятого *ladies*, которое служит для придания большей близости и неформальности в общении. Другим ярким примером является фраза *True dat*, при конвенциональном написании уровень коннотации данной фразы будет снижен и автор высказывания не добьется желаемого эффекта.

Таким образом, фонологическое письмо является инструментом для передачи оттенков высказывания и, на наш взгляд, не только не обедняет язык, но скорее обогащает его, придавая речи новые оттенки и смыслы, и даже находит свое место в поэзии. Возьмем для примера стихотворение, выигравшее поэтический конкурс газеты "The Guardian" в 2005 году среди владельцев портативных электронных устройств:

"I left my pictur on th ground wher u walk
so that somday if th sun was jst right
& th rain didnt wash me awa
u might c me out of th corner of yr i & pic me up"

Аграмматизм в интернет-общении служит тем же функциям и зачастую перемежается со сложными и грамматически правильными конструкциями в рамках одного и того же сообщения: «48 Designer Kitchens You Gotta See We've chosen our 48 favorite kitchen designs. From traditional to modern, elegant to cozy and casual, these rooms are true hearts of the home». «We all know what it's like to suffer from sore muscles. Achy Legs. Arms like

lead weights. Getting out of bed in the morning – owwww! It's a struggle to get through the day».

Интересным феноменом являются интернет-мемы, поскольку в повседневном общении помимо широкого использования разнообразных мемов также распространены ссылки на них, которые так же несут коннотативную функцию. Если мы вернемся к вышеприведенному примеру: "This is the best picture of a walrus with a bukkit EVAR!!!!», то мы увидим здесь отсылку к мемам, то есть юмористическим картинкам, сопровождающимся забавными надписями, изображающим моржа, где именно данное ненормативное написание слова bukkit является нормой, выполнено осознанно и направлено на усиление комического эффекта.

Еще одной стилистической особенностью являются использования слов like, kind или его фонологическая разновидность kinda: «This is, like, the only way to make it work», «That's kinda stupid». Широкое использование данных лексических единиц вызвано необходимостью компенсации отсутствия паралингвистических приемов общения в интернет-коммуникации и направлены на снижение категоричности высказывания и принятие во внимание эмоций собеседников и их возможное несогласие с данным высказыванием. Этой же цели служат такие вводные фразы как I don't think или I don't know как вводные фразы несогласия с мнением собеседника. При этом вторая фраза получила настолько широкое распространение, что повсеместно используется ее аббревиатура – idk: «A mysterious abbreviation. No one actually seems to know what it means. - "What does IDK mean?" - "I don't know"».

Создание и широкое распространение так называемых «смайлов» также служит целям компенсации отсутствия общения лицом к лицу при интернет-коммуникации и нацелено на выражение симпатии к собеседнику, или выражения личного эмоционального отношения к высказанной мысли.

Еще одной стилистической особенностью интернет-коммуникации является высокая степень использования неологизмов, более того, Интернет-коммуникация в настоящее время является одним из источников словообразования в

английском языке. Наиболее продуктивными являются аббревиатуры и сокращения, но также широко распространены контаминация и словосложение. Нередки авторские неологизмы, т.е. слова окказионализмы, созданные по продуктивным моделям словообразования, существующими в английском языке. А поскольку «автором» в настоящее время является любой пользователь интернета, то в данном случае мы имеем дело с «языком в его обнаженной форме», который создается «без выпускающих редакторов, которые берут язык и стандартизируют его до его безликости» [1]. Например: As for the *anvilous* explanation for K's depression – well, one would think that anyone familiar with the first two movies could think of dozens of reasons why K isn't exactly a happy camper even before the events of this movie but the movie insists on giving us a needless explanation anyway. *Anvilous* – в данном случае имеет значение «слишком очевидный» и имеет происхождение от телевизионного тропа «anvil» - «нечто слишком очевидное». В данном случае мы имеем дело с авторским окказионализмом, подхваченным другими пользователями интернета, но еще не кодифицированным словарями.

Подводя итоги, отметим, что Интернет-коммуникация стала неотъемлемой частью жизни современного общества, а «современная действительность диктует свои правила, привнося изменения как в сам социум, так и в его деятельность, и, соответственно, в языковые системы» [3, 148].

И в заключение хочется отметить, что на наш взгляд, вопреки опасениям многих язык Интернет-общения не убивает и не размывает язык, а обогащает его привнося в него новые грани и расширяя языковые нормы. Умберто Эко в своей лекции о тексте и гипертексте, прочитанной им в МГУ сравнил опасения, существующие сейчас с опасениями перед любым новыми тенденциями, серьезно влияющими на язык. Что сказал в свое время Умберто Эко о письменной речи можно смело отнести и к речи современных Интернет-коммуникаций: «У Платона в конце диалога "Федр" есть такой пример: Гермес, предполагаемый изобретатель письменности, демонстрирует фараону Таммузу изобретение, которое позволит людям помнить то, что иначе

пропадет в забвении. Фараон не рад и говорит: «Хитроумный Тот! Память – дивный дар, ее надо постоянно поддерживать. Из-за твоего изобретения у людей испортится память. Они будут вспоминать не благодаря внутреннему усилию, а благодаря внешней поддержке». Согласимся с этим фараоном. Письмо, как всякая новая техническая поддержка, ослабляет силу человека. Так, автомобиль вредит способности ходить. Письмо опасно, потому что ослабляет силу ума, предлагая людям окаменевшую душу, карикатуру на ум, минеральную память. Платон, конечно, иронизирует. Он приводит аргумент против письма, но вкладывает его в уста Сократа, который ничего не писал. Именно поскольку он не публиковался, Сократ потерпел поражение – в академическом плане.

В наше время никто из-за письма не волнуется по двум простым причинам. Во-первых, мы знаем, что книга – это не способ присвоить чужой ум, наоборот, книги – машины для провоцирования собственных новых мыслей, и только благодаря изобретению письма есть возможность сберечь такой шедевр спонтанной памяти, как "В поисках утраченного времени" Пруста. Во-вторых, если когда-то память тренировали, чтобы держать в ней факты, то после изобретения письма ее стали тренировать, чтобы держать в ней книги» [5].

Библиографический список

1. *Straw, R.* The Internet: Communication Corruptor or Language Liberator? Journal of Young Investigators. Biology and Science Journalism. June 2005. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.jyi.org/issue/the-internet-communication-corruptor-or-language-liberator/> Дата обращения: 14.03.2017
2. *Иванова Т.С.* Речевое поведение Интернет-общения. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-povedenie-internet-obscheniya> Дата обращения: 14.03.2017
3. *Семерджиди В.Н.* Особенности неологизмов XXI века (на материале английского и русского языков) Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Книга 10. Краснодар, 2016 С.144-150

4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://stylistics.academic.ru> . Дата обращения: 14.03.2017

5. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php
Дата обращения: 14.03.2017

Источники

<http://www.hgtv.com/design/rooms/kitchens/best-of-designers-portfolio-kitchens-pictures>

<http://www.urbandictionary.com>

<https://www.theguardian.com>

<http://www.flickfilosopher.com/2012/05/men-in-black-iii-review.html>

<https://www.entrepreneur.com/article/279159>

This article is devoted to the new form of language interaction, namely, Internet-communication in the modern English language. The Internet is considered as new communicative sphere with its own forms of the language realization. Specific features of Internet-communication in the English-speaking segment of the Internet are focused on. Its stylistic peculiarities are classified.

Index terms: Internet-communication, functional style, occasional word, spontaneity, neologism, lingual game.

Об авторе:

Спасова Мария Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере; e-mail: mspasova@mail.ru

ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ

Л.В. Толстикова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается понятие языковой игры как способа повышения экспрессивности текстов английских и русских газет. Целью языковой игры является выражение денотативного или коннотативного смысла, добавочного к выраженному смыслу. Языковая игра на фонетическом уровне создается на основе приемов паронимии, ритма, рифмы, созвучия, аллитерации, ономатопеи. Прием графического выделения наиболее частотен в качестве дополнительного средства экспрессии и нацелен произвести на читателя эмоциональный эффект удивления и сожаления. Языковая игра на словообразовательном уровне представлена, главным образом, использованием окказионализмов и нацелена на создание комического эффекта.

Ключевые слова: языковая игра, газетный дискурс, окказионализм, каламбур, зевгма, прецедентный текст, концепт.

Посредством языковой игры на страницах газет осуществляется экспрессивная функция газетного дискурса. Феномен языковой игры основан на том, что на газетной полосе журналист и читатель постоянно пользуются двойным языковым кодом, переходя от эксплицитного способа выражения и восприятия смысла на имплицитный и, наоборот, вследствие чего и тот и другой находятся в положении «человека играющего» [8, с. 4]. Языковая игра – это особый вид речетворческой семантической деятельности [4, с. 130]; совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, целью которых является получение «квалифицированным» (посвященным) читателем-эрудитом

эстетического удовлетворения от построенного на игровых взаимоотношениях с ним текста [5 с. 133]. Непременным условием языковой игры является использование в ее процессе такого вида ментальной деятельности, при котором производитель речи апеллирует к презумптивным знаниям получателя и «подталкивает» его к установлению умозаключения [6, с. 125], в качестве посылок которого выступает вербализованный текст и невербализованные пресуппозиции – фонд общих знаний производителя и получателя речи.

Феномен языковой игры в речетворческой деятельности говорящего имеет место: 1) при некоем нарочитом, преднамеренном использовании языковых средств без нарушения языковой нормы, 2) при сознательном отступлении от языковой нормы, 3) при обращении к прецедентным текстам, которое сопровождается апелляцией к литературным и культурологическим знаниям реципиента. Целью языковой игры во все трех случаях является выражение денотативного или коннотативного смысла, добавочного непосредственно, то есть без помощи языковой игры, к выраженному смыслу [4, с. 131].

Языковая игра и другие средства выразительности речи оказывают большую помощь при образовании эмоционального компонента концепта. При этом они могут быть общими в обоих дискурсах. Например: *However, hopes in Dublin that last night's crisis talks bring an end to the saga are misplaced. ...the draconian measures outlined in the emergency budget will kill off any prospect of economic revival, and they take fright at the impact of weak growth on Ireland's zombie banks* [The Guardian, November 17, 2010, P. 18].

Перевод:

Однако, надежды Дублина, что недавние переговоры по поводу кризиса положат конец этой саге, неуместны. ... *безжалостные меры*, выраженные в чрезвычайном бюджете уничтожат любую перспективу экономического возрождения, и не выдержат воздействию слабого роста на *зомбированных банках* Ирландии (перевод наш – Л.В.).

Apocalypse Now [там же].

Перевод:

Наступил *Апокалипсис* (перевод наш – Л.В.).

The *Celtic tiger* is gasping for breath [там же].

Перевод:

Кельтский тигр задыхается (перевод наш – Л.В.).

Или:

But, says Barsche, 46, “that’s exactly the ‘*devil’s circle*’ we find ourselves in as members of the *euro*” [там же].

Перевод:

Но, говорит Барше, 46, «это точно «*круг дьявола*», в котором мы окажемся, будучи членами «*Евро*» (перевод наш – Л.В.).

Эмоциональный компонент концепта «Crisis/Кризис» в газетном тексте представляет собой дополнительное содержание, которое, накладываясь на основное значение, создаёт «экспрессивно-эмоционально-оценочный обертон» и создает в сегменте определённую напряженность, граничащую с отчаянием. Подчеркнем, что при реализации концепта посредством лексических средств (в данном случае с помощью ключевых слов) происходит актуализация второстепенных признаков концепта. Вокруг такого смыслового центра («общий экономический спад/борьба с его последствиями») и при помощи второстепенных признаков концепта в ментальном мире реципиента создается необходимое представление о происходящем. В вышеприведенном примере под словом *euro* (*евро*) обыгрывается слова *Евросоюз* и валюта «*евро*». Соответственно при образовании второстепенных признаков концепта в текстах газеты языковая игра играет большую роль [7, с. 86].

Частным случаем языковой игры является 1) **словообразовательная игра**. К числу приемов ЯИ принято относить такие приемы, как игра слов, каламбур, зевгма, окказионализм, модификация прецедентных феноменов и фразеологизмов, лексический повтор и т.д.

Зевгма – это отношение одного слова одновременно к двум другим в разных смысловых планах, причем комический эффект достигается вследствие недостаточной согласованности членов предложения [9; с.292-293]. Например: Wildfires in Russia devastate forests and pockets [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: <http://inosmi.ru/>.

Перевод:

Пожары в России *опустошают леса и карманы* (перевод наш – Л.В.).

Под **окказионализмами** понимаются речевые новообразования, которые формируются под влиянием контекста «для выражения смысла, необходимого в данном случае, и создаются из имеющегося в структуре языкового материала вопреки сложившейся литературной норме» [1, с. 283]. Окказионализм обычно появляется в речи как средство ЯИ, например, *Indianomics, Gazpromia*.

Под **каламбуром** мы понимаем «стилистический оборот речи или миниатюру определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания» [2]. Наиболее частотными типами являются лексические (*In Russia, cold is a matter of degree, Chavez Visit to Russia: Infected by VIRUS*) и фразеологические каламбуры (*Leeches: Fresh Blood for Russia's Economy*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: <http://inosmi.ru/>.

Языковая игра на 2) **фонетическом уровне** на основе приемов паронимии, ритма, рифмы, созвучия, аллитерации, ономотопеи создает эффект интеллектуального остроумия, а также является средством создания иронической, шутливой окрашенности в окказиональных образованиях, которые могут быть использованы в тексте печатного издания. Фонетическая языковая игра практически всегда сопровождается намеренными ошибками в написании, что может быть охарактеризовано как игровой прием, который вводит в текст дополнительные коннотации и поддерживает фонетическое и ритмическое устройство фразы.

В статье газеты Daily Mail от 3 января 2011 года, озаглавленной *Oh, Lord! Wont you buy me a Mercedes Pens?*, речь идет о проекте в Англии, когда молодой дизайнер украсил корпус своего автомобиля фломастерами и ручками. Шутливый эффект достигается с помощью созвучия названий марки автомобиля

Mercedes Benz (Мерседес-Бенц) и способа украшения машины – шариковые ручки – «pens»).

Слоговой повтор или повтор – отзвучие (редупликация) всегда присутствовал в языковой игре как средство усиления и выразительности. Например: They can't just look at a Rembrandt or a *Bartolozzi* and say: Boy! That's pretty *huzzi-tozzi*! [The Mirror, 2001].

Перевод:

«Эти люди не могут просто посмотреть на работу Рембрандта или *Бартолоцци* и воскликнуть: «Ух, ты! Вот это здорово!» (перевод наш – Л.В.).

Прием 3) **графического выделения** наиболее частотен в качестве дополнительного средства экспрессии. В современной исследовательской литературе появился термин «параграфемика», который обозначает «особенности шрифтового выделения и варьирования, надстрочные и подстрочные значки, различные шрифты текста, а в широком понимании термина – математические значки, буквы других алфавитов и, конечно же, знаки препинания» [3, с. 140].

Например, в заголовке статьи июньского выпуска газеты *Zimbio* [Jan-16-2009] *A recession special at Buffett's buffet?* шуточный эффект достигается с помощью омографов. Так, имя инвестора Уоррена Баффитта и предмета мебели – буфета, одинаковы в написании, но произношение их различное: [bafit] и [bu:fei].

Языковая игра на 4) **фразеологическом уровне** представлена обыгрыванием устойчивых сочетаний, фразеологизмов, пословиц, поговорок, скороговорок, афоризмов, разговорных и речевых клише, политических лозунгов, цитат из известных литературных произведений или фильмов, а также их названий. Примером языковой игры на фразеологическом уровне может служить заголовок статьи *Last financiers standing* [Zimbio, Jan-16-2009], где обыграно название фильма 1996 г. с участием Брюса Уиллиса – *Last Man Standing*.

Таким образом, языковая игра – неотъемлемая часть текстов печатных изданий, которая призвана привлечь внимание читателя, побудить его к восприятию и как можно точнее и ярче

отразить содержание статьи. Разнообразные приемы создания языковой игры на различных уровнях языка нацелены произвести на читателя эмоциональный эффект.

Библиографический список

1. Бельчиков Ю.А. Оказионализмы. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 283.
2. Большая Советская энциклопедия. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://bse.sci-lib.com/> (дата обращения 19.02.2011).
3. Дзякович Е.В. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе: Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 28. С. 140.
4. Лисоченко Л.В. Языковая игра: когнитивный, прагматический и собственно лингвистический аспекты // Филология на рубеже тысячелетий: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2000. Вып. 2. С. 130-131.
5. Рахимкулова Г.Ф. Игровая поэтика и игровая стилистика // Филологический вестник РГУ. 2000. № 1. С. 5-10.
6. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М, 1998. С. 125.
7. Толстикова Л.В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычном газетных дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012.
8. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX в. // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 1998. Вып. 4. С. 4-6.
9. Щербакова Н.В. К вопросу о переводе языковой игры в заголовках СМИ // Молодой ученый. 2012. №6. С. 292-293.

LANGUAGE PLAY TECHNIQUE IN THE TEXTS OF ENGLISH AND RUSSIAN NEWSPAPERS

L.V. Tolstikova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the notion of language play as the means of raising the expressiveness of English and Russian newspaper texts. The aim of language play is to express a denotative and connotative meaning to the expressed meaning. Language play on the phonetic level is created on the basis of such methods as paronomasia, rhythm, rhyme, euphony, alliteration, onomatopoeia. The technique of graphic expressiveness is the most abundant as an additional means and aims to produce the effect of surprise and regret on the reader. Language play on the world building level is represented mostly by the use of occasionalisms and aims at the comic effect creation.

Index terms: language play, newspaper discourse, occasionalism, pun, zeugma, precedential text, concept.

Об авторе:

Толстикова Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: lyubovzhu@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

И.В. Уварова, Т.Ф. Артамонова

*Кубанский государственный медицинский университет,
Краснодар*

В статье анализируются некоторые аспекты профессионально – направленного обучения иностранному языку в неязыковом учебном заведении. Оно позволит специалисту мобилизовать приобретенные языковые умения и навыки, а также использовать обобщенные способы коммуникативной деятельности в условиях реализации профессиональных функций.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный язык, языковые навыки, коммуникация.

В современном мире обмен информацией в рамках различных профессиональных сообществ становится все более интенсивным. Он затрагивает практически все области, поэтому внимание к вопросам обучения студентов переводу текстов по специальности на иностранном языке не ослабевает. В высших учебных заведениях одной из основных задач обучения иностранному языку является создание у них автоматических навыков чтения с непосредственным беспереводным извлечением информации из специальной литературы.

Поскольку всякий курс профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам нацелен на то, чтобы помочь обучаемым научиться адекватно действовать в ситуации естественного общения, возникает потребность в развитии умений и навыков работы с текстом по специальности на иностранном языке.

Для формирования таких навыков в первую очередь необходимо знать специфику структурного построения английского и русского языков. Чтобы быстро и правильно переводить английские предложения на русский язык, недостаточно просто хорошо знать грамматику и владеть определенным запасом слов. Перевод предложения по принципу «нанизывания» найденных в словаре значений слов в порядке их расположения в английском предложении, как правило, не дает хороших результатов. Причина этого заключается в том, что английское и русское предложения, выражающие одну и ту же мысль, не являются механическим сочетанием одинаковых понятий, выражаемых иноязычными словами. Сочетаемость слов в предложениях разных языков подчиняется законам, присущим каждому языку. Поэтому знание принципов построения предложения является необходимым условием для ориентировки в тексте.

В английском языке благодаря его нефлексивному аналитическому характеру функция слова определяется в значительной степени узким контекстом – его местом в предложении (хотя зачастую этот узкий контекст является недостаточным).

При обучении переводу немаловажное значение имеет овладение структурной стороной текста. Текст, как система речевого продукта носителей иностранного языка, представляет особую ценность в качестве систематизированного образца функционирования языка и является одной из основных учебно-методических единиц обучения [2]. Характерными особенностями медико-биологических текстов являются информативность, логичность, точность и объективность и, как следствие этих особенностей, ясность и понятность текста. В области лексики это, прежде всего, использование терминов и так называемой специальной лексики. Под терминами понимаются слова и словосочетания, которыми оперируют специалисты конкретной области знаний. В качестве терминов употребляются как специфичные слова, используемые только в данной предметной области, так и специальные значения общенародных. Большое внимание уделяется и систематичности вновь

создаваемых терминов [1]. Этим же целям служат термины - словосочетания, которые образуются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующих признаков. По этому принципу затем строятся терминологические гнезда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления.

Под специальной лексикой понимают слова и словосочетания, которые не идентифицируют понятия и объекты в конкретной предметной области. Это различные производные от терминов, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, а также целый ряд общенародных слов. Отметим, что последние употребляются в строго определенных сочетаниях, в которых они специализируются.

Как показывает многолетняя педагогическая практика в медицинском вузе, особые трудности связаны с получением комплекса знаний, которые требуются для полноценного восприятия и дальнейшего перевода медицинской литературы. Зачастую анализ медицинской и научной литературы сводится студентом к простому пересказу прочитанного. Это связано с тем, что для научной литературы характерно наличие большого количества терминов-интернационализмов и определенных фразеологических единиц, что, однако, не исключает наличия общеупотребительной и нейтральной лексики. Термины стремятся к однозначности, но им свойственны и элементы полисемантичности. Понимая, что перевод не может быть абсолютным аналогом оригинала, необходимо стремиться к тому, чтобы создать текст, максимально приближенный к оригиналу по семантике, структуре и его потенциальному воздействию [3]. Отметим, что между языками оригинала (в частности, английским и русским) и перевода не всегда встречаются языковые параллели, полное совпадение семантических значений слов. Однако студенты стремятся в первую очередь реализовать межъязыковые соответствия, а это порождает трудно воспринимаемые кальки, в результате такой перевод не может выполнить своего функционального назначения.

К оценке перевода можно подходить с разных сторон. Прежде всего оценивается степень эквивалентности перевода к оригиналу, определяется, допущены ли неточности, ведущие к потере информации, правильно ли выбран порядок слов, не искажена ли структура сообщения. Все это подводит к вопросу о роли и значении теории перевода и степени теоретической подготовки переводчика. Теория перевода формулирует не только цели и задачи перевода, но и подсказывает пути разрешения переводческих проблем. Ее задача – установить имеющиеся в двух языках соответствия: лексические, грамматические и стилистические, а также их расхождения, подсказать возможности способов перевода [1].

Достаточно вспомнить, например, что одно и то же прилагательное в английском языке может сочетаться с разными существительными, но при переводе этих сочетаний на русский язык приходится пользоваться разными прилагательными в силу различной сочетаемости в английском и русском языках. Напомним: a bad headache – сильная головная боль, a bad mistake – грубая ошибка, a bad accident – тяжелый несчастный случай, a bad tooth – больной зуб, a bad cough – сильный кашель, a bad health – плохое здоровье, tastes bad – плохой на вкус, a bad wound – тяжелое ранение.

Интернациональные слова часто становятся камнем преткновения для неопытных студентов. Недаром их называют «ложными друзьями» переводчика. Обычно вспоминается этимологически тождественное русское слово и упускается из виду, что его значение и употребление не совпадают с английским.

Например: «He was strongly built, with curly hair that seemed to show all the vitality of a fine constitution» (J. Galsworthy. The Man of Property). Слово «constitution» употреблено в этом примере в значении «телосложение». В русском языке слово «конституция» тоже имеет это значение, но является специальным медицинским термином. Поэтому совершенно не допустим перевод: «... он был крепко сложен, а его вьющиеся волосы, казалось, говорили о жизнеспособности и здоровой конституции». Правильным был бы вариант: «... о жизнеспособности здорового организма». В

таком значении слова «constitution» и «конституция» не являются адекватными, т.к. несмотря на совпадения значения, сферы их употребления различны, поскольку они принадлежат к разным пластам лексики.

Понимание текста не завершается процессом извлечения информации, а требует дальнейшего применения полученных знаний. Для того чтобы полностью понимать информацию, содержащуюся в текстах по специальности, надо быть специалистом в данной области. Преподаватель, работая в аудитории с текстом по узкой специальности, для конкретизации отдельных понятий обращается к профессиональным знаниям студентов, которые накопили определенный теоретический и, возможно, практический опыт в данной области. Подобный процесс обоюдного творчества способствует возрастающей заинтересованности всей аудитории, поскольку диалог принимает форму дискуссии, и возможность высказаться получают также студенты с более слабыми языковыми способностями. Полученные навыки закрепляются и совершенствуются в процессе самостоятельной работы над внеаудиторным чтением по узкой специальности, когда студенты самостоятельно проходят весь цикл перевода с целью более полного проникновения в содержание прочитанного.

В современном языкознании перевод не без основания определяется как одна из основных проблем человеческого общения. Процесс обучения иностранным языкам в медицинском вузе, на наш взгляд, обладает большими внутренними резервами, которые обуславливают большую вариативность учебных текстов на иностранном языке. Эффективность же преподавания в значительной степени определяется оптимальным сочетанием целей, содержания и методики обучения, т.е. преподавание иностранных языков во внеязыковом вузе в значительной степени должно быть профессионально ориентированным, узкоспециализированным в области интересов будущего специалиста.

Библиографический список

1. *Комиссаров В.Н.* К вопросу о сопоставительном анализе переводов. // Тетради переводчика. М.: 1998.
2. *Паршин, А.* Теория и практика перевода. М.: Русс. язык, 2000. 161 с.
3. *Уварова И.В., Борисенко И.А.* Медицинский английский язык как объект исследования и перевода // Культурная жизнь Юга России; № 2. Краснодар, 2015.

TEACHING PROFESSIONAL TEXT TRANSLATION IN MEDICAL UNIVERSITIES

I.V.Uvarova, T.F. Artamonova

Kuban State Medical University, Krasnodar

Some aspects of teaching professional English in medical universities have been analyzed in the article. The acquired language skills and habits as well as ways of communication are expected to be used by the graduates in their professional activities.

Index terms: professional language, language skills, communication.

Об авторах:

Уварова Ирина Викторовна – кандидат филологический наук, доцент, заведующая кафедрой; e-mail: ksm-lingua@mail.ru

Артамонова Татьяна Федоровна – преподаватель кафедры лингвистики; e-mail: ksm-lingua@mail.ru

УДК: 811.1/9

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕТАФОРИЗИРОВАННОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
(на материале научно-популярных
финансово-экономических текстов)**

В. В. Хорольский, Е.В. Петрушова

*Воронежский государственный университет, Воронеж
Кубанский государственный университет, Краснодар*

В статье ставится вопрос о роли метафоризированных терминов в популяризации знаний о развитии экономики и финансов с помощью массмедиа. Подчеркивается роль термина-метафоры в информировании потребителей, не знающих специальных финансовых терминов. Сделан вывод о необходимости использования метафоризации в научно-популярной когнитивности.

Ключевые слова: термин, финансы, массмедиа, научно-популярная публицистика, метафора, медийный текст, оценочность.

Отражение в СМИ специфики специального языка, формирующегося под влиянием научно-технического прогресса (НТП), бурного развития экономики знаний, динамики изменений в экономической науке, позволяет лучше понять оперативность появления новых слов и обозначений, масштаб неологизации в данной сфере, логику создания новых терминов-метафор. Специальная лексика и профессиональная коммуникация, формирующаяся прежде всего в научно-технологической практике, уже многие годы изучается как семантическая основа процесса трансляции знаний. Эту лексику, контекстуально изменяемую в процессе профессиональной деятельности, часто ассоциируют с

изучением «языка для специальных целей» (ЯСЦ, LSP) [3, с. 9]. Ниже, понимая термин как языковую единицу (слово или словосочетание), соотнесенную со специальным понятием, которое существует в системе определений соответствующей области знания или деятельности, мы сопоставим идеал однозначности терминологических лексических единиц с реальной практикой терминопотребления в СМИ, где многозначность речевых актов и медийных сообщений является нормой [10, с. 69]. Примеры взяты из текущей периодики, в частности из журналов и газет специализированного либо научно-популярного толка («The Financial Times», «The Economist», «Journal of Financial Economics» и др.).

Рассматривая финансово-экономические термины-метафоры в газетах и журналах в качестве важнейшей части лексического богатства национального языка, необходимо постоянно учитывать экстралингвистические факторы, связанные с эволюцией не только науки и производства, с финансиализацией современной жизни, но и с проникновением специализированных слов в масс-медиа, с необходимостью говорить о сложных вещах максимально просто, чтобы коммуникативный процесс, успешное общение коммуникаторов, а следовательно и прибыль изданий, были гарантированы. В финансовой сфере метафоризация имеет не только и не столько эстетические параметры, сколько прагматические, смысловые. Газетный экономический (деловой) текст, как известно, насыщен специальными словами, терминами, устойчивыми профессиональными выражениями, лексическими клише, связанными с социально-политической и финансовой жизнью людей. Часто социально-экономические статьи в массмедиа напоминают научно-популярный текст, но в них больше элементов экспрессивно-разговорной речи, что и соответствует метафорическому стилю повествования. Как правило, экономическая и особенно финансовая лексика в СМИ базируется на прямых значениях слов, в СМИ стандартизированные и терминологизированные словосочетания и «жесткие» (однозначные) наименования усиливают эффект достоверности и точности высказывания. В английском языке

для номинации отдельных предметов и понятий, ставших интернациональными, чрезвычайно популярны, например, следующие слова, имеющие двойное хождение – в общенациональном языке и в языке специальном: *money* – деньги; *price* – цена; *capital* – капитал; *market* – рынок; *value* – стоимость; *rent* – рента и т.д. Деловой стиль в экономических газетах и журналах, базирующийся на специальной лексике, а тем более в научно-популярной публицистике (НПП) все чаще допускает и поощряет использование терминов-метафор, что связано не только с необходимостью популяризации специального знания, упрощения научного стиля изложения, но и с поиском нового языка описания картины мира [11, с. 24]. О специфике терминов-метафор и их месте в лексике специальных газетно-журнальных тестов и пойдет речь далее.

Метафорика в научных текстах (НТ) и в научно-популярной публицистике (НПП) отличается от метафорики в художественных текстах (ХТ): в ЯСЦ она служит не только приемом экспрессивизации нарратива, фигурой речи, сжатым сравнением, как это привычно наблюдается в ХТ, но и формой научного мышления, дополнительным рычагом познания, причем не только (и не столько) познания каждодневного бытия.

Писатель крайне редко опускается в глубины узко-специального знания, пытаясь разъяснить загадки Природы, в ХТ он творит иной образ, чем образ, создаваемый в НТ. Эстетическое начало в ХТ покоится на традиции, эрудиции и здравом смысле автора, новизна темы мало релевантна. А в НТ автор стремится к идеалу доказательности, новизны и убедительности аргументов, а потом уже появляются критерии эстетической красоты и красоты пластического изображения окружающего мира. Далеко не всегда ученый тяготеет к идеалу здравого смысла, тем паче к традиции поэтического украшения или пышной метафорики. Метафоризм НПП – это кентавр из двух модусов – модуса ХТ и модуса НТ. Но есть и еще одна «голова» у этого монстра, имя ее – медийность [9, с. 10]. М. Загидуллина в статье «Мастерство популяризации науки как элемент профессиональной культуры современного журналиста» верно констатировала, что культуртрегерам

необходимо «редуцирование сложного научного явления до некоторой формулы, общего представления в зависимости от степени популяризации» [2, с. 218]. Другими словами, все пишущие для широкого читателя обязаны быть истолкователями сложных явлений в рамках общедоступных медийных смыслов и формул. Сложные метафорические образования должны рассматриваться в контексте общих лингвокультурологических ассоциаций коммуникаторов и реципиентов: чтобы понять смысл многих метафорических терминов, читателям нужны специальные фоновые знания, о которых ученый не обязан думать постоянно, а культуртрегер думает всегда.

Привычный тип лексико-семантического переноса представляет образно-квазитерминологическая метафоризация, например, широко используется метафора *floating interest rate* (плавающая процентная ставка кредита). Согласно словарным определениям, это «ставка по кредитам, размер которой не зафиксирован, а рассчитывается по формуле, определенной договором» [6, с. 7]. Составной термин *Плавающая процентная ставка* содержит в себе метафорический компонент, основанный на переносе значения по признаку сходства между волной и свободным курсом ставки кредита. Само ключевое семантическое ядро с семой *floating* («плавание») имеет явный переносный смысл, но понимается без всякой ссылки на первичное значение. Не менее известна метафора *holiday effect* (предпраздничная распродажа акций). Данный терминологизированный идиоматический оборот используется финансистами в более узком смысле, нежели в естественном языке. Стало удобным термином словосочетание *Junk-bonds*, или «мусорные» облигации, иногда говорят «джанк – облигации» (пример полукальки), метафорическая номинация, обозначающая спекулятивные высокодоходные, но предельно рискованные облигации, часто связанные с грядущим банкротством эмитента. Метафорическая идиома «Жирный кот» ассоциативно связана с семой богатства и сытости, фразеологизм стал распространенным обозначением в НПП человека, получающего большую прибыль не всегда честно. В «Современном экономическом словаре», да и в «Финансово-кредитном энциклопедическом словаре», читаем:

«Жирный кот» – финансовая организация, обеспечивающая деньгами рискованные финансовые операции, при этом, получающая сверхприбыли [5, с. 6]. И в этом случае мы фиксируем сужение семантического поля из-за необходимости терминологизации идиомы. Сравнение банков и их хозяев с жирными котами, образы которых являются частью русской национальной лингвокультуры, помогает работникам масс-медиа оперативно и популярно доносить до аудитории сложную информацию. В рамках когнитивной концепции метафора, как отметили теоретики (Г. Бобровская, О. Зубкова и др.) представлена не только как языковой феномен, но и как феномен психический и эвристический [1, с. 3].

Метафора-неологизм *Currency Snake* («валютная змея», а синонимом квазитермина «валютная змея» выступает метафорический речевой оборот *Snake in the Tunnel*) сравнительно недавно стала частью профессиональной экономической лексики, сегодня она является заметной частью профессионального жаргона финансистов. Выражение «Европейская валютная змея», «змея в тоннеле», т.е. обозначение соглашения о координации действий стран-членов Европейского экономического сообщества в отношении регулирования возможных колебаний валют этих стран относительно друг друга в период перехода от Бреттон-Вудской системы к Ямайской системе, подразумевает договоренность о наличии «туннеля», коридора, в котором цены могут колебаться, но не покидать его пределы [14]. В словаре под редакцией А.Г. Грязновой термин «валютная змея» толкуется как «режим совместного «плавания» курса валют ряда стран Западной Европы», система согласований валютных курсов европейских государств [6]. Эмоциональный характер так называемой «зоологической» метафоры свидетельствует о стремлении не просто оживить терминологию и сделать стиль более экспрессивным, оценочным, но и быстрее, на уровне визуально-пластической осязаемости прояснить суть явления, упростив сложности экономического плана.

Метафоризация давно стала источником транстерминологизации с использованием переноса значения.

Так, в СМИ часто пишут о политическом *климате*, о духовном *климате*. Не нуждается в особых разъяснениях профессионализм *инвестиционный климат*: хорошо известна смысловая связь *климата* как термина, как обозначения *многолетнего режима погоды в определенной местности и совокупности переменных данных о состоянии атмосферы* [13] с другими терминами из разных терминосистем. Когда журналисты в своих материалах продаваемую нефть называют «*черным золотом*», то они имеют в виду не столько ее цвет, сколько ее товарную ценность и способность выступать в роли своеобразной «валюты», устойчивой, как золото. Сравнение с золотом помогает понять природу обсуждаемого предмета (это может быть не только нефть), а также помогает сделать речь более живой и экспрессивной, что важно для публицистического стиля изложения. Журналисты, в отличие от писателей, не обязаны быть создателями оригинальных художественных образов, хотя образность, эстетическое начало в их стиле, естественно, присутствует. В обычной жизни и каждодневной речи существует много слов, устоявшихся выражений, идиом, которые в определенном контексте претендуют на роль профессионального субъязыка, «специальной лексики», на роль терминоподобных языковых знаков (квазитерминов, терминоидов), также есть много лексических единиц, обогащающих механизм коммуникативных (речевых) актов с точки зрения художественности. Многие из этих единиц имеют прямое сходство с традиционной литературной метафорой. Например, в англоязычных СМИ давно существует словосочетание-штамп *gold billion* – *золотой миллиард* (т.е. более обеспеченные люди северного полушария), косвенно укрепляющая ЯСЦ в сфере товарно-денежных отношений. Таков и квазитермин-метафора – *golden handcuffs* – *золотые наручники* (финансовый стимул, используемый для того, чтобы убедить специалистов не уходить из фирмы), входящий в рассматриваемую терминосистему в качестве профессионального жаргонизма с иронической окраской. Известно терминоподобное ироническое выражение: *business angel* – «*бизнес-ангел*» (частное лицо, предоставляющее свой капитал начинающим компаниям,

иногда с неясными целями). Этот профессионализм (или жаргонизм) переключается с околопрофессиональной лексикой терминополья «финансовый бизнес», обогащая, например, лексику инвесторов. Метафора *long-term money* – *длинные деньги* отражает два оттенка смысла: «1. долгосрочные инвестиции и кредиты, характерные для стабильной экономики, находящейся на подъеме. 2. долгосрочные кредиты; характерны для неинфляционной экономики» [12]. Как видим, в западном финансовом мире данное терминологическое словосочетание по смыслу близко стандартному устойчивому выражению *long term loans*, а в русском языке существует ассоциация: *длинные деньги* (длинный рубль) – *большие заработки, несоразмерная прибыль*. Не менее экспрессивна метафора ЯСЦ *финансовая петля*: *The West throws financial loop on Ukraine*. Фразеологизм с тяготением к терминологизации (*financial*) *bubble* (экономический (финансовый) пузырь) встречается в НПП очень часто:

Is the Next Big Economic Bubble About to Pop? Is the stock market bubble of 2014 ready to burst? Another economic bubble about to burst? Because it is often difficult to observe intrinsic values in real-life markets, bubbles are often conclusively identified only in retrospect, when a sudden drop in prices appears. Such a drop is known as a crash or a bubble burst [9, с. 33]. Пузырь – это зеркало, конъюнктура больного рынка, при которой стоимость ценной бумаги или товара поднимается до уровня, не имеющего объективной рыночной основы [7, с. 15]. Как правило, речь в СМИ идет о финансовых пузырях. «Финансовый пузырь – это резкое отклонение рыночной стоимости актива от его базовой стоимости. То есть это торговля большими объёмами продукта ли бумагами по цене, совершенно несоответствующей, гораздо завышенной. Зная специальную информацию, подготовленный читатель легко воспринимает тексты, где выявляются особенности экономической ситуации на современном этапе. Вот еще примеры из журнала «Экономист»: *Is This Market Rebound A 'Dead-Cat Bounce'*? 2. *After last week's plunge and end-of-week bounce, U.S. stocks continued their rebound on Monday as positive corporate earnings reports helped to overshadow poor global macroeconomic data and ebola fears* [10, с. 2]. В обоих примерах

ситуация на финансовом рынке описывается с помощью профессионализма-идиомы *the dead cat bounce* («скачок мертвой кошки»). Словарное значение идиомы (*A small and temporary recovery in a financial market following a large fall*) позволяет образно показать игру на рынке, ср.: Повышение доллара – это, единовременная реакция рынка («скачок мертвой кошки»). В русских газетах встречается идиома-синоним: «*Настроение на рынке исполняет двойной прыжок «дохлой кошки»*». Или метафора, основанная на прецедентности: заголовок «*Кредитов комплекс*». Подобные яркие образы врезаются в память потребителей медиапродукта, выделяя идею авторов и маркируя медийный текст как намеренно экспрессивный. В то же время, если подобные метафоры в текстах СМИ используются слишком часто, они теряют образную новизну, становятся штампами и «стираются», «окаменевают». Многие производственные метафоры давно утратили свою «фигуральность», тропеическую суть (падение рубля, налоговый пресс, экономический спад, банк лопнул, рынок лихорадит), но журналисты охотно пользуются такими метафорами, т.к. подобные устойчивые выражения, концентрируют в себе традицию смыслопорождения и понимания чужого слова, определяют модель восприятия, выступают в роли полезных стереотипов, упрощающих коммуникативные процессы и способствующие их успешности.

Профессионализмы по определению должны быть более образны, чем строгая терминологическая лексика. Терминологическая метафора, естественно, звучит более строго по сравнению с такими лексико-семантическими явлениями, как профессиональная метафора, жаргонизмы, арго. Профессиональная метафора – это «...рожденное в профессиональном дискурсе словосочетание, состоящее из слова/слов из терминологической сферы и лексемы литературного/наивного дискурса» [3, с. 26]. Метафоризация терминосистемы в финансово-экономических медийных публикациях в журналах «Экономист» и «Журнал финансовой экономики» тяготеет к научному модусу истолкования специальной лексики. Понимание научного текста как «предметно-знаковой модели сопряженных коммуникативных

деятельностей представителей научного социума, вербализующей культурно и социально обусловленный фрагмент научного знания», позволяет лингвистам увидеть сочленение, слияние нескольких начал в данном виде языковых практик и в структуре текстов: «когнитивного, языкового, культурного и социального» [8, с. 64]. Упрощение семантики в НПП связано с такой родовой спецификой медийной коммуникации, как гетерогенность аудитории, обилие случайных потребителей, которые могут стать «клиентами», постоянными пользователями, а порой и создателями медиапродукта. «Инципированный читатель» (М. Бахтин) деловой газеты далеко не всегда специалист, а отсюда вытекает следствие: язык СМИ должен тяготеть к упрощенным способам выражения мысли. Перенос значения, в частности метафоризация и метонимизация, помогают делать речь образной и ясной для неподготовленной аудитории.

Выводы

Рассмотрение метафоризированной экономико-финансовой лексики в СМИ позволяет утверждать, что наиболее часто сопоставления смыслов и перенос значений в этой сфере осуществляются на основе сходства финансовой деятельности с обычной жизнью природы и людей. В приведенных в нашем исследовании примерах мир финансов чаще всего уподобляется миру человека и действиям живых существ: метафоры в профессиональных словосочетаниях (*снижается экспорт, растет импорт, капитал бежит, финансовый пузырь лопнул* и т.п.) отражают стремление авторов в образной и общедоступной форме обрисовать ситуацию на валютном рынке. Важна сегодня модель «мир финансов как мир стремительного движения», что подтверждается обилием глагольных метафор с семой бегства, обрушения, взлета и т.п. Язык статей в газетах отличается значительной элокутивной энергией. Элокуция как часть теории, описывающей риторические фигуры и тропы, трактует метафору не только как привлекающий внимание троп, «сжатое сравнение», но и как способ мысленного соединения двух вещей или явлений с целью выявления скрытой природы каждого из элементов метафорической конструкции. Когнитивная

лингвистика подчеркивает познавательную силу метафорических уподоблений, функционирующих как один из распространенных способов создания необычного образа, способствующего когнитии. Перенос значения, в частности метафоризация и метонимизация, корреспондирует с магистральной тенденцией неологизации в языке СМИ. Метафоризированная терминология в данных выше примерах сливается с профессиональным жаргоном. Признаком терминов, подкрепляющим пафос медийности, служит также масс-коммуникативная *самоочевидность* оценочно-эмоционального вектора высказывания, контекст которого помогает понять термин, не заглядывая в словарь.

Библиографический список

1. *Бобровская Г.В.* Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2011. 319 с.
2. *Загидуллина М.* Мастерство популяризации науки как элемент профессиональной культуры современного журналиста // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры: Тематический сб. ст. и материалов / Под ред. проф. В. Ф. Олешко. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та; Издательский дом «Филантроп», 2005. С. 218 – 226.
3. *Зубкова О.С.* Метафора в профессиональной семиотике. Курск: Курский гос. Ун-т, 2011. 324 с.
4. *Карпухина Н.М.* Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения: монография / под ред. д-ра филол.наука, проф. А. Н. Кожина; науч. ред. В. И. Осипов. М.: Национальный институт бизнеса, 2007. 174 с.
5. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.М., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 478 с.
6. Финансово-кредитный энциклопедический словарь. М.: Финансы и статистика. Под общ. ред. А.Г. Грязновой. 2002. 397 с.

7. Финансы. Толковый словарь. 2-е изд. М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Брайен Батлер, Брайен Джонсон, Грэм Сидуэл и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М., 2000. 501 с.

8. *Хомутова Т.Н.* Научный текст: единицы интегральной модели // Вестник ЮжноУральского университета. Серия «Лингвистика». 2010. Вып. 10, № 1 (177). С. 60-66.

9. *Хорольский В.В.* Неологизмы в современной англоязычной публицистике и их стилистические функции / В.В. Хорольский // Неродные языки в учебных заведениях. Мат. науч. конф. Вып. 5. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000. С. 65.

10. *Хорольский В.В.* Медийность текстов в средствах массовой коммуникации. Монография. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 2016. 254 с.

11. *Худинша Е.А.* Словообразование в английской экономической терминологии / Е. А. Худинша // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 4. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 79–82.

12. Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. 2004.

Источники

<http://climaty.ru/node/6>.

<http://profiportal.ru/fin/859179716>

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17364> (Словарь бизнес-терминов. Академик. ру. 2001)

<http://dic.academic.ru/>

METAPHORICAL TERM BUILDING IN ENGLISH- LANGUAGE MASS MEDIA (based on popular-scientific economic texts)

V.V.Khorolsky, E.V. Petrushova

*Voronezh State University, Voronezh
Kuban State University, Krasnodar*

The article deals with metaphorical term building in financial and economic sphere, mostly in popular scientific economic texts. The role of metaphoric terms in mass media language for incompetent readers is under consideration. The conclusions are drawn about necessity of term metaphorisation in proliferating economic knowledge through mass media.

Index terms: term, metaphorised terminology, metaphorical term building, mass media, popular scientific economic texts, media text, evaluation.

Об авторах:

Хорольский Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики Воронежского госуниверситета; e-mail: Khorolbox@mail.ru

Петрушова Елена Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского госуниверситета; e-mail: lena_gur@mail.ru

УДК 81'373

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ, АНТОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

С.А. Шеремет

*Армавирский лингвистический социальный институт,
Армавир*

Данная статья посвящена уникальному явлению в английском языке, как фразеологической синонимии, антонимии и полисемии. Фразеология необыкновенно богата и разнообразна по своему составу, обладает большими стилистическими возможностями, обусловленными ее внутренними свойствами. Проблема фразеологической синонимии, антонимии и полисемии

является одной из самых малоизученных проблем лингвистики. Богатство фразеологических синонимов, антонимов и многозначных фразеологизмов создает огромные выразительные возможности английского языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическая синонимия, фразеологическая антонимия, фразеологическая полисемия.

Фразеология – это наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний.

Фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка.

Фразеология – это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер. Наряду с чисто национальными фразеологизмами в английской фразеологии имеется много интернациональных фразеологизмов. Английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых.

Фразеологизмы – высоко информативные единицы языка; они не могут рассматриваться как «украшения» или «излишества». Фразеологизм – одна из языковых универсалий, так как нет языков без фразеологизмов. Английская фразеология очень богата, и у нее многовековая история.

Фразеологизмы представляют собой сочетания слов, они рассматриваются лингвистами с позиций не синтаксиса, как свободные сочетания, а лексикологии, так как во фразеологическом сочетании связь между компонентами жесткая

и замена любого из них невозможна без разрушения смысла всей единицы. Например, сочетание *black sheep* (= *the worst member*) не может быть воспроизведено с тем же значением даже при минимальных в смысловом отношении заменах (*black ram* или *grey sheep*). Формально соответствуя языковой модели, фразеологические единицы немоделированы, т.е. представляют собой единичное использование языковой модели для передачи в постоянном контексте какой-либо смысловой структуры.

Итак, *фразеологическая единица* представляет собой немоделированное словосочетание, связанное семантическим единством. В речи такое единство не создается, а воспроизводится в готовом виде (не моделировано) и функционирует как единый член предложения. Небольшие варьирования структуры фразеологической единицы влияют на эти основные ее признаки.

В последнее время интенсивное развитие фразеологии как лингвистической дисциплины по-прежнему выдвигает перед учеными многочисленные проблемы, требующие своего решения. Однако исследование фразеологической семантики как «феномена исключительно сложного» остается центральной проблемой фразеологии и языковой семантики.

В качестве значимой языковой единицы фразеологический оборот может быть эквивалентен не только слову, но и какому-либо другому фразеологизму. Этим объясняется существование в языке явления фразеологической синонимии.

Фразеологические синонимы – это различные фразеологические обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, фразеологические синонимы различаются и тем, каким образом они обозначают одно и то же, и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи.

«Фразеологическими синонимами являются разноструктурные и одноструктурные фразеологические единицы, имеющие одинаковое значение при неадекватности образной мотивированности единиц и возможных различиях в

семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости» [3, с. 97-98].

Рассматривается также сходство лексических и фразеологических синонимов, которое заключается в том, что «... как и синонимы-слова, фразеологические синонимы выражают одно и то же понятие (или понятия очень близкие), одни и те же существенные признаки предмета, явления, процесса, как бы составляющие ядро значения. Так же, как и синонимы-слова, фразеологические синонимы (в том случае, если они не равноценны) имеют различия, заключающиеся в том, что эти синонимы выражают несущественные, побочные признаки предмета, процесса, явления. За счет этих дополнительных, побочных признаков создаются те новые оттенки значения, которые делают фразеологические словосочетания идеографическими синонимами, создается та дополнительная, экспрессивная характеристика, которая может вести к образованию как идеографических, так и стилистических синонимов» [4, с. 74]. В данном определении сходства лексических и фразеологических синонимов уже можно обнаружить разграничение основных признаков, заложенных в понятии, и второстепенных, однако стилистические синонимы разграничиваются здесь автором лишь с точки зрения экспрессивной характеристики. Поэтому сам термин «фразеологический синоним» определяется с точки зрения понятия.

Итак, согласно А.П. Хазанович, под фразеологическими синонимами понимаются «... устойчивые словосочетания, обозначающие одно и то же понятие (или понятия очень близкие между собою); в таких словосочетаниях находят свое выражение одни и те же главные, объективные признаки предмета, явления, процесса, но могут быть отражены разные их побочные признаки, обуславливающие различия в оттенках значения (идеографические синонимы), либо в стилистических особенностях (стилистические синонимы), либо в том и другом» [4, с. 76].

Т.И. Коваленко в основу определения фразеологических синонимов кладет не понятие, а их семантику: «... подбор

синонимов невозможен по обозначаемому понятию, а возможен лишь по общности, устанавливаемой на основе связи явлений действительности, выражаемых данными фразеологизмами, т.е. путем группировки фразеологизмов в систему тем и выделения микротем» [2, с. 61].

Н.Л. Каменецкайте при определении фразеологических синонимов значительную роль отводит образности и отмечает, что чем больше сходство между образами идиоматичных фразеологизмов, тем легче установить их синонимичность и тем труднее установить различия между ними [1].

Фразеологические синонимы могут, в частности, дифференцироваться оттенками значения, стилистической окраской, сферой употребления, словесными связями и т.п.

Считается, что фразеологические синонимы обычно однотипны по своей грамматической структуре. Это в принципе верно, но вовсе не структура фразеологических оборотов определяет или ограничивает их синонимию. Фразеологические синонимы обычно однотипны по структуре потому, что чаще всего одну и ту же структуру имеют фразеологизмы, одинаковые по лексико-грамматическому значению.

Среди фразеологических синонимов особо выделяется группа фразеологических оборотов, содержащих общие элементы – одинаковые слова. В качестве общих компонентов могут выступать как полнозначные слова, так и служебные, выполняющие функцию «скрепок».

Приведем примеры фразеологических синонимов.

Be in love (with)

1. be in love (with)
2. be in love over head and ears (head over ears)
3. be gone on
4. be sweet on
5. have a crush on

be very fond of – быть влюбленным

BE IN LOVE (WITH) – быть влюбленным в кого-л. (или во что-л.).

Besides, she was in the dark about his feelings now. Before Spain she had made sure he was in love; but boys were boys... (Galsw.)

“I think sometimes there is nothing before me but hard work. I'm not so in love with work as mother.” (Galsw.)

BE IN LOVE OVER HEAD AND EARS (HEAD OVER EARS) – БЫТЬ ВЛЮБЛЕННЫМ ПО УШИ.

The two young people were head over ears in love, and, as I said, he was a first-rate chap, one in ten thousand. (Arms.)

BE SWEET ON – разг. питать слабость, БЫТЬ ВЛЮБЛЕННЫМ В КОГО-Л.

“I expect it's that Nurse Mallyton that used to be on M2. You were always a bit sweet on her.” (J. Br.)

BE GONE ON – сленг БЫТЬ ВЛЮБЛЕННЫМ ДО БЕЗУМИЯ, БЫТЬ ОСЛЕПЛЕННЫМ ЛЮБОВЬЮ (ср. «потерять голову»).

I thought Fleur would have been back, sir; but I'm glad she isn't, I – I'm fearfully gone on her; so fearfully gone that I thought you'd better know. (Galsw.)

HAVE A CRUSH ON – сленг БЫТЬ ВЛЮБЛЕННЫМ В КОГО-Л., МНИТЬ СЕБЯ ВЛЮБЛЕННОЙ (обычно о молодой особе).

“I'll go with you but I won't have any sundae,” Elizabeth said. “I'm going to save my fares this week and buy Miss Cox flowers.” “You have a crush on Miss Cox.” (M. F.)

Pay attention to

1. bestow attention to
 2. give attention to
 3. give heed to
 4. give one's mind to
 5. lend attention to
 6. pay a mind
 7. pay attention to
 8. pay heed to
 9. take account of
 10. take heed of
 11. take note of
 12. take notice of
- attend to – обращать внимание

PAY ATTENTION TO – обращать внимание на кого-л. или что-л. (думать о чём-л., слушать, прислушиваться, смотреть и т.п.).

John West meanwhile paid great attention to politics. (P. H.)

The circus man paid no attention to her; didn't even seem to see her. (Tw.)

The keen attention which the listeners paid to his words encouraged him and he spoke more loudly... (L. J.)

GIVE ATTENTION TO – уделять внимание кому-л. или чему-л.

“Will you stop maundering on about your insufferable pig and give your attention to something that really matters?” (P. Wood.)

LEND ATTENTION TO – уделять кому-л. или чему-л. внимание на короткое время.

And this was the first time that Jones lent any attention to the superstitious doctrines of his companion. (Field.)

BESTOW ATTENTION TO – возв. снизойти уделить внимание кому-л. или чему-л.; достаивать внимания кого-л. или что-л.

The estate had formerly belonged to a gentleman of opulence and taste, who had bestowed some considerable attention to the adornment of his grounds. (H. St.)

PAY HEED TO – обращать внимание, призадумываться над чём-л., прислушиваться (к чьим-л. словам, замечаниям, предостережениям и т.п.), реагировать на что-л.; проявлять интерес к кому-л. или чему-л.

“One Arthur Nelson, a reckless labourer who paid no heed to the blasting rules, was the man who placed in Dr. Foster's hands the first lump of ore to be seen...” (D.C.)

Several members urged him to come back but he paid no heed and slammed the door behind him. (L. J.)

Deep Rock was too busy, building and mining, to pay heed to questions of dogma. (D. C.)

GIVE HEED TO – обращать внимание, проявлять интерес к кому-л. или чему-л.

A woman may possess the wisdom and chastity of Minerva, and we give no heed to her, if she has a plain face. (W. Thack.)

...a character to whom you had given small heed doesn't vanish into oblivion. (S.M.)

TAKE HEED OF – обращать внимание, прислушиваться (к чьим-л. словам, предупреждению и т.п., специально адресованным к человеку), учитывать что-л.

“Take heed of our mother's words,” he warned; they be good and sound. (L. J.) Len took no heed of the threat and continued his statement. (L. J.)

TAKE NOTICE OF – обращать внимание на кого-л. или что-л. (зрительно); замечать, смотреть на кого-л. или что-л.; не игнорировать чего-л.

...she made a great parade of writing a letter, that I pretended to take no notice of. (Dick.)

Without taking notice of her daughter's words, my lady wished the gentlemen good-night. (W. Col.)

TAKE NOTE OF – обращать внимание, учитывать что-л., мысленно регистрировать (главным образом то, что видишь или слышишь.)

Legree took silent note of Tom's availability. He rated him as a first-class hand... (H. St.)

TAKE ACCOUNT OF – обращать внимание, брать в расчет, принимать к сведению.

There were those who had urged him, in the past, to undertake a lecture tour to his native United States... but Mumiord had taken no account of these well-intentioned plans. (B. D.)

PAY A MIND TO – обращать внимание, задумываться над чём-л., сосредоточивать свои мысли на ком-л. или чем-л.

“...I don't always dodge all the cow patties, because there's a lot of them in this world, but I pay that no mind.” (Cald.)

“And then, a half-hour ago, she got kind of quiet, like she had a head-ache.” “I noticed that but I didn't pay it any mind then. What do you suppose ailed her?” (M.M.)

GIVE ONE'S MIND TO – обращать внимание; думать, сосредоточивать мысли на чём-л.; дать себе труд подумать над чем-л.

...you gentlemen of the army may find many means of amusing yourselves, if you give your minds to it. (Dick.)

От фразеологических синонимов следует отличать **фразеологические варианты**, структурные различия которых не нарушают семантического тождества фразеологизмов. В качестве значимых единиц фразеологические обороты употребляются в языке по-разному. *Варианты фразеологического оборота* – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различия вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако они не должны нарушать тождества фразеологизма как такового. Варианты фразеологического оборота могут отличаться один от другого отдельными элементами в составе и структуре, а также стилистической окраской.

От вариантов фразеологического оборота следует отграничивать синонимичные фразеологические обороты, имеющие в своем составе общие члены. Такие фразеологизмы-синонимы можно назвать *дублетными*.

Нередко в научной литературе явление вариантности понимается более широко, в результате чего как варианты трактуются дублетные фразеологические обороты синонимического характера.

Фразеологическая синонимия, как и лексическая, представляет собой явление историческое. Поэтому существующих синонимических рядов фразеологических оборотов могло ранее не быть. И напротив, фразеологизмы, прежде находившиеся в синонимических отношениях, могут семантически дифференцироваться.

Рассмотрим фразеологическую антонимию. **Антонимические отношения** во фразеологии развиты меньше, чем синонимические. Антонимия фразеологизмов часто поддерживается антонимическими связями их лексических синонимов.

Фразеологическая антонимия представляет собой семантическое явление, связанное с отражением в языке одной и той же сущностью, однако в отличие от синонимов сходство значения антонимических слов проявляется прежде всего в их противопоставлении в нашем сознании. Следует отметить, что одно и то же явление, признак, качество могут быть обозначены

антонимичными словами в зависимости от внешней ситуации, т.е. от того с какими реалиями они соотносятся. При этом одно и то же свойство или качество, или оценка, присущие разным реалиям, а так же приписываемые им, могут существенно различаться по своей концептуальной значимости. Например: *to loosen one's purse strings* – раскошелиться и *to tighten one's purse strings* – скупиться, экономить. Фразеологическая антонимия – яркий показатель системности лексики, упорядочиваемой в разных направлениях отношениями противоположности слов по их семантическим свойствам. Антонимия включает в себя слова, обозначающие противоположные полюса одного качества, контрастные явления и предметы. И по мере увеличения степени абстрактности наименования, и, в связи, с возникающей необходимостью оценивать те или иные предметы и явления расширяются возможности противопоставления, используемых для обозначения слов и вероятней становится возникновение регулярных антонимических отношений между ними.

Фразеологическая антонимия является ярким средством для антитезных противопоставлений большой художественной выразительности, а универсальный характер позволяет использовать ее в качестве метаязыка для описания различных лексических фактов. Важно подчеркнуть, что антонимия представляет собой одну из универсалий языковых: она свойственна всем языкам.

Рассмотрим фразеологическую полисемию. Среди фразеологических оборотов, как и среди слов, есть не только однозначные, но и многозначные, т.е. имеющие два и более значений. Необходимо отметить, что во фразеологии полисемия распространена несомненно меньше, чем в лексике, и не столь выразительна, как в словарном составе языка.

Несомненно, что подавляющее большинство фразеологических оборотов однозначно. Очевидно, именно поэтому некоторые ученые считают, что фразеологизмы вообще не обладают способностью иметь несколько значений. И все же основная масса фразеологических оборотов однозначна.

Многозначность того или иного фразеологического оборота является свойством, присущим данному фразеологизму самому

по себе, а не зависящим от контекста. Многозначность чаще встречается у тех фразеологических оборотов, которые по структуре соответствуют словосочетанию. Среди фразеологизмов, по структуре соответствующих предложению, многозначных образований не много. Например: *to take the floor* – в общественно-политической жизни означает «взять слово, выступить на собрании», а в быту – «пойти потанцевать»; *to have the hell of a time* – в зависимости от контекста, может иметь противоположные значения «хорошо провести время» и «попасть в переplet, иметь большие неприятности»; *you never can tell* – можно перевести «почем знать» и «чем черт не шутит», что стилистически далеко не равноценно.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что фразеология, в целом, необыкновенно богата и разнообразна по своему составу, обладает большими стилистическими возможностями, обусловленными ее внутренними свойствами, которые и составляют специфику фразеологизмов.

Мы видим, что проблема фразеологической синонимии, антонимии и полисемии изучалась и изучается, и является одной из самых малоизученных проблем лингвистики. Необходимо подчеркнуть, что богатство фразеологических синонимов, антонимов и многозначных фразеологизмов создает огромные выразительные возможности английского языка.

Библиографический список

1. Каменецкайте Н.Л. Синонимы в английской фразеологии. М., 1990. 367 с.
2. Коваленко Т.И. Варианты и синонимы глагольных фразеологизмов в современном русском языке. М., 1999.
3. Неведомская О.М. Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русским. М., 2003. 245 с.
4. Хазанович А.П. Синонимия во фразеологии современного немецкого языка. СПб., 1997. 321 с.

PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL SYNONY, ANTONYMY AND POLYSEMY IN THE ENGLISH LINGUISTIC WORLD PICTURE

S.A. Sheremet

Armavir Linguistic Social Institute, Armavir

This article is devoted to a unique phenomenon in the English language as phraseological synonymy, antonymy and polysemy. Phraseology is unusually rich and diverse in its composition, it has great stylistic possibilities specified by its inner characteristics. The problem of phraseological synonymy, antonymy and polysemy is one of the most unexplained problems of Linguistics. The richness of phraseological synonyms, antonyms and polysemantic phraseological units creates enormous expressive possibilities of the English language.

Index terms: phraseological unit, phraseological synonymy, phraseological antonymy, phraseological polysemy.

Об авторе:

Шеремет Светлана Александровна – студентка 2 курса гуманитарно-экономического факультета Негосударственного частного образовательного учреждения высшего образования «Армавирский лингвистический социальный институт»; e-mail: svetochka.sheremet@inbox.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Аксютенкова Л.Г.</i> К вопросу о номинативном поле концепта: деривационное поле концепта «Кредит».....	5
<i>Бабак О.В., Писаренков А.А.</i> О типичном в теории и нетипичном в практике перевода.....	13
<i>Баклагова Ю.В.</i> Использование технологии подкастинга в обучении английскому языку.....	19
<i>Бодоньи М.А.</i> Подходы к оценке письменной речи как основа для моделирования объектов контроля.....	26
<i>Большаков А.В.</i> Место политкорректных эвфемизмов в современном речевом пространстве.....	36
<i>Волошина К.С., Савельева О.Г.</i> Имена прилагательные с характеристикой внешних и моральных качеств человека: оценочный компонент.....	42
<i>Гурьева З.И., Петрушова Е.В.</i> К вопросу о построении концептосферы экономики и бизнеса (на материале финансовой терминологии).....	48
<i>Демьянова О.П.</i> Лексико-семантический анализ английских словосочетаний-терминов в подъязыках Computer Science.....	55
<i>Жандарова А.В., Семенова С.Н.</i> Деривационные процессы вербализации экономической картины мира.....	63
<i>Жук Е.Е.</i> Грамматические приемы перевода языковых средств комического.....	72
<i>Кайзер Б.А.</i> Масс-медийные коммуникации в функциональном аспекте.....	79
<i>Кодрле С.В.</i> Основные направления реформирования отечественного общего образования в период 2000- 2010гг.....	86
<i>Котик О.В., Письменная Н.Я., Лоза В.И.</i> О роли исторических текстов на английском и латинском языках в процессе обучения иностранному языку в вузе.....	93
<i>Лопатина Н.Р.</i> Структурно-морфологический анализ английских объектных цветообозначений на материале романа ДЖ. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский	

камень».....	102
<i>Любина И.М.</i> Лингвистическая специфика изучения концепта «Возраст».....	110
<i>Макоедова Н.В.</i> Дискурсивная компетенция как составляющая иноязычной коммуникативной компетенции.....	121
<i>Пилипенко С.Н.</i> Алгоритм работы с источниками научной информации на английском языке (на примере биологического факультета КубГУ).....	128
<i>Писаренкова С.Е., Писаренков А.А.</i> Суггестивные практики формирования «текстуальной» реальности в медиа сфере.....	134
<i>Подкопаева А.А.</i> Вербализация концепта «Home/House» в романе «Башня из черного дерева» Джона Фаулза.....	144
<i>Резепова В.К.</i> Методика обучения написанию академического эссе на английском языке.....	154
<i>Савельева О.Г., Волошина К.С.</i> Реализация концепта «Еда» в лексическом тезаурусе: антропоцентрический подход.....	160
<i>Семенова С.Н., Жандарова А.В.</i> Дискурсивная компетенция как структурно-морфологическое и компонентное содержания терминосистемы предметной области «Горные экосистемы».....	169
<i>Семерджиди В.Н.</i> Развитие социокультурной компетенции через дидактический текст по иностранному языку (на материале современных учебников английского и русского языков).....	176
<i>Сергеева О.В.</i> Речь преподавателя.....	182
<i>Спасова М.В.</i> Стилистические особенности интернет- коммуникации в современном английском языке.....	189
<i>Толстикова Л.В.</i> Прием языковой игры в текстах русских и английских газет.....	197
<i>Уварова И.В., Артамонова Т.Ф.</i> Обучение переводу текстов по специальности студентов медицинского вуза.....	204
<i>Хорольский В. В., Петрушова Е.В.</i> Особенности	

использования метафоризированной терминологии в англоязычных СМИ (на материале научно-популярных финансово-экономических текстов).....	210
<i>Шеремет С.А.</i> Особенности фразеологической синонимии, антонимии и полисемии в английской языковой картине мира.....	221

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 03.04.2017. Формат 60х84 1/16.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,6.

Тираж 500 экз. Заказ №

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.